

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

№ 3, 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Тимошенко А.И. Концепт «сибирский тыл» (конец XIX–начало XX в.)	5
Поршнева О.С. Власть и общество в России в условиях общенациональной мобилизации (1914 – февраль 1917 г.)	9
Марискин О.И. Налогообложение населения России в период Первой мировой войны (по материалам Среднего Поволжья)	15
Шиловский М.В. Органы государственного управления и городского самоуправления в Азиатской России во время Первой мировой войны (август 1914 г. – февраль 1917 г.)	19
Суржикова Н.В. Перепись военнопленных Первой мировой войны в России: причины, условия, итоги (по материалам Пермской губернии)	23
Рынков В.М. Социальная мобильность в годы Первой мировой войны: специфика Азиатской России	27
Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны в Советской России. 1918–1919 гг.	32

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Гурьянова Н.С. Старообрядцы и рукописное наследие Древней Руси.	37
Журова Л.И. «Соборник» митрополита Даниила и культура проповеди в Московской Руси XVI в. (постановка проблемы)	41
Шпилов И.А. Источники по истории географических исследований Западной Сибири и Якутии в конце XVIII в. (материалы М. Сауера)	45
Мангилева А.В. Книжная культура провинциального духовенства второй половины XIX– начала XX в.: история библиотеки протоиерея Е.А. Попова.	49
Лютюв С.Н., Панченко А.М. Создание полиграфической базы для академического книгоиздания в Сибири (1957–1971 гг.)	52
Зольникова Н.Д. Тувинские черноризцы XX в. в атеистической литературе и Урало-Сибирском старообрядческом патерике	56

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Зверев В.А. Современная историография процесса воспроизводства сельского населения Сибири в конце имперского периода	61
Запороженко Г.М. Городская потребительская кооперация Сибири в начале XX в.: источниковедческий аспект	66
Островский Л.К. Репатриация оптантов, беженцев и военнопленных из Сибири в Польшу (1921–1924 гг.)	70
Судейманов А.А. Юкагирская комплексная экспедиция 1959 г.	74
Долголюк А.А. Освещение проблем капитального строительства в зарубежной историографии.	78
Воронцова Е.А. Музей как элемент системы информационного обеспечения исторической науки: теоретико-методологические аспекты	82
Киселев А.В. Роль академических экспедиций XVIII в. в становлении отечественного краеведения	86

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Посадсков А.Л. «Осведказак» и его начальник полковник Ф.И. Поротиков: к истории издательской работы в Белой армии Сибири (1919–1920 гг.)	90
Иванов В.Г. Архив поэта Е.П. Иорданского как источник по истории литературного движения и самиздата Сибири 1960–1980-х гг.	95
Базылева Е.А. Книготорговая деятельность Императорского Русского географического общества	99
Орлов С.Б. Рец. на кн.: Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол: сб. науч. стат. / отв. редакторы И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2013. 262 с.	102
Туманик Е.Н. Рец. на кн.: Сливовская Виктория. Побег из Сибири. СПб.: Алетей, 2014. 536 с.	104
Матханова Н.П. Рец. на кн.: Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013 (серия «Азиатская Россия», вып. 10) 503 с.	106
Трофимов А.В. Рец. на кн.: Карпов В.П. Анатомия подвига: человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2014. – 184 с.	107
Summary	109

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), доктор ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия) д-р ист. наук, профессор *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, канд. ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук, профессор *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 15.09.14. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 227.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

N 3, 2014

CONTENTS

ON THE CENTENNIAL OF THE WORLD WAR I

Timoshenko A. I. The Concept of “Siberian Rear» (Late XIX – Early XX Centuries)	5
Porshneva O.S. State, Society and Nationwide Mobilization in Russia during the First World War, 1914 – 1917.	9
Mariskin O.I. The Taxation of the Population of Russia during World War I (by the Materials of the Middle Volga Region)	15
Shilovskiy M.V. Administrative Authorities and Municipal Self-Government Bodies in Asiatic Russia during the First World War (August, 1914 – February, 1917)	19
Surzhikova N.V. Prisoners of World War I Census in Russia: Causes, Conditions, Results (On the Materials of the Perm Province)	23
Rynkov V.M. Social Mobility during World War I: Specific Features of Asian Russia.	27
Belova I.B. Refugees of the First World War in Soviet Russia. 1918-1919	32

BOOK CULTURE

Guryanova N.S. The Old-Believers and the Manuscript Heritage of Early Russia	37
Zhurova L.I. Metropolitan Daniel’s “Sobornik” (“Collected Writings”) and Preaching Culture in Muscovite Rus in the XVI Century (On the Problem Statement)	41
Shipilov I.A. Sources on the History of Geographic Research of Western Siberia and Yakutia in the Late XVIII Century (M. Sauer’s Materials)	45
Mangileva A.V. Book Culture of the Provincial Clergy in the Second Half of the XIX - Early XX Century. : History of the Library of Archpriest EA Popov.	49
Lyutov S.N., Panchenko A.M. Creation of Polygraphic Base for the Scientific Book Publishing in Siberia (1957-1971)	52
Zolnikova N.D. The Tuvinian Chernoriztsy (Monastic Old-Believers) of the XX century in the Atheistic Literature and Old-Believers’ Uralo-Sibirsky Paterik (“Ural and Siberian Collected Patristic Writings”)	56

PROBLEMS OF HISTORY

Zverev V.A. The Modern Historiography of the Process of Reproduction of the Rural Population in Siberia in the Late Imperial Period.	61
Zaporozhchenko G.M. Urban Consumers’ Co-operation in Siberia At the Beginning of the XX Century: Source Studies Aspect	66
Ostrovskiy L. K. Repatriation of Optants, Refugees and Prisoners of War from Siberia to Poland in 1921 – 1924.	70
Suleymanov A.A. The Yukaghir Complex Expedition of 1859	74
Dolgolyuk A.A. Capital Building in Siberia in Foreign Historiography.	78
Vorontsova E.A. Museums as an Element of the Information Support System for the Historical Science: Theoretical and Methodological Aspects	82
Kiselev A.V. The Role of the XVIII Century Academic Expeditions in the Development of Local Studies in Russia	86

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Posadskov A. L. “Osvedkazak” and Its Chief Colonel F.I. Porotikov: On the History of Publishing in the White Army of Siberia (1919-1920)	90
Ivanov V.G. Archive of the Poet E.P. Iordanskiy as a Source on the History of Literary Movement and “Samizdat” Publishing in Siberia in the 1960s-1980s	95
Bazyleva E. A. Bookselling Activities of the Imperial Russian Geographical Society	99
Orlov S.B. Rec. ad op.: Novations in the Museum World. Museum as Communication Protocol. Collected Articles. Ed. by I.V. Chuvilova, O.N. Shelegina. Novosibirsk, 2013. 262 p. [Orlov S.B. Novatsii v muzeynom mire. Muzei kak kommunikatsionniy protocol. Sbornik nauchnikh statey. Otv. red.: I.V. Chuvilova, O.N. Shelegina. Novosibirsk, 2013. 262 s.]	102
Tumanik Ye.N. Rec. ad op.: Sliwowska W. Escapes from Siberia. SPb., 2014. 536 p. [Slivorskaya V. Pobegi iz Sibiri, SPb., 2014. 536 s.]	104
Matkhanova N.P. Rec. ad op.: Dameshek L.M., Zhalsanova B.Ts., Kuras L.V. History of the Local Self-Government of the Buryats in the XIX – early XX centuries. Ed. by B.V. Bazarov / Series “Asiatic Russia”. Issue 10. Irkutsk: Irkutsk State University Press, 2013. 503 p. [Dameshek L.M., Zhalsanova B.Ts., Kuras L.V. Istoriya organov mestnogo samoupravleniya buryat v XIX – nachale XX v. Otv. red. B.V. Bazarov / Seriya “Aziatskaya Rossiya”. Vyp. 10. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo universiteta, 2013. 503 s.]	106
Trofimov A.V. Rec. ad op.: Karpov V.P. Anatomy of a Heroic Deed. Man in the Soviet Model of Industrialization of the Tyumen North. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University Press, 2014. 184 p. [Anatomiya podviga: Chelovek v sovetskoy modeli industrializatsii Tyumenskogo Severa. Tyumen: Izd-vo TyumNGU, 2014. 184 s.]	107
Summary	109

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC MAGAZINE
“GUMANITARNIYE NAUKI V SIBIRI”**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Board, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of Historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor of Historical Sciences, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of Historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of Historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of Historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of Historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of Historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of Historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of Historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk).

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical sciences *V.I. Isaev*, Doctor of historical sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of Historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical sciences *L.V. Kuras*, Candidate of Historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of Historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical sciences, Professor *N.P. Mathanova*, Doctor of historical sciences *S.P. Nesterov*, candidate of historical sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of Historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of Historical Sciences *O.N. Shelegina*.

Editorial address: 630090 Novosibirsk, Ul.Nikolaeva, 8
Institute of History, SBRAS, room no. 301, tel. 8-383-330-24-31
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Smirnova, Vera Ivanovna

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, № 0110807

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
630090, Novosibirsk, Morskoy Pr., 2

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 332.130.1(571)

А.И. ТИМОШЕНКО

КОНЦЕПТ «СИБИРСКИЙ ТЫЛ» (КОНЕЦ XIX–НАЧАЛО XX в.)*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: timoshenkoai@ngs.ru

В статье предпринята попытка определить сущностное наполнение понятия «сибирский тыл», его возникновение и развитие, а также проанализировать стремление к созданию тыловых районов как части геополитической и военно-оборонной стратегии Российского государства. Концепт «сибирский тыл» трактуется как некий замысел, отраженный в идеях и планах, которые по объективным причинам рано или поздно реализуются на практике. Автор акцентирует внимание на том факте, что в конце XIX – начале XX вв. определилось смысловое значение понятия «сибирский тыл», а также был создан образ территории, находящейся в центре государства и относительно защищенной от пограничных вторжений. В этот период «сибирский тыл» в широтном направлении географически был обозначен в районе от восточных отрогов Среднего Урала до междуречья Иртыша и Оби. Природные ресурсы территории оценивались с учетом перспектив колонизации и дальнейшего социально-экономического развития, подразумевавшего насаждение как аграрного, так и промышленного производства. Особый интерес для создания военно-промышленных предприятий, с позиций государственного управления и предпринимательства, представляло развитие горной и металлургической отраслей.

В проблемном поле статьи обозначены пространственно-географическая составляющая концепта «сибирский тыл» и его историческая роль в геополитической стратегии Российского государства. Подчеркнуто, что потребность в создании тыловых индустриальных районов обострилась с началом Первой мировой войны. В этот период для Сибири первостепенное значение в плане самоорганизации территории, ее заселения и хозяйственного освоения имело железнодорожное строительство. Первым и наиболее действенным шагом стало сооружение Транссиба, положившее начало строительству других железных дорог, ставших каркасом экономического развития региона.

Ключевые слова: сибирский тыл, пространственно-географический фактор, геополитическая стратегия, экономические резервы, природные ресурсы, военно-промышленное производство.

Понятие «тыловой район» в мировой политике и практике наиболее отчетливо стало обозначаться в конце XIX – начале XX вв., когда экономические и политические лидеры различных стран развернули масштабную борьбу за ресурсы и сферы влияния на планете. Войны приобретали все более глобальный характер, определяя не только взаимоотношения между отдельными странами, но и общий мировой порядок. В этих условиях большую значимость имела не только непосредственная организация военных действий, но и укрепление тылов воюющих государств, которые даже в мирное время рассматривались как часть военно-оборонного потенциала той или иной страны.

Идеи о формировании российских тыловых районов стали высказываться примерно в этот же период. Вначале в процессе попыток экономического районирования развития производительных сил на обширной территории государства, затем в связи с движением капиталистической индустриализации «вширь», вектор которой направлялся в восточную сторону. Появление концепта «сибирский тыл» определялось, по сути дела, двумя главными факторами. Первый из них был связан с пространственно-географическим и геополитическим расположением Сибирского региона в центре Российского государства в относительном удалении от всех его границ. Вторым фактором являлось богатство природных ресурсов, которое делало регион мощным экономическим резервом государства в случае международных конфликтов как на западе и юге, так и на востоке. С севера Сибирь в конце XIX – нача-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00068.

ле XX вв. была надежно защищена льдами Северного Ледовитого океана.

Объективно существующие в мире проблемы конкурентной борьбы, приводящей к войнам, в этот период получили освещение и в научно-теоретическом плане. Одним из первых к ним обратился английский экономгеограф Х. Дж. Маккиндер, который сравнил силовые потенциалы государств и существующие на Земле географические пространства. При этом он обнаружил, что в складывающемся мировом балансе сил существует определенная структура противодействия, зависима как от объективных, так и субъективных обстоятельств. В результате он стал основателем новой науки геополитики как системного знания, изучающего закономерности распределения сфер влияния на территориях не только отдельных стран, но и целых континентов и океанов.

В свои научные изыскания Х. Дж. Маккиндер ввел понятия: «ось истории», «сердцевина», «срединная земля», «хартленд», которые, по сути дела, являлись однопорядковыми, так как определяли некое ядро государственного или в целом цивилизационного развития. В 1904 г. в работе «Географическая ось истории» он применил эти понятия для объяснения процессов, исторически происходивших в Евразии, где обозначился некий цивилизационный «осевой» центр, находящийся примерно в районе принадлежавших Российской империи территорий: Поволжья, Урала и Западной Сибири [1, с. 162–169]. В последующих трудах Маккиндера границы «хартленда» несколько смещались, но главная идея их значимости сохранялась. «Хартленд» обозначался как крайне эффективная для национального развития территория, богатая природными ресурсами и максимально защищенная от внешнего воздействия, т. е. находящаяся в глубине страны.

Российское государство, расположенное одновременно на двух континентах, само могло быть определено как континент, пока закрытый от агрессии океанических держав, но весьма привлекательный. Противостоять в этой борьбе за ресурсы и сферы влияния Россия могла только за счет внутренней самоорганизации, стремлением к которой, по-видимому, и стали активно развивающиеся примерно со второй половины XIX в. процессы изучения производительных сил и природных ресурсов отдельных регионов. Российские экономисты и географы предпринимали попытки экономического районирования, что было связано в первую очередь с определением потенциальных возможностей населения и сельскохозяйственного производства в европейских районах страны.

Изучение азиатской части России активизировалось в процессе строительства Транссиба и особенно после его введения в эксплуатацию. В условиях крайнего разнообразия регионального развития возникали мысли о разделении азиатских пространств Российского государства на части в соответствии с их природно-климатическими и социально-экономическими особенностями. Такие идеи впервые прозвучали в 1906 г.

на совещании в Иркутске, посвященном решению транспортных проблем Сибири. Его участники при рассмотрении перспектив экономического развития региона предлагали основываться на разделении этого региона на четыре части. При этом роль меридионального делителя могла выполнять река Енисей, условно разделяющая Сибирь на западную низменную часть и восточную гористую, а существующая железнодорожная магистраль делила пространство региона на юг и север – части, отличающиеся между собой по природно-климатическим условиям [2, с. 2–3, 9].

В реальной политике азиатская часть России рассматривалась пока как единая территория, подлежащая заселению и хозяйственному освоению. Стратегические идеи экономического развития восточных территорий России присутствовали при разработке планов российского правительства под руководством С.Ю. Витте, который был сторонником продвижения на восток железнодорожного строительства, промышленности и предпринимательства. Он считал, что Сибирь и Дальний Восток необходимо заселить русскими людьми, которые станут опорой независимости и целостности страны. Кроме того, русское население на этих территориях рассматривалось в качестве главного проводника здесь российской государственной политики [3, с. 336–346].

Таким образом, наличие экономически и социально устойчивого, самодостаточного сибирского тыла находилось в рамках геополитической стратегии Российского государства, касающейся в первую очередь его восточных и юго-восточных рубежей. С.Ю. Витте неоднократно высказывался о том, что России, как стране континентальной, в военной и экономической сферах следует главное внимание обращать не столько на развитие морского флота, сколько на усиление сухопутных войск и расширение возможностей их мобилизационной активности за счет железнодорожного строительства и создания военной промышленности на всей территории, особенно удаленной от границ [3, с. 328–331].

В международных вопросах С.Ю. Витте придерживался мнения о необходимости поддерживать добрые отношения с соседями и сотрудничать с ними преимущественно в экономической сфере. Для реализации своих планов он смог убедить императора Николая II и членов российского правительства в необходимости строительства Китайской-Восточной железной дороги (КВЖД), которая, пройдя через Маньчжурию, сможет в значительной мере усилить влияние России в Китае и в Юго-Восточной Азии в целом. В рамках договора 1896 г. с восточным соседом удалось на какой-то срок обеспечить преобладающее влияние России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но не избежать противостояния с Японией, что привело к Русско-японской войне в 1904–1905 гг.

После заключения Портсмутского мирного договора влияние России на Дальнем Востоке значительно ослабло. Война продемонстрировала экономическую и транспортную слабость России и поставила правительство перед фактом, что Сибирь и Дальний Восток

необходимо срочно заселять и хозяйственно осваивать, иначе их можно потерять. Поэтому, по-видимому, это понимание стало одной из причин для поддержки государственными структурами России масштабных крестьянских переселений из европейских районов страны в Сибирь, которые осуществились в первое десятилетие XX в. и внесли свой вклад в формирование концепта «сибирский тыл» Российского государства.

Свое понимание регионального развития высказывали российские промышленники и предприниматели. В этот период более или менее крупное промышленное производство, в том числе и военное оборонного значения, находилось в восточных регионах России в основном не далее Урала, пространственно-географическое расположение которого также подходило под концепт тылового района. Однако темпы развития здесь промышленных предприятий, особенно металлургических, сдерживались недостатком топливно-энергетических ресурсов. Поэтому высказывались идеи о том, что крупномасштабная модернизация уральской металлургии невозможна без коксующегося угля Кузбасса.

Проблема экономического объединения Урала и Сибири активно обсуждалась в 1910–1914 гг. с участием представителей государственных структур и крупного корпоративного капитала. В геополитическом смысле это обсуждение можно оценить как стремление организовать некий тыловой межрегиональный индустриальный центр страны, где возможно по необходимости в самые короткие сроки развернуть военное производство.

Относительно промышленного развития Сибири пока высказывались отдельные идеи. После Русско-японской войны озвучивались иногда достаточно экзотические предложения. Например, в Бюро экономических исследований Руммера, организованном в Петербурге на средства художника и общественного деятеля А.А. Борисова, рассматривались проекты создания в центре Западной Сибири (от г. Колпашево к северу по параллели до с. Мужы) целого комплекса металлургических, машиностроительных, химических производств, способных составить основу военной промышленности. Здесь же в процессе крестьянского заселения и сельскохозяйственного освоения со временем планировалось организовать экономически крепкий тыловой район. Кроме того, пристально рассматривалась роль Северного морского пути как основы для транспортного обеспечения северной части Азиатской России и активизации ее экономического развития. Государственные организации призывались к вкладыванию более значительных, чем ранее, средств в геологическое и гидрографическое изучение арктических территорий с целью изыскания возможностей организации как грузоперевозок, так и производств для освоения различных природных ресурсов и месторождений полезных ископаемых [4, с. 45–46, 50–57, 201].

В начале XX в. уже завершился первоначальный раздел мирового пространства и был в основном ис-

черпан потенциал «свободных» земель для колонизации. Крупнейшие политические и экономические лидеры мира все чаще избирали путь интриг и манипуляций, для чего объединялись в союзы, которые становились главным средством противостояния и надежд на победу над конкурентами. Ключевое значение приобретало не пространство той или иной страны вообще, а территория, важная в геополитическом и экономическом смысле, в частности богатая природными ресурсами и удаленная от границ. Сибирь подходила под концепт национально значимой территории практически по всем параметрам. Она находилась в центре страны и была защищена в случае военных конфликтов как с востока, так и с запада. Разведанные природные ресурсы казались неиссякаемыми. Единственный недостаток – слабая заселенность и суровые природно-климатические условия, которые возрастали по мере продвижения с юга на север. Последнее обстоятельство как раз и порождало стремление освоить данные территории. Предложения об этом уже были сформированы в процессе дискуссии о строительстве Транссиба. Хотя они часто и высказывались умозрительно, но имели под собой и объективную основу, связанную, как правило, с желанием повысить экономический и военно-стратегический потенциал Российского государства за счет освоения природных ресурсов Сибири.

Эту ситуацию высоко оценивал в своих теоретических построениях Х. Дж. Маккиндер, отводивший России ведущую роль на Евразийском континенте. Он писал, что «никакая социальная революция не изменит ее отношения к великим географическим границам своего существования». Россия, безусловно, занимает центральное стратегическое положение в Евразии и «может по всем направлениям, за исключением севера, наносить, а одновременно и получать удары». Поэтому ей, как континентальной державе, необходимо повышать свою мобильность и геополитическую активность преимущественно за счет масштабного железнодорожного строительства [1, с. 168–169].

Строительство Транссиба Маккиндер связал с началом нового и очень важного этапа в развитии Евразии. В 1904 г. он писал, что «не закончится еще это столетие, как вся Азия покроется сетью железных дорог. Пространства на территории Российской империи и Монголии столь велики, а их потенциал в отношении населения, зерна, хлопка, топлива и металлов столь высок, что здесь, несомненно, разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недостижимый для океанской торговли» [1, с. 168].

Действительно, мы можем констатировать, что предвидение ученого в какой-то степени сбылось. С постройкой Транссиба открылась реальная возможность заселения просторов Сибири. Ее земельные фонды приобрели большое значение для крестьянского переселения из европейских районов России и для роста на востоке России сельскохозяйственного производства. Целым рядом царских указов и распоряжений различных государственных органов в 1901–1911 гг.

под переселенческие участки в Сибири передавалась огромная часть кабинетских земель, поступивших в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия России для водворения на них переселенцев.

Прибытие крестьянских новоселов в Сибирь значительно ускорило хозяйственное развитие региона. С 1901–1905 гг. по 1911–1915 гг. среднегодовые площади посевов главных сельскохозяйственных культур увеличились примерно с 4 до 7 млн дес., а валовые сборы – с 200 до 350 млн пудов. Темпы роста посевных площадей в Сибири были в 5 раз выше, чем в Европейской России, а в Западной Сибири – в 8 раз. Наиболее товарная из культур – пшеница составляла половину всех посевов, а в центре страны – менее 1/5 [5, с. 8]. К 1917 г. Сибирь прочно вошла в число основных зерновых районов страны, поставляющих товарные излишки зерна как на внутренний, так и на внешний международный рынок.

Самые впечатляющие экономические достижения были связаны с развитием сибирского маслоделия. С 1987 по 1917 г. в Сибири стремительно росло поголовье скота и особенно коров. Строительство Транссибирской магистрали сделало возможным заводское производство сливочного масла, что значительно увеличило его объемы. В 1894 г. в Курганском уезде Тобольской губернии возникли первые маслодельные заводы, а в 1913 г. их насчитывалось 4092. Маслодельные заводы были организованы не только в Западной Сибири, но и в Минусинском уезде, Забайкалье, Якутии и Уссурийском крае. Стоимость вывозимого из Сибири масла увеличилась с 4 тыс. руб. в 1884 г. (400 пудов) до 68 млн руб. в 1912 г. (4460 тыс. пудов), что в 2 раза превышало стоимость добытого в регионе золота [5, с. 8–9].

Приведенные факты подтверждают, что строительство Транссиба стало действенным средством внутренней самоорганизации Сибирского региона, его заселения и экономического развития. Особенно ярко это проявилось в период промышленного подъема 1910–1914 гг., а затем в начале Первой мировой войны, когда вектор развития производительных сил Российского государства стал резко смещаться на восток. Война потребовала тотальной милитаризации экономики, все больших сырьевых и прочих материальных ресурсов в условиях резко сократившихся возможностей внешнеэкономических отношений. Российское правительство было вынуждено разрабатывать крупные мероприятия по организации экономики для отпора врагу.

Развитие производительных сил восточных регионов России, в том числе Сибири, приобрело особое значение. Строились планы создания здесь целых тыловых районов военно-оборонного профиля, где предполагалось с использованием различных природных и минерально-сырьевых ресурсов сооружать комплексы промышленных предприятий по производству металла, машин, вооружения [4, с. 56–57].

В качестве опорной системы экономического развития районов Сибири рассматривался железнодо-

рожный транспорт. Его значимость в продвижении на новые территории, богатые природными ресурсами, отмечалась на заседаниях Особого межведомственного совещания при Министерстве путей сообщения, действовавшего в 1915–1917 гг. с целью разработки перспективных планов железнодорожного строительства в России. Участниками заседаний подчеркивалось, что центр тяжести транспортного строительства пора перенести в районы Сибири, располагавшие громадным колонизационным фондом и не затронутыми еще хозяйственной практикой природными ресурсами [4, с. 60–61].

Необходимость и пионерная значимость дорог в Сибири признавались не только правительственными организациями, но и деловыми кругами. Так, в Сибирском бюро Военно-промышленного комитета в августе–декабре 1916 г. был в основном одобрен пятилетний план (1917–1922 гг.) железнодорожного строительства в регионе, предложенный Министерством путей сообщения. Особенно высоко оценивалось стремление правительства поддержать строительство в Кузнецком и Алтайском округах, где предполагалось промышленное строительство, освоение торговых дорог в Среднюю Азию, Монголию и Китай. Также признавалась необходимость сооружения в ближайшее пятилетие второй после Транссиба широтной магистрали с условным названием Северосибирская, которая «возможно соединиться с только что построенной Мурманской железной дорогой, пройдет по Европейскому северу и разгрузит Сибирскую железную дорогу, укоротив пробеги к Северным и Балтийским портам» [6, с. 12].

В годы Первой мировой войны на Урале и в Кузбассе предпринимались конкретные меры по созданию второго после Донбасса крупного угольно-металлургического центра, который по плану мог бы стать основой индустриального развития значительной территории, находящейся в самом центре Евразии. Об этом со всей определенностью говорилось в докладе Совета Съездов представителей торговли и промышленности «О мерах по развитию производительных сил России», представленном российскому правительству в 1915 г. В нем подчеркивалось, что в условиях войны крайне необходимо ускоренное развитие новых металлургических и машиностроительных центров, вначале на Урале, а затем и далее в Сибири [7, с. 39–40].

Острая постановка проблем индустриального развития обширной Урало-Сибирской зоны в этот период может быть рассмотрена, с одной стороны, как стремление сформировать резервное военно-стратегическое индустриальное «ядро» Российского государства, а с другой – как попытка предпринимателей Урала и Сибири определить и свои послевоенные перспективы, связать их с продвижением индустриального производства далее на восток от Урала, туда, где существует объективная потребность в металлах, машинах и других промышленных продуктах.

Уральские и сибирские предприниматели в складывающейся в годы войны ситуации надеялись при

поддержке государства обеспечить себе победу над конкурентами из Европейской России. Вместе с тем они, возможно и неосознанно, способствовали формированию концепта «урало-сибирский тыл» Российского государства, который в нашем понимании может трактоваться как некий замысел, отражающийся в идеях и планах, рано или поздно реализующихся на практике в силу своей объективной необходимости и закономерности.

Наш вывод о том, что складывающаяся в годы войны обстановка объединила интересы предпринимательства и государства в стремлении к экономическому и военно-стратегическому усилению тыловых районов России, может быть подтвержден и другим источником, имеющим уже чисто сибирское происхождение. По инициативе Томского губернского военно-промышленного комитета в 1916 г. в Томске была издана брошюра биржевого общества «К вопросу о насаждении промышленности в Западной Сибири», где изложены взгляды томских предпринимателей на развитие промышленности в Сибири. В ней говорилось, что огромные сырьевые ресурсы Западной Сибири позволяют развивать в ней горнозаводскую промышленность, особенно в Кузбассе и на Алтае, а также разностороннюю обработку древесины, текстильное производство, кожевенное дело и пищевую отрасль промышленности. Далее отмечалось, что в связи с эвакуацией по военным обстоятельствам ряда промышленных предприятий из западных районов России государственным органам следует подумать о создании в Сибири «собственной обрабатывающей промышленности». В четырехугольнике Томск–Кузнецк–Семипалатинск–Новониколаевск, расположенном в самом центре государства, можно создать «новый центр для всего русского народного хозяйства» [8, с. 38–39].

Изложенные выше идеи были реализованы уже в советский период в результате выполнения индустриальных планов первых пятилеток. Тем не менее события мирового и российского масштаба, происходившие в конце XIX–начале XX вв., подготовили возникновение и сущностное наполнение концепта «сибирский тыл», получившего затем дальнейшее развитие и практическое воплощение. В СССР сибирский тыл становится органичной частью военно-оборонного потенциала страны, постепенно наращивая свой вклад в обеспечение Российскому государству статуса великой державы, которая на протяжении всего советского периода поддерживала достаточно высокий уровень обороноспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории. // Полис. 1995. №4. С. 162–169.
2. Труды Совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск. 1907. Т.1. 240 с.
3. Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. М.: Наука. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. 647 с.
4. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке. Концепции и решения. Новосибирск, 2007. 288 с.
5. Горюшкин Л.М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX–начале XX веков / Препринт доклада. Новосибирск, 1989. 25 с.
6. План развития железных дорог Сибири в 1917–1922 гг. Пг., 1917. 61 с.
7. Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского севера-востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. 356 с.
8. К вопросу о насаждении промышленности в Западной Сибири. Томск, 1916.

*Статья поступила
в редакцию 01.04.2014*

УДК 94 (470.5)“1914/19”

О.С. ПОРШНЕВА

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ (1914 – февраль 1917 г.)

д-р ист. наук, профессор,
Уральский федеральный университет (УрФУ),
г. Екатеринбург
e-mail: porshneva@yandex.ru

Статья посвящена проблемам взаимоотношений власти и общества в России в условиях общенациональной мобилизации 1914 – февраля 1917 гг. Термин «общенациональная мобилизация» используется в широком смысле, означающем участие общества в военных усилиях государства. Дана характеристика патриотической консолидации населения в начальный период войны, общественных настроений по отношению к войне и специфики их проявления в различных социальных слоях. Показаны способы духовной мобилизации общества, характер патриотической пропаганды. Проанализированы становление и развитие сотрудничества власти и общества, его основные формы, появление сферы «самоорганизации»: самоорганизации и гражданской активности населения. В статье приведена оценка деятельнос-

ти Земского и Городского союзов, военно-промышленных комитетов, государственно-общественных организаций, благотворительных обществ, направленной на мобилизацию тыла для нужд фронта и на решение социальных проблем военного времени. Обосновано значение появления общественных объединений всероссийского масштаба, возникновения новых направлений в деятельности сложившихся общественных организаций, расширения сферы гражданской деятельности. Обозначены факторы и проявления эволюции отношений власти и общества, определившие кризис национальной мобилизации в военных условиях. Показана роль «великого отступления» русской армии 1915 г. в расширении участия общественности в процессах мобилизации тыла и нарастании противоречий в правящих верхах, отношениях власти и общества. Прослежены проявления политического кризиса, политизации общественной жизни, конфронтации в отношениях власти и общественности, неэффективности системы государственного управления, роста социально-экономических трудностей, дискредитации власти и имущих верхов в глазах масс, обусловившие судьбу проекта национальной мобилизации в России.

Ключевые слова: Первая мировая война, власть, российское общество, национальная мобилизация, сотрудничество, гражданская деятельность, кризис, конфронтация.

Достижением современной историографии стал сравнительный анализ практик национальных мобилизаций в европейских странах [1], позволяющий выявить общее и особенное в реализации российского варианта. Специфика политического, экономического и социокультурного развития России обусловила слабость официальной «патриотической» пропаганды и идейно-психологической подготовки к войне в предшествующие ей годы. Это было вызвано рядом причин: опасениями в неадекватном восприятии низами антинемецкой агитации, способной спровоцировать социальный взрыв; недостаточной готовностью страны к войне в силу запаздывания в реализации военно-технических преобразований, незавершенности реформ; предвидением возможных трагических последствий неудачной войны; германофильскими настроениями части правящей российской элиты.

Разработка идейного обоснования участия России в войне с германским блоком началась после вступления страны в конфликт 19 июля 1914 г. и велась, как и в других странах, с позиций защиты своей земли, народа, его коренных интересов и ценностей от посягательств других держав. Николай II в высочайших манифестах от 20 и 26 июля 1914 г. об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией обозначил причины и характер участия России в европейском конфликте: защита территории страны, ее чести, достоинства, положения среди великих держав, а также «единокровных и единоверных братьев-славян» [2, с. 1].

Идея единения во имя мобилизации всех сил страны для борьбы с внешним врагом, провозглашенная Государственной думой на чрезвычайной сессии 26 июля 1914 г. [3, с. 3], получила в начале войны поддержку большинства населения в столицах и провинции. Значительная его часть воспринимала эту идею как единение царя со своим народом, активно ее поддерживая [4, с. 73–98].

Патриотические и религиозные настроения проявились в массовых манифестациях и молебнах о даровании победы, проходивших в июле–начале августа 1914 г. в городах, рабочих поселках, селах России¹ [5,

с. 73]. Антивоенных стачек рабочих ни в столице, ни в провинции в связи с началом войны не было, лишь в Петербурге были отмечены три кратковременные уличные демонстрации антивоенного характера [6, с. 437].

Религиозный подъем, жертвенность, преодоление эгоизма во имя общих интересов были одними из проявлений духовной атмосферы начала войны во всех европейских странах. Общий энтузиазм первых дней войны отражал распространенные иллюзии освобождения от классового эгоизма, сословных привилегий и различий [7, с. 547]. Поведенческими измерениями «настроения 1914 г.» в России были участие в мобилизации, добровольческом, благотворительном движении в столицах и провинции [8, с. 185–200].

Практически вся легальная пресса в годы войны (856 наименований с разовым тиражом 2,7 млн экз.), включая и издания левого (умеренно-социалистического и либерального) направления, пропагандировала патриотизм разных идейных оттенков [9, с. 74]. Концепция справедливой освободительной войны разрабатывалась и транслировалась всеми средствами пропаганды, тиражировалась в газетах, журналах, специальных популярных брошюрах и альманахах, в лубочной литературе, кинематографе, театре, разъяснялась с амвонов церковью.

Критические, пацифистские настроения, неприятие официальной пропаганды проявлялись главным образом в среде интеллигенции [10, с. 22–24; 11, с. 75; 12, с. 181]. Открытое проявление критических взглядов затруднялось не только в связи с вступившими с началом войны цензурными ограничениями², но и доминирующими эмоциями и общественными настроениями. Вместе с тем сами концепции патриотизма, проявлявшиеся в культурных практиках населения, были гетерогенны и динамичны [13, с. 393].

Среди общинного крестьянства преобладал традиционный патриотизм, ориентированный на государство и/или регион, что отражало неразвитость национальных форм самосознания в этой социальной среде. Рабочие и крестьяне России, как и некоторых других европейских стран «второго эшелона» модернизации или их регионов [14; 15; 7, с. 531], не склон-

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. 4 Д-во. Оп. 123. Д. 14 ч. 7. Л. 17; Д. 73. ч. 7. Л. 16; Д. 90. ч. 7. Л. 16; Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО). Ф. 65. Оп. 1. Д. 1416. Л. 1, 3, 4, 25, 49, 64, 68, 221, 224;

Московские ведомости. 1914. 18 (31) июля; Зауральский край. 1914. 19, 20 июля.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1482. Л. 26.

ны были отождествлять свои интересы с интересами образованных и имущих «верхов», а крестьяне – с интересами горожан и жителей других местностей. Однако в начале войны социальные конфликты были «заморожены», и мобилизация в целом прошла успешно: 96 % подлежащих призыву явились на мобилизационные комиссии. Если до объявления общей мобилизации численность вооруженных сил России составляла 1 423 000 чел., то после ее проведения и дополнительных призывов к концу 1914 г. в строю оказалось свыше 6,5 млн чел.³, причем около 75 % всех призванных в армию уже в первую неделю мобилизации составляли крестьяне [16, с.13]. В дальнейшем доля крестьян еще более возросла: из 15,8 млн мобилизованных в русскую армию к осени 1917 г. свыше 12,8 млн были призваны из деревни⁴.

Крестьяне и большинство рабочих относились к войне как к року, ниспосланному Богом испытанию, стихийному бедствию, с которым невозможно бороться. Господствовавшая авторитарно-патриархальная политическая культура обусловила актуализацию в народном сознании формулы «За Веру, Царя и Отечество», являясь основой архетипа восприятия службы и традиционного поведения новобранцев. Мобилизация ознаменовалась волнениями запасных нижних чинов, принявшими характер стихийных погромов казенных винных лавок, магазинов, складов, помещичьих имений⁵. Эти волнения имели место в 49 из 101 губернии, области и округа России [16, с.14], были спровоцированы введением сухого закона, нарушавшего традиционный ритуал проводов новобранцев в армию. В некоторых случаях в них звучали социальные мотивы, отражавшие остроту аграрного и рабочего вопросов.

Уже в первые недели войны выявилась насущная необходимость сотрудничества власти и общества в решении задач военного времени. Это объяснялось и непредвиденными масштабами военных действий, и неспособностью правительства в одиночку руководить сложным делом мобилизации национальных ресурсов, наладить снабжение армии и нормальное функционирование фронта и тыла. В обстановке патриотического подъема в начале войны возник ряд общественных организаций, призванных помогать правительству, армии и населению в военных условиях. Наиболее влиятельными из них стали всероссийские Земский и Городской союзы.

30 июля 1914 г. в Москве на съезде представителей земств был образован Всероссийский земский союз (ВЗС). В его состав вошла 41 земская губерния (за исключением Курского губернского земства) и область войска Донского, вошедшего в союз по специальному предписанию Военного министерства. 12 августа 1914 г. император утвердил существование и

узаконил деятельность союза. После этого министр внутренних дел Н. Маклаков разослал особый циркуляр всем губернаторам с предложением сотрудничать в общем деле⁶.

Сначала компетенция ВЗС, оставалась незакрепленной, однако в законодательном порядке включала оказание помощи больным и раненым воинам в тылу. Высшая власть, санкционируя создание влиятельных общественных организаций, исходила из серьезности положения, изменившихся настроений и взаимоотношений с обществом, а также из представления о кратковременности войны, при этом возникшие учреждения рассматривались как временные. Уже через несколько недель сфера деятельности союзов начала неуклонно расширяться, распространившись на фронтную территорию и охватив разнообразные направления работы в решении острых проблем фронта и тыла. Важную роль в этом сыграла позиция военного руководства, расходившаяся с установками Николая II и большинства членов правительства. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, представители Ставки доверяли Земскому и Городскому союзам заказы на реализацию целого ряда мер по оказанию помощи действующей армии.

4 августа 1914 г. в Москве практически одновременно с ВЗС была образована другая общественная организация – Всероссийский союз городов (ВСГ)⁷. В сферу его деятельности входила организация врачебно-санитарных мероприятий, а затем – кредитных, торгово-промышленных, просветительных и других учреждений, востребованных военным временем. Комитеты союза городов, ведавшие делами помощи раненым и больным воинам, пользовались символикой и правами учреждений Красного Креста. Однако Городской союз сохранял в отношении Российского Общества Красного Креста полную самостоятельность в финансовых и внутренних вопросах [17, с. 9–13]. Основопологающей мотивацией земской и либеральной общественности при создании союзов стали представления о необходимости объединения усилий власти и общества, всех слоев населения во имя создания «мирной армии» в тылу, единого национального фронта [18, с. 199–200]. Другими побудительными мотивами были стремление повысить статус земского и городского самоуправления, роль буржуазно-либеральной общественности в управлении страной, решении государственных задач.

С первых дней своего существования союзы развернули многоплановую практическую работу, главным направлением которой стала помощь больным и раненым воинам. Уже через три месяца ВЗС подготовил госпиталей и лазаретов на 155 тыс. коек, при

³ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 18.

⁴ Там же. С. 4, 49.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е д-во. Оп. 123. 1914. Д. 138. Л. 25–129; Д. 138. Ч. 50. Л. 8–11, 19, 28, 29.

⁶ Особый циркуляр МВД № 37 от 16 августа 1914 г. по Высочайшему повелению о разрешении деятельности ВЗС // Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам // Известия Главного комитета. 1914. № 1. С. 11–12.

⁷ Особый циркуляр МВД по Высочайшему повелению № 8678 от 24 августа 1914 г. о разрешении деятельности ВСГ // Известия ВСГ. 1914. № 2. С. 58–59.

этом часть из них – на 32 тыс. коек – располагались в районах военных действий, свыше 100 питательных пунктов, а к 1 января 1916 г. госпитали, созданные на средства ВЗС, насчитывали 173 тыс. коек. [19, с. 242] ВЗС и ВСГ, как и многие другие общественные организации, стали центрами общественной самостоятельности, средоточием гражданской инициативы. Под их руководством на местах действовали многочисленные добровольные общественные объединения, такие как Комитеты служащих земств, Попечительские комитеты при лазаретах, Дамские кружки и др.

Небывалых масштабов достигла благотворительная деятельность, опиравшаяся на богатый опыт дореволюционной благотворительности. В экстремальных условиях военного времени резко возросли численность и спектр социальных категорий нуждающихся: это были прежде всего раненые, больные и увечные воины, солдатские семьи, беженцы и беспризорные дети [20, с. 319]. В годы войны возникли многочисленные новые благотворительные организации как универсального характера, так и специализированные [21, с. 10]. Значительная часть средств собиралась во время общественных мероприятий – благотворительных концертов, лотерей, лекций, чтений, вечеров, выставок, базаров. Широкое распространение в первый год войны получили пожертвования хлеба или денежных средств из запасов сельских обществ на нужды армии и устройство лазаретов. На пожертвования создавались общественные лазареты, столовые, ясли-приюты, детские площадки, солдаткам выплачивался дополнительный к казенному паек.

Сфера благотворительности не была свободна от недостатков, присущих многим сторонам процесса национальной мобилизации в российских условиях: бессистемности, отсутствия координации действий отдельных ее элементов, нерационального и порой расточительного расходования средств, хищений, должностных злоупотреблений. Щедрое субсидирование государством общественных организаций не исключало финансовых трудностей в реализации ими своих задач. Это было связано с растущими затратами на обслуживание фронта и тыла, решением многочисленных социальных проблем, инфляцией, дороговизной, скудостью местных бюджетов, низким уровнем жизни населения.

Поражения русской армии весной–летом 1915 г. – «великое отступление» – наглядно продемонстрировало крупные просчеты в подготовке страны к войне, организации снабжения армии оружием, боеприпасами и обмундированием, последствия несогласованности и некомпетентности действий военных и гражданских властей. Армия оказалась без необходимой артиллерии, снарядов, не хватало винтовок, патронов, сапог. Кризис военно-технического снабжения, обнаружившийся к концу 1914 г., достиг своего апогея в начале 1915 г., когда потребности армии в боевом снабжении удовлетворялись в среднем на 15–30 % [22, с. 9].

Трагедия отступления, сопровождавшегося тяжелыми потерями, эхом отозвалась в стране, дав импульс

развитию политического кризиса. Либеральная оппозиция возобновила свое противостояние с правительством, координируя его с помощью созданного в августе 1915 г. в Государственной думе Прогрессивного блока. Предписание Ставки военной цензуре ограничиться наблюдением за сохранением военной тайны открыло широкий простор для критики правительства в газетах [23, с. 17]. Со страниц печати, трибун органов местного самоуправления и общественных организаций, Думы звучали призывы к привлечению «всех живых общественных сил» к делу обороны страны, мобилизации тыла для нужд фронта, завуалированные и прямые требования создания «министерства общественного доверия» или «ответственного перед Думой правительства».

Под напором ситуации царь согласился привлечь к руководству делом обороны представителей буржуазии и либеральной общественности, санкционировав создание Особого совещания по государственной обороне, военно-промышленных комитетов (ВПК), объединенного комитета Земского и Городского союзов – «Главного по снабжению армии комитета» (Земгора). Непосредственным виновником катастрофы в общественном мнении предстал военный министр В.А. Сухомятин, отстраненный в июне 1915 г. от должности, преданный суду и осужденный к тому же за «государственную измену». По делу жандармского полковника С.Н. Мясоедова были уличены в шпионаже в пользу Германии и привлечены к суду почти два десятка должностных лиц и предпринимателей, носивших немецкие фамилии, о чем можно было прочитать в газетах. Это порождало впечатление, что предательство и измена свили гнездо повсюду и, прежде всего, во властных верхах, и это вызывало самые невероятные и страшные слухи [24, с. 105–107], подрывая доверие к правящей монархии.

Военно-промышленные комитеты, созданные по инициативе российских предпринимателей в мае 1915 г., характеризовались широким общественным представительством. В них входили деятели торговли и промышленности, кооперации, общественных организаций, правительственных учреждений, научно-технических организаций (ученые, инженеры, техники), а также юристы, врачи, учителя [25, с. 26–27]. Осенью 1915 г. по инициативе А.И. Коновалова при ВПК были созданы рабочие группы с целью поддержания гражданского мира, обеспечения социального партнерства рабочих и буржуазии в деле мобилизации промышленности. В целом ВПК, возглавив общественную промышленную мобилизацию, обеспечили более $\frac{1}{10}$ части всех военных поставок в действующую армию, исполнив 11 % военных заказов. Они привлекли к обслуживанию армии около 1300 средних и мелких промышленных предприятий, создали 120 собственных заводов и мастерских. К середине 1916 г. кризис военно-технического снабжения армии в целом был преодолен, в чем немалая заслуга принадлежала ВПК [25, с. 113]. В 1916 г. было образовано 239 местных комитетов, объединенных в 33 областных. К февралю

1917 г. из общего числа 240 ВПК в 58 были созданы рабочие группы.

В условиях развития в стране политического кризиса ВПК стали частью оппозиционных правительству сил, их члены разделяли платформу Прогрессивного блока, требования либеральных реформ. Со своей стороны, правительственные верхи, бюрократия ревностно относились к ВПК, а их буржуазных лидеров воспринимали как конкурентов, вторгающихся в сферу компетенции государственной власти. В то время как эпицентром политической деятельности комитетов был ЦВПК, провинциальные ВПК в своем большинстве были заняты каждодневным решением хозяйственно-экономических проблем.

Для решения наиболее острых проблем, от которых зависело эффективное функционирование военной экономики, в августе 1915 г. были созданы, помимо Особого совещания по обороне, целый ряд Особых совещаний: по топливу, продовольствию, перевозкам, устройству беженцев. В их состав входили правительственные чиновники, члены Государственного совета и думы, предприниматели, представители общественных организаций. На местах создавались местные органы Особого совещания по обороне – заводские совещания, по одному на несколько губерний. В них входили представители министерств, местных военно-промышленных комитетов, предпринимателей, земского и городского союзов. Своих уполномоченных и комитеты на местах имели и другие Особые совещания, также включавшие представителей государственных и общественных структур [26, с. 297–298].

Решением социально-экономических проблем занимались также органы самоуправления на местах, общественные организации. Так, для преодоления продовольственного кризиса потребовались не только экстренные меры правительства, но и вмешательство органов местного самоуправления. Земства и города, в частности, получили право заготовки и продажи хлеба по твердым ценам. Общая сумма закупок хлебных продуктов городами за дореволюционный период войны достигла 10,5 млн пудов, что составляло 77,3 % всех продовольственных закупок городов. Что касается земств, то закупочными операциями хлебов занимались 157 уездных земств. В середине 1916 г. по инициативе Союза городов был создан Центральный комитет общественных организаций по продовольственному делу. В его состав вошли представители Союзов земств и городов, ВПК, съезда делегатов биржевой торговли и сельского хозяйства, Всероссийской сельскохозяйственной палаты и других организаций [19, с. 277]. Однако земства не смогли результативно провести хлебозаготовки из-за финансовых трудностей, недоверия к земским заготовителям со стороны крестьянства, местного использования земствами железных дорог⁸ [19, с. 273–280; 27, с. 146].

⁸ ГАРФ. Ф. 102 ДП. 4-е Д-во Оп. 125 1916 г. Д. 15. Ч. 2. Л. 1; Д. 15. Ч. 3. Л. 4, 8; Д. 50. Ч. 3. Л. 19, 23; ГАПО Ф. 65 Оп. 1 Д. 333. Л. 252, 280, 296, 297, 298; Д. 334. Л. 8, 11, 26; Д. 1040. Л. 4

Важной характеристикой состояния власти стал развивавшийся с самого начала войны кризис системы управления, снижавший эффективность как правительственных, так и общественных усилий в деле мобилизации тыла на нужды фронта [23, с. 9–27]. Одновременно с сотрудничеством власти и общества в деле национальной мобилизации с середины 1915 г. стала проявляться конфронтация между основными участниками этого процесса. Роковой «развилкой» во взаимоотношениях либеральных кругов и императора, поворотным пунктом в настроениях широких общественных кругов стал отказ Николая II выслушать представителей земств и городов, собравшихся на свои съезды в сентябре 1915 г. Съезды приняли резолюции с требованиями политических реформ в ответ на роспуск Думы и в связи с военными неудачами и неурядицами в тылу [28, с. 19–24; 29, с. 82–85].

После этого отношение власти к союзам изменилось, значительно усилился контроль, практиковались разнообразные полицейские запреты и ограничения их деятельности. Николай II и консервативно настроенные министры исходили из идеи неизменности основных законов 1906 г., закреплявших дуалистическую монархию, а также из убеждения в опасности политической дестабилизации во время войны, импульсом к которой могут стать реформы политического строя. Апофеозом конфронтации между властью и обществом стал циркуляр министра внутренних дел А.Д. Протопопова от 11 января 1917 г., предписывавший губернаторам и градоначальникам привлекать к ответственности председателей городских дум и земских собраний за вынесение ими политических резолюций противоправительственного содержания [28, с. 28]. Вместе с тем конфронтация либерально-демократических кругов и правительства, нараставшая в 1916 г. и обострившаяся в конце 1916 – начале 1917 гг.⁹, была сопряжена с опасениями либералов вызвать революцию, которая сметет с исторической арены не только царский режим, но и все цензовые элементы страны [30].

Таким образом, в России в годы Первой мировой войны мобилизация национальных ресурсов происходила в качественно новых условиях. Российское общество вышло на новый уровень самоорганизации, появились общественные объединения всероссийского масштаба, координирующие работу местных учреждений, возникли новые направления в деятельности сложившихся общественных организаций, расширилась сфера их компетенции и в целом сфера гражданской деятельности. Органы общественного самоуправления смогли институализировать и развивать общественную инициативу. В то же время успех в решении сложных задач национальной мобилиза-

⁹ Власть, в частности, не допустили созыва в декабре 1916 г. съездов ВЗС и ВСГ, а те, проведя заседания явочным порядком, приняли антиправительственные резолюции; 3-й съезд ВПК в декабре 1916 г. из-за полицейского давления был прекращен, в январе 1917 г. арестованы члены Рабочей группы ЦВПК.

ции был невозможен без высокой эффективности государственного управления, тесного сотрудничества и взаимного доверия власти и общества, легитимности власти в глазах широких слоев населения. Этих условий в России в ходе войны не сложилось. На третьем году мирового конфликта власть в глазах широких масс народа оказалась в большой степени дискредитированной, для большинства населения приоритетными стали социальные, а не национальные или государственные задачи. Власть и общество прошли путь от единения и сотрудничества к конфронтации, завершившейся свержением монархии и ликвидацией традиционной российской государственности в ходе Февральской революции 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. State, Society and Mobilization in Europe during the First World War / ed. by John Horne. Cambridge, 1997.
2. Царские слова к русскому народу. Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг., 1914.
3. Государственная дума. Четвертый созыв. Заседание 26 июля 1914 г.: стеногр. отчет. СПб., 1914.
4. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
5. Палеолог М.С. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
6. Кирьянов Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 432–446.
7. Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк.
8. Поршнева О.С. Настроение 1914 г. в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–200.
9. Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917: краткий очерк. М., 1971. 88 с.
10. Гиппиус З. Синяя книга // Петербургские дневники, 1914–1919. Нью-Йорк; М., 1990.
11. Степун Ф.А. (Н. Лунгин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000.
12. Волошин М.А. Франция и война // Волошин М.А. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991.
13. Ян Х. Патриотический Петроград: культурная жизнь и массовые развлечения во время Первой мировой войны // Опыт мировых войн в истории России: сб. стат. Челябинск, 2007. С. 387–395.
14. Corner P., Procacci G. The Italian experience of «total» mobilization 1915–1920 // State, Society and Mobilization in Europe during the First World War / ed. by John Horne. Cambridge, 1997. P. 223–240.
15. Ziemann B. War Experiences in Rural Germany. 1914–1923. Oxford; N. Y., 2007.
16. Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г // Исторические записки. 1947. Т. 23. С. 3–43.
17. Астров Н.И. Доклад Главного комитета Всероссийского союза городов об организации союза. М., 1917.
18. Воззвание Земского союза // Политические партии и общество в России в 1914–1917 гг.: сб. док. М., 2000.
19. Судацов Н.Д. Земство в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в России, 1964–1918: в 2 кн. М., 2005. Кн. 2: 1905–1918. С. 237–316.
20. Булгакова Л.А. Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 313–323.
21. Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): Опыт помощи пострадавшим от военных действий: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
22. История Первой мировой войны: в 2 т. М., 1975. Т. 2.
23. Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 7–37.
24. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.
25. Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996.
26. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
27. Маузолато К. Земства во время Первой мировой войны: межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен: политологический подход. Саппоро, 2001. С. 144–197.
28. Куликов С.В. Благотворительность и политика: новые источники по истории отношений Земского и Городского союзов с царским правительством в 1915–1916 гг. // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 17–67.
29. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): аналитический обзор. М., 2003.
30. Доклад Петроградского охранного отделения Особому отделу Департамента полиции, октябрь 1916 г. // Политические партии и общество в России в 1914–1917 гг. М., 2000. С. 247–280.

Статья поступила
в редакцию 23.03.2014

УДК 94(47).083

О.И. МАРИСКИН

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

д-р ист. наук,
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск
e-mail: mariskinoi@mail.ru

В статье анализируется трансформация налогообложения населения России в годы Первой мировой войны. Рассматриваются региональная практика и результативность налогообложения, в том числе подоходного налога на территории Среднего Поволжья.

В начале XX в. характерной особенностью царского бюджета являлся незначительный удельный вес прямых налогов в доходных статьях государственной казны. Исключительно велико было фискальное значение винной монополии.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война существенно изменила как характер финансовой системы в России, так и организацию податного дела. Резкое уменьшение доходности обыкновенного бюджета было вызвано запретом на продажу водки в первые дни войны, вытеснением коммерческих перевозок бесплатными военными перевозками, существенным сокращением объема внешней торговли. Не имея мощной финансовой основы в стране, правительство вынуждено было вести войну не на повышении налогов, а исключительно на усилении внешней и внутренней задолженности и за счет полного расстройств денежного обращения (эмиссии денег).

Потери бюджета правительство постаралось компенсировать повышением ставок практически всех основных прямых и косвенных налогов, а также введением новых видов обложения (косвенного и прямого). С большим трудом и в невероятно архаической форме во время войны в 1917 г. был введен подоходный налог. Было отмечено незначительное поступление налога, в условиях общей натурализации экономики ему была уготована лишь второстепенная роль. Основой бюджета по-прежнему оставались косвенные налоги, что не могло не породить социальную напряженность.

В результате при Временном правительстве налоги и нормальные бюджетные поступления в значительной степени потеряли свое фискальное значение, четко обозначились контуры финансовой катастрофы. Эмиссия ничем не обеспеченных государственных кредитных билетов и казначейских знаков для покрытия чрезвычайных расходов привела к гиперинфляции и финансовой катастрофе, что в определенной степени обусловило быструю смену политического режима и социальной системы.

Ключевые слова: налоговая политика, Первая мировая война, эмиссия, экономика, финансовый кризис, Среднее Поволжье.

Изучение эволюции налоговой политики в России в годы Первой мировой войны, переломного момента в истории всего человечества, имеет существенное научное и практическое значение в связи с установившимся после нее новым мировым порядком в экономике и финансах.

Исследование отдельных аспектов налогообложения в России в военных условиях было начато отечественными экономистами еще в ходе Первой мировой войны [1, 2, 3, 4, 5] и продолжено в послеоктябрьский период [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14]. Позднее вышел ряд работ советских экономистов и историков, в которых, за редким исключением, налоговое положение России во время войны излагалось попутно, в связи с другими экономическими и финансовыми проблемами [15, 16, 17, 18, 19, 20, 21]. Возрождение интереса к налогообложению населения России в условиях Первой мировой войны произошло в 1990-е гг., что было связано как с общими изменениями в историографической ситуации, так и с происходившими социально-экономическими реформами в стране [22, 23, 24].

Цель статьи – показать трансформацию налоговой политики в период Первой мировой войны, выявить региональную практику и результативность налогообложения, в том числе подоходного налога на территории Среднего Поволжья (Казанской, Пензенской, Самарской, Симбирской губерний).

В начале XX в. характерной особенностью царского бюджета являлся незначительный удельный вес прямых налогов в доходных статьях государственной казны. В 1906 г. податная тяжесть прямого обложения была перенесена с крестьянского населения на другие источники дохода. Так, если основными статьями бюджета государства, согласно сметам департамента окладных сборов, с 1864 по 1886 г. являлись подушная и оброчная подати (от 63,7 до 81,0 % прямых налогов), а в 1887–1906 гг. – выкупные платежи (до 55,1 %) ¹, то в 1907–1913 гг. основными прямыми налогами стали государственный квартирный и государственный про-

¹ Департамент окладных сборов. 1863 – 1913. СПб., 1913. Прил. 11.

мысловый. В 1913 г. доля последнего налога в прямых платежах составила 31 % (150,1 млн руб.)².

Несмотря на указанные положительные моменты, в России начала XX в. тяжесть налогового прессы больше падала на необеспеченные слои, в то время как имущие классы продолжали платить относительно и абсолютно малые суммы на общегосударственные расходы. Исключительно велико было фискальное значение винной монополии. Ее доля в доходах государственного бюджета в начале XX в. была практически постоянной: в 1903 г. – 26,7 %, в 1913 г. – 26,4 % [25, с. 6]. На косвенные налоги и правительственные реглали (в том числе на водочную монополию) в 1913 г. приходилось 50,7 %, а на прямые налоги только 8 % доходной части бюджета³.

Начавшаяся в 1914 г. мировая война существенно изменила как характер финансовой системы страны, так и организацию податного дела. Поступления от обычных государственных налогов во втором полугодии 1914 г. существенно сократились. Если доходная часть обыкновенного бюджета в 1913 г. составила 3417,4 млн руб., то в 1914 г. – 2898,4 млн руб. (–15,2 %)⁴.

Резкое уменьшение доходности обыкновенного бюджета было вызвано запретом на продажу водки в первые дни войны, вытеснением коммерческих перевозок бесплатными военными перевозками, существенным сокращением объема внешней торговли. Доходы от винной монополии сократились с 899,3 млн руб. в 1913 г. до 503,9 млн руб. в 1914 г. (–44,0 %), казенной железной дороги соответственно с 813,6 до 733,3 млн руб. (–9,9 %), таможенного дохода – с 352,9 до 303,9 млн руб. (–13,9 %)⁵.

Сложилась достаточно парадоксальная ситуация, когда еще 1 января 1914 г. С. Ю. Витте на заседании Государственного Совета выступил против винной монополии. Он уверял, что монополия была в свое время введена «исключительно для борьбы с неумеренным потреблением народом водки, и притом с вреднейшими примесями» [26, с. 161]. Ситуация резко изменилась с началом Русско-японской войны, когда цель реформы отошла на задний план, а на первый выступало выкачивание из народа посредством питейной монополии денег в казну.

18 (31) июля 1914 г. с началом всеобщей мобилизации в армию продажа крепких напитков в Российской империи была запрещена повсеместно, за исключением ресторанов первого разряда и гостиниц. Затем по положению Совета министров от 14 августа 1914 г. и царскому указу от 22 августа 1914 г. запрещение продажи спиртных напитков было продлено до окончания военных действий.

Характерно, что в первые дни мобилизации в ряде городов и сел Поволжья произошли выступления за-

пасных солдат и крестьян, направленные главным образом против казенной винной монополии. Архивные дела этого периода пестрят ходатайствами крестьянских обществ о запрете торговли крепкими напитками и закрытии казенных винных лавок⁶. 19 июля (1 августа) 1914 г. произошли разгромы винных лавок в селениях Салазгорье, Торбеево и Дракино Пензенской губернии. В тот же день более 400 человек попытались разгромить винную лавку в г. Темникове. 20 июля (2 августа) по дороге из г. Инсара запасные нижние чины (1 106 человек) разгромили казенную винную лавку в с. Ямщине. Солдаты, направлявшиеся на железнодорожную станцию для отправки на фронт, разгромили трактир в пос. Инсар [27, с. 463–464] и т. д. Под воздействием широкомасштабных выступлений правительство пошло на введение «сухого закона».

Не имея мощной финансовой основы в стране, правительство вынуждено было вести войну не на повышении налогов, а исключительно на усилении внешней и внутренней задолженности и за счет полного расстройств денежного обращения (эмиссии денег). Потери бюджета правительство постаралось компенсировать повышением ставок практически всех основных прямых и косвенных налогов, а также введением новых видов обложения (косвенного и прямого): с городских недвижимых имуществ, с денежных капиталов, квартирный налог, различные гербовые сборы и пошлины с переходящих имуществ, телефонный налог и питейные сборы. В 1914 г. Министерство финансов повысило ставки некоторых акцизов: с сахара, нефтяных продуктов, пива, папирос, махорки, папиросных гильз, спичек, дрожжей.

По закону от 4 октября 1914 г. были увеличены ставки промыслового налога, который уплачивался путем выборки промысловых свидетельств разрядов и стоимости. В 1915 г. доходы от промыслового налога составили 212,0 млн руб., в то время как в 1914 г. – 166,3 млн руб.⁷. С 1 января 1915 г. на 127,9 % были повышены ставки поземельного налога, в результате чего облагаемая земля в 50 губерниях была оценена на сумму более 30 млн руб., в 1914 г. – 13,4 млн руб. [22, с. 259]. По России государственный поземельный налог по росписи 1914 г. составил 19,5 млн руб., поступило же 17,6 млн руб. (90,26 %)⁸. По Среднему Поволжью поступление налога составило в 1914–1915 гг. от 58,2 до 93,1 % оклада (см. таблицу).

Повышение налогов и использование новых источников обложения дали в 1915 г. 1 043,8 млн руб., в 1916 г. – 1 173,4 млн руб. Однако это не могло покрыть огромный дефицит в 75 % от общей суммы бюджетных расходов. При этом тяжесть обложения имущих классов, по сравнению с трудящимися массами,

² Россия. 1913 год. СПб., 1995. С. 154.

³ Там же. С. 154.

⁴ Ежегодник Министерства финансов. 1915. Раздел. XII.

⁵ Проект Государственной росписи доходов и расходов на 1916 г. Пг., 1915, С. 4–10

⁶ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 1. Оп 4. Д. 2321, 3872, 3874, 6102, 6117.

⁷ Проект Государственной росписи доходов и расходов на 1917 год. Пг., 1916. С. 5.

⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 573. Оп. 18. Д. 25350. Л. 70.

Поступление государственного поземельного налога по губерниям Среднего Поволжья, % к окладу*

Губерния	1914 г.	1915 г.
Казанская	85,9	93,1
Пензенская	77,4	58,2
Самарская	76,1	91,0
Симбирская	82,9	71,1

* РГИА. Ф. 573. Оп. 18. Д. 25350. Л. 55–56; Д. 25430. Л. 22; Д. 25431. Л. 82–84; ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 4261. Л. 86–90.

была легче, о чем писала даже буржуазная печать [16, с. 314]. Достаточно сказать, что дополнительные налоги – подоходный и на военную сверхприбыль – были законодательно приняты лишь весной 1916 г. Сумма же поступлений от налогообложения сверхприбылей оказалась ничтожной – 55 млн руб. [28, с. 98].

С большим трудом и в невероятно архаической форме во время войны по указу 1916 г. был введен подоходный налог, в основе которого лежал проект, разработанный еще в 1907 г. С введением подоходного налога с 1 января 1917 г. все налоги были оставлены в силе⁹. Вследствие несовершенства российской налоговой системы нововведение затронуло ее лишь в незначительной степени. Основой бюджета по-прежнему оставались косвенные налоги, что не могло не породить социальную напряженность.

Подоходным налогом предполагалось облагать доходы от денежных капиталов, недвижимости, сельского хозяйства на собственной и арендованной земле, сдачи земли в аренду, разработки леса, промысловых, торговых, промышленных занятий и т. п.¹⁰ Ставки подоходного налога постоянно пересматривались и к августу 1917 г. достигли 12,5 % (первоначальная ставка – 1 % при доходе в 1 000 руб.)¹¹. В окончательном варианте закона подоходный налог в сумме 6 руб. взимался с дохода в 850 руб., возрастал до 48 тыс. руб. взимаемых с доходов в 390 – 400 тыс. руб.. Более высокие доходы облагались дополнительным сбором в 1250 руб. с каждых 10 тыс. руб..

Подоходный налог стал охватывать большую часть населения. Как писали в «Земледельческой газете», «...облагаются все виды дохода, следовательно, и доходы от земли. Ввиду того, что обложение начинается с чистого дохода в 850 руб., оно затронет не только крупных землевладельцев, но и многочисленных крестьян и других мелких и средних землевладельцев»¹².

Для сбора налогов в России учреждались губернские, областные и участковые по подоходному налогу присутствия. Все подготовительные работы велись чи-

нами податной инспекции в течение 1916 г., для чего их штат был увеличен¹³.

При точном учете доходов крестьян податной инспекцией в плательщики подоходного налога могла попасть достаточно значительная часть хозяйств. Например, по данным бюджетных исследований, 27,4 % крестьянских хозяйств Пензенской губернии имели доход более 1 тыс. руб.¹⁴ Относительно высокий доход крестьянского двора при невысоком подушном доходе в 129,3 руб., как правило, достигался благодаря его многолюдности (численность семьи составляла в среднем 7–8 чел.).

На практике сбор подоходного налога в 1917 г. столкнулся с объективными трудностями. По закону не позднее 1 марта 1917 г. плательщики должны были добровольно подать заявление о доходе в участковое по подоходному налогу присутствие и, не дожидаясь получения окладных листов, внести не позже 1 августа половину суммы налога¹⁵. Данное обстоятельство в совокупности со слабостью налоговых органов создавало широкие возможности как для сокрытия доходов, так и для полного ухода от налога. В одном из отчетов податного инспектора Керенского уезда Пензенской губернии указывалось: «Население уклоняется от уплаты налогов всякими способами, ссылаясь на то, что оно уже исполнило свой долг перед страной, так как члены его семей четвертый год проливают свою кровь на фронте»¹⁶. В Краснослободском уезде той же губернии «масса бумаг, посланных крестьянам и лицам, ведущим крестьянский образ жизни, бесследно пропала»¹⁷.

В одной из докладных записок министру финансов от 27 апреля 1917 г. так оценивалось введение нового налога: «Признавая в принципе подоходный налог за лучший метод взимания податей, но зная, что этот закон создавался во время войны в спешном порядке и не обработан всесторонне и поручен привидению в исполнение податным инспекторам, которые по малочисленности их штата ни в коем случае не в силах проверять подаваемые гражданами заявления, благодаря чему при взыскании подоходного налога может создаться справедливый ропот и может сколыхнуть слои населения и вызвать большие трения и тем самым в начале новой жизни пошатнуть доверие к новому строю...»¹⁸.

Примечательно, что во время войны одним только повышением ставок, без всяких изменений системы и каких-либо потрясений Соединенные Штаты Америки увеличили поступление от подоходного налога в 50 раз, Англия – в 8,5 раза [8, с. 19].

¹³ ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 262. Л. 119.

¹⁴ Рассчитано по: Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии, 1909–1913 гг. / под общ. руководством В. Г. Громана. Часть III: Бюджетное исследование крестьянского хозяйства. Вып. 1: Бюджеты отдельных хозяйств. Пенза, 1923.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 270. Л. 18.

¹⁶ Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р. – 313. Оп. 4. Д. 26. Л. 90б.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р. – 313. Оп. 4. Д. 26. Л. 93.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 252. Л. 19.

⁹ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 717. Л. 2, 5.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 252. Л. 9–24; Положение о государственном подоходном налоге и инструкция о применении сего положения. Пг., 1916. С. 5.

¹¹ ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 270. Л. 3, 4, 15.

¹² Земледельческая газета. 1917 г. 4 февр.

Новый податный закон, основанный на принципах всеобщности, соразмерности налога и дохода, мог стать поворотным в истории модернизации России, но в условиях общей натурализации экономики ему была уготована лишь второстепенная роль. В целом в 1917 г. наблюдалось незначительное поступление налога. В годовых отчетах податных инспекторов отмечалось поступление подоходного налога со всех категорий плательщиков Ардатовского уезда Симбирской губернии в сумме 1 344,57 руб., Буинского – 3 822,02, Курмышского – 7 463,49, Карсунского – 28 932,99, Симбирского (вместе с городом) – 71 808,68 руб.¹⁹ В 1917 г. к подоходному обложению по всей Симбирской губернии было привлечено 7 508 человек²⁰. В целом к 1 января 1918 г. было собрано не более 1/3 окладных сборов.

При Временном правительстве налоги и нормальные бюджетные поступления в значительной степени потеряли свое фискальное значение, четко обозначились контуры финансовой катастрофы. Недостаточность обычной системы доходов для покрытия государственных расходов в период войны неизбежно вела к повышению удельного веса чрезвычайных поступлений в казну. К ним, прежде всего, относились внутренние и внешние займы и растущая эмиссия бумажных денег. Так, Временным правительством до середины июля 1917 г. было выпущено в обращение бумажных денег на сумму 3 млрд руб., тогда как за предшествующие 32 месяца войны царское правительство выпустило их на сумму 7,6 млрд руб.²¹

Эмиссия стала основным источником доходов в финансовой политике Временного правительства, отодвинув на второй план доходы казны от внутренних займов. Если в 1916 г. денежная эмиссия покрывала 19,7 % всех государственных расходов, а внутренние займы – 33,3 %, то в 1917 г. эти показатели соответственно составили 42,9 и 13,7 % [13, с. 7].

Государственные военные заимствования России к октябрю 1917 г. составили 39 425 млн руб., из которых 81,6 % приходилось на внутренний и 18,4 % на внешний долг [21, с. 517–518; 16, с. 379].

В целом упомянутые выше источники дохода покрывали 87,9 % всех государственных расходов Временного правительства (42,9 % – эмиссия, 13,7 % – внутренние займы, 31,3 % – внешние займы); в денежном выражении это составило более 20 млрд руб. (по различным подсчетам – от 21 до 24 млрд руб.) [28, с. 82]. Остальные поступления приходились на налоги и прочие доходы.

Отчаянная попытка улучшить состояние государственных финансов оказалась тщетной. Финансовая ситуация к осени 1917 г. полностью вышла из-под

контроля Временного правительства. Эмиссия ничем не обеспеченных государственных кредитных билетов и казначейских знаков для покрытия чрезвычайных расходов привела к гиперинфляции и финансовой катастрофе, что в определенной степени обусловило быструю смену политического режима и социальной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гензель П.П., Соколов А.А. Налоги, введенные во время войны, и дороговизна // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915. Вып. III. С. 69.
2. Дементьев Г.Д. Государственные доходы и расходы России и положение Государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг., 1917.
3. Каценеленбаум З.С. Война и финансово-экономическое положение России. М., 1917.
4. Прокопович С.Н. Война и финансы. Пг., 1917.
5. Хрулев С.С. Финансы России и ее промышленность. Пг., 1916.
6. Вайнштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. Опыт статистического исследования. М., 1924.
7. Болдырев Г.И. Подоходный налог на западе и в России. Л., 1924.
8. Гроссман В.Я. Налоги и сборы в СССР. М., 1927.
9. Кулишер И.М. Наше обложение в период 1914–1917 гг. // Экономист. 1922. №2. С. 136–162.
10. Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918.
11. Фридман М.И. Государственное хозяйство и денежное обращение в России (1913–1919 гг.). М., 1919.
12. Швйтцау Г.Г. Революция и народное хозяйство в России (1917–1921). Лейпциг, 1922.
13. Шмелев К.Ф. Финансовая политика дореволюционной России и Советского Союза: историко-экономический очерк. М., 1926.
14. Russian Public Finance during the War. New Hawen, 1928.
15. Анфимов А.М. Российская деревня в годы мировой войны (1914 – февраль 1916 г.). М., 1962.
16. Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
17. Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978.
18. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985.
19. Погребинский А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968.
20. Ривкин Б.Б. Финансы и кредит в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1939.
21. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960.
22. Ананьич Б.В., Ганелин Р.И. С. Ю. Витте и его время. СПб., 1999.
23. Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб., 2002.
24. Марискин О.И. Государство тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой четверти XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004.
25. Министерство финансов. 1904 – 1913. СПб., 1914.
26. Фридман М.И. Винная монополия. Пг., 1916. Т. 2.
27. Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. 1.
28. История Министерства финансов России: в 4 т. М., 2002. Т. I.

¹⁹ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 1384. Л. 114; Д. 1386. Л. 77; Д. 1389. Л. 60; Д. 1390. Л. 90об.; Д. 1387. Л. 72об. – 73.

²⁰ ГАУО. Ф. Р. – 183. Оп. 1. Д. 337. Л. 29–29об.

²¹ Известия Временного комитета Государственной думы. 1917. 15 июля.

УДК 94 (47).083

М.В. ШИЛОВСКИЙ

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (август 1914 г. – февраль 1917 г.)

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

Существенных изменений в формировании и функционировании губернаторского корпуса региона в рассматриваемое время не произошло. Начальники губерний и областей, за редким исключением, имели значительный опыт государственной службы. Они работали во время войны «на износ», действуя в пределах компетенций, определенных законом. Их управленческие подходы и стиль работы отличались. По-разному губернаторы адаптировались к военной обстановке. В повседневной деятельности они опирались на сравнительно немногочисленный аппарат губернских (областных) управлений, ощущая нехватку чиновников. На уровне уездного управленческого звена в рассматриваемый период прослеживается тенденция ухудшения состава специалистов. Здесь появляется генерация чиновников, перекочевавшая потом в советский управленческий аппарат. Существенно возросла во время войны нагрузка на полицейские органы и городское общественное самоуправление. Помимо своих основных обязанностей последние занимались расквартированием войск, размещением беженцев и военнопленных, борьбой с дороговизной и т. д. Данное обстоятельство обуславливает формирование в муниципальных структурах нового типа отечественной бюрократии, параллельно традиционной. Ее отличительными признаками становятся: служение народу (обществу), а не императору; ротация путем выборов, а не назначения; наличие лишь элементарного образования для замещения руководящих должностей. Одним из важнейших последствий войны стало повышение роли городского общественного самоуправления в социально-экономической и общественно-политической жизни страны и региона.

Ключевые слова: Сибирь, генерал-губернатор, губернатор, полицейские органы, муниципалитет, Первая мировая война.

Основной фигурой в системе дореволюционно-го местного государственного управления являлся губернатор, который управлял подведомственным территориально-административным образованием, опираясь на аппарат губернского управления и уездных исправников. Во время Первой мировой войны существенно увеличился круг должностных обязанностей начальников губерний и областей. На них возлагалось управление всеми мероприятиями, вызванными условиями военного времени: организация призыва в армию; расквартирование войск, военнопленных и беженцев; борьба с дороговизной; обеспечение семей фронтовиков и т. д. Губернаторы назначались уполномоченными по заготовкам продовольствия для нужд армии, они организовывали взаимодействие властных структур и общественных формирований в деле организации всесторонней помощи фронту. Самодержавная власть рассматривала муниципальные образования в качестве составной части органов местного государственного управления, несмотря на их автономию в формировании управленческих структур (городских дум, управ, избрании городских голов). Использование в военное время городского самоуправления в качестве низовых государственных структур дало власти аппарат, минимально по тому времени бюрократизированный. Пе-

речисленные обстоятельства обуславливают актуальность изучения состояния управленческих структур региона в избранных хронологических рамках.

За время войны властная «вертикаль» в Сибири существенно не изменилась. Об этом можно судить прежде всего по губернаторскому корпусу региона. К сожалению, я не располагаю исчерпывающей информацией на сей счет из-за неравномерности изучения жизненного пути начальников губерний и областей, но то, что есть, позволяет составить определенное представление об этом звене местного государственного управления. Итак, генерал-губернаторы Степного края назначались из числа строевых генералов – участников еще Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командовавших дивизиями и корпусами, окончивших военные училища, т.е. имеющих среднее образование. Они находились уже на излете карьеры: Е.О. Шмитю к моменту назначения в Омск исполнилось 64 года, Н.А. Сухомлинову – 65 лет. «Штатский» иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев получил высшее юридическое образование, участвовал в реализации судебной реформы 1864 г., до назначения в Иркутск был начальником в четырех губерниях, в том числе в Тобольской. На момент вступления в должность (1910 г.) ему исполнилось 60 лет. На этом фоне его преемник 46-летний юрист А.И. Пильц таким административ-

ным опытом не обладал, и его выдвижение можно считать случайной издержкой военного времени.

Губернаторы (всего их было 12 чел.) административно-территориальных образований Азиатской России во второй половине 1914 – феврале 1917 г. в большинстве своем, за исключением статских советников Я.Г. Гололобова (Красноярск) и Ф.Ф. Чернцова (Семипалатинск), на момент назначения являлись действительными статскими советниками, имели возраст к моменту назначения 51–52 года (А.А. Станкевич, Тобольск – 45 лет, Ф.Ф. Чернцов – 39 лет, Я.Г. Гололобов – 61 год). Трое из них окончили военные училища и один техническое, т. е. получили среднее специальное образование. Но основная масса имела высшее образование, в основном университетское (И.И. Крафт окончил Археологический институт).

До назначения в Сибирь они служили в основном в качестве вице-губернаторов в губерниях Европейской России. Например, В.Н. Дудинский прослужил почти 33 года, из них 22 – в МВД, прежде чем стать томским губернатором. За исключением лютеранина Р.Э. Витте (Якутск), все были православными, женатыми, являлись потомственными дворянами, но только трое (Н.А. Ордовский–Танаевский (Тобольск), И.И. Крафт (Красноярск) и Я.Г. Гололобов) были землевладельцами, т. е. всех их можно отнести к категории мелкопоместных и беспоместных дворян, основным источником их доходов являлись должностные оклады. Для всех них характерно быстрое продвижение по ступенькам «Табели о рангах». Так, В.Н. Дудинский за пять лет (1906–1911 гг.) прошел «дистанцию» от титулярного до действительного статского советника. Исключением на этом фоне можно считать Ф.Ф. Чернцова, Н.А. Ордовского–Танаевского и Я.Г. Гололобова, занявших свои посты благодаря высоким покровителям из Петербурга.

Таким образом, губернаторы региона, за отдельным исключением, имели значительный опыт государственной службы и являлись высокопрофессиональными специалистами. Они работали во время войны «на износ». Об этом свидетельствует преждевременная смерть в возрасте 53 лет И.И. Крафта. Е.О. Шмит после освобождения от должности Степного генерал-губернатора прожил один год. Л.М. Князева через три недели после отставки в Иркутске свалил паралич. Р.Э. Витте в 53 года был признан инвалидом, не способным выполнять служебные обязанности. Личное самопожертвование способствовало укреплению авторитета высокопоставленных чиновников у местного населения. В частности, искреннее сочувствие иркутян вызвала гибель единственного сына Л.М. Князева, молодого офицера на фронте 6 августа 1914 г.

Во время войны не произошло выдвижения новой генерации управленцев, молодых и амбициозных. Губернаторы действовали в пределах компетенций, определенных законом и выйти за их рамки даже не пытались. Отличались их управленческие подходы и стиль работы. В приказах по Омскому военному округу Н.А. Сухомлинов позиционируется как многое по-

видавший и уставший от повседневности ветеран со стремлением к морализаторству. Так, 15 августа 1915 г. он сообщает командному составу объединения о результатах своей вечерней прогулки по Омску. В частности, «при дальнейшем моем следовании по городу, я встретил прапорщика 26-го Сибирского стрелкового запасного батальона Баранова, который тоже не отдал мне чести, а на мое замечание о необходимости быть более внимательным, позволил себе вступить со мной в неуместный разговор, приводя в свое оправдание различные доводы, чем высказал явное непонимание своего положения и неумение держать себя в разговоре со старшим начальником»¹.

В.Н. Дудинский «придавал большое значение поездкам по губернии, обозрению дел на местах, созданию собственного представления о жизни отдельных территорий Томской губернии» [1, с. 199]. На этом фоне И.И. Крафт «сильно возвышался над многими сибирскими губернаторами... Он служил и горел душой»². Он стремился вникнуть в сущность любого дела, решал их непосредственно сам, ежедневно принимал по 50–60 просителей. Его биографы отмечают: «Рабочий день губернатора начинался в 6 утра: в это время он обычно выслушивал рапорты полицмейстера и исправника; с 7 до 9 принимал посетителей, затем слушал доклады начальников отделений губернской администрации. Работая много сам, он требовал такой же отдачи от других. Малейших промедлений или упущений со стороны даже крупных по рангу чиновников Крафт не прощал. Многим из них он говорил: “Работать со мной не можете. Подавайте в отставку или переводитесь”» [2, с. 230].

По-разному губернаторы адаптировались к военной повседневности, пытаясь подчинить ее нуждам далекого фронта. Так, А.А. Станкевич «поддержал Главный комитет Всероссийского союза городов, считая что только совместными усилиями всей территории можно бороться с дороговизной, преодолевая сопротивление предпринимателей, заинтересованных в высоких ценах на свою продукцию и не считавшихся с трудностями военного положения в стране» [3, с. 446]. Другую позицию занял А.И. Пильц. 9 июня 1916 г. Иркутский областной комитет того же Всероссийского Союза городов направил ему докладную записку о продовольственном кризисе в Якутской области. Пакет вернули нераспечатанным с уведомлением: «Канцелярия генерал-губернатора по приказанию его высокопревосходительства имеет честь уведомить комитет, с возвращением пакета его, что главный начальник края лишен, в силу действующих узаконений, возможности входить в официальные сношения с комитетом, так как на открытие такового не было испрашено разрешения подлежащего начальства». На основании этого иркутский губернатор 21 июня 1916 г. приостановил исполнение постановления городской думы об ассиг-

¹ ГАНО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 1. Л. 137об.

² Потанин Г.Н. Памяти И.И. Крафта // Сибирская жизнь (Томск). 1914. 14 дек.

новании 8 тыс. руб. в распоряжение Комитета Союза городов. Информация о конфликте получила освещение в российских газетах. Главный комитет Всероссийского союза городов направил генерал-губернатору официальное уведомление о формально-юридических основаниях своего существования, но конфликт не разрешился до марта 1917 г. [4, с. 286, 231, 239, 270].

В повседневной управленческой деятельности губернаторы опирались на сравнительно немногочисленный аппарат губернских (областных) управлений. Так, численность штатных классов чиновников Томского губернского управления на 1 сентября 1914 г. составляла 59 чел., включая губернатора, вице-губернатора, советника, тюремного инспектора, неменных членов по крестьянским делам и воинской повинности, 17 делопроизводителей, 19 помощников делопроизводителей, бухгалтера, редактора и т. д. Согласно исследованию А.В. Палина, традиционной проблемой применительно к началу XX в. для этой структуры стала нехватка личного состава. Тем не менее «на протяжении всего периода деятельности учреждения сохранялся стабильно достаточно высокий профессиональный уровень чиновников. Примечательно, что в условиях Первой мировой войны, когда встала остро проблема нехватки квалифицированных кадров, в Томском губернском управлении большинство чиновников высшей администрации обладало соответствующими для занимаемых ими должностей профессиональными качествами. Профессионализм и энергичное участие чиновников в деятельности учреждения сыграли не последнюю роль в достижении его жизнеспособности и эффективности. Значительно поднимало авторитет учреждения в глазах населения участие многих его чиновников в общественной и культурной жизни губернии» [5, с. 145, 164, 167, 175–176].

Что касается уездного управленческого звена, то именно здесь, если судить по материалам А.П. Ермолаева относительно аппарата управления Мариинского уезда Томской губернии, прослеживается тенденция ухудшения кадрового состава чиновников. Так, на смену исправнику Б.Г. Оржеховскому – 1879 г. рождения, прапорщику, в 1907 г. переименованному в губернские секретари, потомственному дворянину, окончившему 6 классов гимназии, участнику и инвалиду Русско-японской войны 1904–1905 гг., награжденному сразу тремя знаками отличия ордена Св. Георгия Победоносца 4-й, 3-й и 2-й степени, в декабре 1914 г. приходит полицейский пристав из Томска Ф.В. Горбатов (1878–1937), уроженец Самары. Вместо подполковника К.Н. Тютюкова – 1863 г. рождения, потомственного дворянина, выпускника Иркутского юнкерского училища, уездным воинским начальником в декабре 1916 г. назначается штабс-капитан С. Тринкель – 1874 г. рождения, из мещан, окончивший Одесское юнкерское училище [6, с. 641–642, 681–683].

Следует отметить, что на уездном уровне появляются представители генерации чиновников, перекочевавшей затем в советский управленческий аппарат. Показателен пример в этом плане мирового судьи

1-го участка Мариинского уезда Д.Ф. Татаркина (1889–1966) – из мещан г. Сызрани, выпускник юридического факультета Казанского университета, с 1913 г. работавший в Томском окружном суде. После Февраля 1917 г. он избирается членом Мариинского Совета рабочих и солдатских депутатов. В июле 1919 г. призывается в колчаковскую армию писарем, а в октябре того же года перебегает к красным и зачисляется в сотрудники Челябинской губчека. С мая 1921 г. – член коллегии губчека, председатель Челябинского губревтрибунала. В последующем – прокурор Симбирской губернии, помощник прокурора РСФСР, начальник планово-производственного отделения Управления Центральных издательств Главполитграфиздата при Совмине СССР [6, с. 661].

Существенно возросла в рассматриваемое время нагрузка и на полицейские органы, поскольку правоохранительная деятельность являлась только частью их компетенции. В обязанности чинов полиции, кроме того, входило: контроль за сбором налогов, надзор за санитарным состоянием населенных пунктов, исправностью дорог, обеспечение призыва в армию, пожарная безопасность, контроль за качеством продовольствия, торговлей и ценами, задержание бродяг и нищих, прекращение ссор и драк, надзор за ссыльными, военнопленными и беженцами. Много хлопот доставляли призванные в запасные части, которые славилась пьяными дебошами, кражами и хулиганскими поступками. Для помощи в поддержании правопорядка в городах стали привлекаться воинские патрули. Во всех более-менее крупных населенных пунктах региона «пышным цветом расцвели воровство и мошенничество. Крали буквально все, что плохо лежало: деньги, продукты, скот, одежду, хозяйственный инвентарь из надворных построек и т. д. Причем существенно снизить уровень преступности полиция была просто не в состоянии, поскольку основной причиной было обнищание низших или, в современном понимании, социально незащищенных слоев населения. Увеличилось и число тяжких преступлений. Распространялись пьянство и самогонование. Частым, едва ли не ежедневным, происшествием стали подкинутые дети» [7, с. 126–127]. В деревне росла «дерзость и своеволие» молодежи. Распространенными проявлениями ее хулиганства были ночные хождения по улицам в пьяном виде, битье оконных стекол, поджоги и грабежи. Постепенно насилие начинало восприниматься населением как элемент повседневной жизни [8, с. 122].

С началом военных действий существенно выросла роль городского общественного самоуправления. Оно занималось расквартированием войск, размещением беженцев и военнопленных, приемом и лечением раненых, помощью семьям призванных в армию, ценовым регулированием путем таксировки (установление предельных цен на отдельные продукты), закупками продовольствия, введением и поддержанием нормированной торговли и т. д. При этом, несмотря на существенное увеличение обязанностей, городские управы продолжали состоять из нескольких чело-

век, приравненных к государственным служащим 8-го класса (коллежский асессор). Поэтому управы крупных городов региона (Томск, Омск, Новониколаевск, Красноярск, Иркутск) для организации текущей работы имели штат технического персонала в среднем по 20 чел. Отдельные функции муниципалитетов не были четко прописаны в нормативных актах, что создавало дополнительные трудности. Так, согласно Городовому положению 1892 г. городское управление имело право устанавливать цены только на мясо и печеный хлеб. Поэтому гласный Томской городской думы, журналист А.Н. Шипицын в 1915 г. сетовал: «Многие необходимые мероприятия по борьбе с дороговизной выходят далеко за пределы местного отделения городских управлений, поднимаясь до границ имперского законодательства», поэтому «борьба со спекуляцией требует установления правомочного общественного контроля над частной промышленностью и торговлей» [9, с. 32].

По социальному составу ведущие позиции в органах городского самоуправления рассматриваемого времени занимали купцы и мещане. По мнению новосибирских историков «обзор деятельности городского самоуправления в Сибири во время Первой мировой войны приводит к выводу, что оно выступало проводником государственной политики. Имея более или менее четкое представление о необходимых в связи с войной хозяйственных мерах, государство не могло их воплотить в жизнь за счет собственного государственного аппарата. Он не был ни достаточно развит, ни должным образом организован. Поэтому непосредственное воплощение предполагаемых мер правительством поручало городским думам» [10, с. 269].

В муниципальных органах, на мой взгляд, начинает формироваться новый тип отечественной бюрократии параллельно традиционному. Ее отличительными признаками становятся: служение народу (обществу, а не императору); ротация путем выборов, а не назначения; наличие лишь элементарного образования для замещения руководящих должностей. Так, в Томске на смену купцу И.М. Некрасову (1906–1914 гг.) на должность городского головы избирается врач П. Ломовицкий, в Мариинске в 1912–1916 гг. муниципалитет возглавлял Д.А. Гаврилов – выходец из крестьян, имевший домашнее образование, домовладелец; в Барнауле в 1913–1916 гг. городским головой был межевой инженер из дворян А.А. Лесневский; в Бийске в 1912–1916 гг. – купец Ф.Ф. Доброхотов. Типична в этом отношении фигура новониколаевского городского головы (апрель 1914 – март 1917 гг.) А.Г. Беседина (1864–1930). Выходец из крестьян Курской губернии, он получил домашнее образование. После переселения семьи в Оренбургскую губернию становится оренбургским мещанином, работает рассыльным, конторщиком, заведует складом. С началом строительства Транссибирской железнодорожной магистрали переезжает в Сибирь, с 1899 г. трудится подрядчиком по заготовке шпал. В 1904 г. Алексей Григорьевич оседает в Новониколаевске, где владеет недвижимостью, оцененной в 3,5 тыс. руб. Имел большую семью (10 детей) [11, с. 22–23].

Существенные изменения произошли во время войны в финансовом положении городов. Долги прежних лет составляли от 15 до 68 % бюджета, доля обязательных расходов выросла с 57 до 83 %. Покрывались военные расходы за счет сокращения гражданских, повышения оценочных сборов, квартирного налога, возмещения части расходов казной, займов у населения, банков, государства. На 1 декабря 1915 г. долги Барнаула составили 1 694 494 руб., на 1 января 1916 г. Новониколаевск задолжал 1 486 978 руб., а Курган – 882 127 руб., Тюмень на 1 января 1917 г. имела долгов на 843 718 руб., долги Омска к середине 1916 г. достигли 2 млн руб., Иркутска к концу 1916 г. – около 3 млн руб. [9, с. 178–180; 12, с. 177].

Одним из важнейших последствий войны стало повышение роли муниципалитетов в социально-экономической и общественно-политической жизни Сибири. В августе 1914 г. на Всероссийском съезде городов создается Всероссийский союз городов (СОГОР), в состав которого в 1915 г. вошло 15 городских поселений региона. В Западной Сибири координирующим центром СОГОРа стала Омская городская дума. В 1915 г. в Омске прошло два съезда объединения, рассмотревших вопросы помощи больным и раненым, размещения военнопленных, борьбы с дороговизной. На них был сформирован Западно-Сибирский областной союз городов. В апреле 1916 г. в Иркутске состоялся первый съезд городов Восточной Сибири. По мнению правоохранителей, сибирские отделы СОГОРа состояли «сплошь из левых кадетов с эсдековской окраской»³.

Наряду с участием в общероссийской организации городские самоуправления региона создали собственное формирование: Сибирское общество для помощи раненым воинам (Сибиртет). Он имел свои отделы в Барнауле, Боготоле, Мариинске, Москве, Ишиме, Кургане, Новониколаевске, Омске, Петропавловске, Тайге, Томске, Ялуторовске. Возглавили Сибиртет видные кадеты С.В. Востротин, Е.Л. Зубашев, Н.В. Некрасов. С мая 1915 г. в Азиатской России (без Дальнего Востока) начинают создавать военно-промышленные комитеты. Всего их насчитывалось 34, из которых активно действовало 22.

Возможность чаще собираться на различного рода совещаниях привела к повышению политической активности городских самоуправлений по мере затягивания войны и проявления оппозиционных настроений. В Кургане, Тюмени, Новониколаевске городские думы высказались за реформу городского самоуправления и введение земства в регионе. Так, в декабре 1916 г. Тюменская городская дума заявила: «Лозунг “Все для войны, а потом внутреннее устройство страны”, принятый Государственной думой, – лозунг правильный, нужны внутренние реформы». Муниципалитеты Восточной Сибири присоединились к требованию Прогрессивного блока о создании правительства народного доверия. В частности, гласные Минусинской городской думы в августе 1915 г. приняли резолюцию,

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 27. Л. Б. Л. 24.

предлагающую «тесное единение всех общественных сил, которое возможно только при коренном изменении общего направления внутренней политики и создании правительства, пользующегося доверием нации...» [9, с. 367].

Самодержавная власть рассматривала муниципальные образования как составную часть органов местного государственного управления, особенностью которых являлось проявление общественной инициативы и самофинансирование. В ситуации Первой мировой войны происходит усложнение и увеличение численности управленческих структур городских управ, и начинается сращивание государственного и муниципального аппаратов, завершившееся уже в советское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы. Томск, 2012.
2. Бердников Л.П., Лонина С.Л. Два века красноярского самоуправления. История и современность (1822–1917). Красноярск, 2003.
3. Сибирские и тобольские губернаторы. Тюмень, 2000.
4. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
5. Палин А.В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово, 2004.
6. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008.
7. Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка: Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002.
8. Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск, 2010.
9. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013.
10. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX–начала XX века. Новосибирск, 2006.
11. Новониколаевск–Новосибирск: от поселкового старосты до мэра: Биографический справочник. Новосибирск, 2003.
12. Городское самоуправление в Иркутске: 220 лет. Иркутск, 2008.

Статья поступила
в редакцию 16.01.2014

УДК 94(47).083

Н.В. СУРЖИКОВА

ПЕРЕПИСЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ, ИТОГИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

канд. ист. наук,
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург
e-mail: snvplus@mail.ru

Статья посвящена проблеме учета военнопленных Первой мировой войны в России и их переписи 1917 г., которая рассматривается на материалах Пермской губернии. По мысли автора, необходимость проведения регистрации пленных во всероссийском масштабе диктовалась не просто «дефектами» их учета. Причиной расплывчатости количественных характеристик российского плена прежде всего стал присущий ему полицентризм. Стремительная интеграция пленных в производственные процессы привела к тому, что уже в 1915 г. отвоєвавшиеся вражеские военнопленные были размещены в 891 месте, из которых только 317 рассматривались как «места постоянного водворения» и только 68 как лагеря. Здесь учет пленников еще хоть как-то проводился, чего нельзя сказать о местах их трудового использования. Пленные часто поступали туда, минуя пункты постоянного водворения, к тому же они могли перемещаться с одного производственного объекта на другой. Но это было только начало. С 1916 г. строгий количественный учет пленных, а также их категоризация по возрастному, национальному, этническому, вероисповедальному и прочим признакам и вовсе превратились в недостижимую мечту. Ее осуществлению препятствовала ожесточенная «битва за пленных», развернувшаяся в стране между промышленностью и сельским хозяйством. К середине 1917 г. всякие наличные реестры пленников иностранцев в России уже никак не отражали ни их общей численности, ни их состава, ни актуальной географии плена. Для проведения переписи пленных, призванной решить эти проблемы, был разработан целый пакет документов, породивший, однако, другую проблему. Она состояла в том, что военные власти явно переусердствовали, превратив перспективную систему учета военнопленных в настолько громоздкую, что она тут же обнаружила свою бесперспективность. Впрочем, даже если бы масштабная акция по регистрации военнопленных благополучно состоялась по всей стране, собранные сведения все равно потребовали бы некоторого времени для обработки, которого организаторы переписи оказались лишены в связи с политическими событиями конца 1917 г. Таким обра-

*Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

зом, итогом переписной кампании конца 1917 г. взвешенные количественные показатели так и не стали, лишний раз подтвердив, что рисунок российского плена изначально был слишком сложен для того, чтобы он сохранил свою прозрачность.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, география плена, учет и перепись военнопленных, Пермская губерния.

Очевидно, что региональное, как и национальное, измерение российского плена 1914–1922 гг. невозможно представить без его статистико-географических характеристик, за которыми скрыты границы, объемы и динамика этого явления, т. е. те его «эпитеты», от точности которых напрямую зависит точность оценки всех прочих параметров «объекта». В случае с Первой мировой войной, однако, статистика и география плена, равно как и качественные свойства оказавшихся в России пленников, строгой оценке не поддаются. Явно не отвечающий требованиям «гиперсциентизма» показатель в 1,8–2,3 млн вражеских военнопленных в России традиционно объясняется «дефектностью» системы их учета, что на самом деле всей глубины проблемы не отражает. Как представляется, основной причиной расплывчатости количественных характеристик российского плена прежде всего стал присущий ему полицентризм, выразившийся не только в рассеянности пленных по бескрайним просторам страны, но и в столкновении вокруг них интересов самых различных групп и структур. Их разнообразие превратило рисунок плена в излишне вариативный и потому плохо считываемый. Самым категоричным образом об этом свидетельствует пример Пермской губернии, где обезоруженные вражеские военнослужащие появились уже в 1914 г.¹

Поскольку для скучающей провинции иностранцы стали явлением диковинным, любопытные наблюдатели не могли не заметить, что к концу 1914 – началу 1915 г. счет провозимым по территории региона транзитом пленникам шел уже не на десятки и даже не на сотни, а на тысячи чел. Так, только через Екатеринбург, где с целью отделения больных от здоровых был открыт изоляционный пункт, в декабре 1914 г. проследовало около 11 тыс. вражеских солдат и офицеров [1, с. 289–301]. Большинство из них составляли военнослужащие австро-венгерской армии, чья «доблесть» была незамедлительно «воспета» фольклором:

Едут мухи с комарами...
Опять пришлось полк нам взять...
Куда нам с пленными деваться,
Куда нам к черту их девать!²

«...Число австрийских военнопленных, взятых непосредственно в плен на поле брани с оружием в руках, к 1 сентября выражается уже в более чем 200 000 чел. Дальнейшее развитие военных операций на галицийском фронте, столь же успешное, как и по настоящие дни, несомненно, число военнопленных еще значительно увеличит», – сообщила 8 сентября 1914 г. газета «Пермские ведомости», заметив при этом, что вопрос о том, чем занять взятую в плен многотысячную австро-

венгерскую армию, начинает серьезно занимать правительственные и общественные круги³. Дискуссия на эту тему, как известно, разрешилась повсеместным привлечением пленников к разного рода работам, что обернулось стремительным расширением географии российского плена и постоянным ростом числа учреждений и предприятий, заинтересованных в получении пленных для своих нужд. Как результат уже к середине 1915 г. пленные иностранцы в Пермской губернии оказались «рассеяны» по различным – в том числе безымянным – участкам и околоткам Казань-Екатеринбургской, Пермской и Омской железных дорог⁴.

Градус пространственной мобильности военнопленных значительно повысился с решением задействовать их в сельскохозяйственной отрасли. Учитывая, что посевная кампания 1915 г. уже обнаружила в ряде случаев, зафиксированных, в частности, в Кунгурском, Камышловском, Верхотурском, Оханском и Пермском уездах, нежелание сельчан помогать семьям призванных в «обсеми полей», перспектива приобщения пленных к крестьянскому труду не превратиться в реальность просто не могла⁵. Особенно актуальной эта проблема была для «хлебного» Ирбитского уезда, лишившегося с началом войны 40 % работоспособного мужского населения⁶.

Между тем ни железнодорожные, ни сельскохозяйственные, ни общественные работы главными потребителями пленных на Урале не стали. Начиная с весны 1915 г. эту роль с каждым днем все увереннее стал играть промышленный сектор региональной экономики, а еще точнее – горно-металлургический. В течение мая–августа 1915 г. предприятия отрасли с аппетитом поглощали все новые и новые партии пленных, тут же распределяя их на заводские, лесные и рудничные работы⁷. За этот период Невьянский горный округ и Верх-Исетские горные заводы получили по 400 военнопленных. Нижнетагильский и Луньевский горные округа располагали 1360 пленными уже к июлю, ожидая в ближайшей перспективе присылки еще 1390 чел. Лидерство же в соревновании за обладание новыми рабочими руками захватило Богословское горнозаводское общество, где к лету 1915 г. трудилось около тысячи пленных иностранцев⁸. За июнь 1915 г.

³ Там же. 8 сент.

⁴ Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 65. Оп. 3. Д. 601. Л. 1; Д. 593. Л. 1; Уральская жизнь. 1915. 15 апр.

⁵ Пермская земская неделя. 1915. 12 апр., 24 мая.

⁶ Там же. 1916. 17 апр.

⁷ Зауральский край. 1915. 5, 25, 26 июня, 19 июля; Уральская жизнь. 1915. 24 июня; и др.

⁸ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 592. Л. 7, 16; Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 24. Оп. 19. Д. 1605, Л. 157; Оп. 32. Д. 4511. Л. 56–58; Ф. 50. Оп. 2. Д. 2892. Л. 271; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5556. Л. 53–54 об., 56–58 об.; Ф. 643. Оп. 1. Д. 3585. Л. 167.

¹ Уральская жизнь. 1914. 31 июля.

² Пермские ведомости. 1914. 13 дек.

их численность увеличилась более чем вдвое, а к середине августа достигла 3,2 тыс. чел., или почти 20 % от общего количества рабочих предприятия, к тому времени окончательно перешедшего к работе на оборону, получив 23,5 % от общеуральских военных заказов [2, с. 214; 3, с. 74–83].

Спрос на военнопленных со стороны предприятий Среднего Урала оказался столь велик, что быстро обнаружился конфликт интересов региональной экономической элиты с интересами местной администрации. Уже 1 ноября 1915 г., обращаясь к министру внутренних дел А.Н. Хвостову, главный чиновник Пермской губернии М.А. Лозина-Лозинский просил прекратить присылку в регион новых партий пленных, для которых попросту не было свободных помещений, однако окрестные «командиры производства» продолжали требовать все новых и новых присылок узников войны. В результате вражеских военнопленных стали напрямую высылать на предприятия края, заинтересованные в их труде, минуя изоляторы, обсервации и лагеря, еще недавно служившие «биржами труда». Роль лагерей в структурах уральского и российского плена теперь состояла не столько в раздаче пленных на те или иные производства, сколько в концентрации уже утилизированной рабочей силы, сдаваемой в распоряжение военных властей, чтобы снова в нее превратиться после короткой передышки. В итоге уже в 1915 г. военнопленные в России были размещены в не менее чем на 891 месте, из которых только 317 рассматривались как «места постоянного водворения» и только 68 как лагеря [4, с. 89].

Метаморфоза, выражавшаяся в смещении центров плена из городов губернии на периферию – на заводы, поля, рудники и лесничества – никого не удивила, обретенная в 1916 г. все необходимые признаки нормы. На периферии же учет пленных мало кого волновал, а потому не будет преувеличением сказать, что именно «деурбанизация» плена окончательно лишила его статистическую и географическую определенности. Более того, даже в пределах крупных производств учет пленных стал проблемой, ведь они, как отмечал, к примеру, управляющий Богословского округа С.С. Постников весной 1916 г., «постоянно перемещаются на работах»⁹.

С 1916 г. строгий количественный учет пленных, а также их категоризация по возрастному, национальному, этническому, вероисповедальному и прочим признакам и вовсе превратились в недостижимую мечту, осуществлению которой прежде всего препятствовала жесточенная «битва за пленных» между российскими промышленностью и сельским хозяйством. Уже в начале 1916 г., когда угроза недосева из-за отсутствия рабочих рук на селе становилась все более и более реальной, аграрии просто измотали власти своими просьбами о присылке пленных. В этой связи из 200 тыс. неприятельских солдат, взятых в плен в ходе наступательной операции русских армий Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г., ведомству земледелия было отдано 160 тыс. чел., или 80 % [5, с. 56]. «Минуя

внутренние лагеря», эти едва учтенные пленные напрямую отправлялись в деревню [6, с. 190–192].

Конфликт интересов промышленников и сельхозпроизводителей вылился в настоящую бескомпромиссную борьбу, смягчая жесточенность которой, правительство даже изменило порядок отпуска военнопленных на работы. С 24 декабря 1916 г. этим занималась особая междоветовая комиссия, без решения которой штабы военных округов выполнять наряды на пленных не могли¹⁰. При этом в условиях постигшего страну продовольственного кризиса комиссия не нашла ничего лучшего, как начать лихорадочную перекачку пленных из промышленной отрасли в аграрную, что внесло свою толику неразберихи в дело общего учета пленных и фиксации их различных статусов.

Пик этой неразберихи пришелся на 1917 г., когда сражение промышленников и сельхозпроизводителей за обладание военнопленными вступило в свою кульминационную фазу. На этом этапе власти зачастую просто не контролировали ситуацию с пленными на местах, махнув рукой на их перемещения, а с ними – и на всякие подсчеты. Известно, в частности, что именно тогда Камышловская уездная продовольственная управа и бюро исполкома местного Совета, не дождавшись официального перевода на полевые работы занятых в близлежащих лесничествах пленных, просто вывезли их в окрестные же деревни. Комментируя в конце июля 1917 г. свои действия, камышловские власти даже не пытались оправдываться, будучи глубоко убежденными в том, что несанкционированный захват вражеских военнослужащих – мера вполне оправданная¹¹.

Так или иначе, но к середине 1917 г. наличные реестры пленных иностранцев в России явно не отражали ни их общей численности, ни их состава, ни актуальной географии плена. В условиях, когда персональный учет, производившийся на фронтах, оказался явно недостаточным, требуя своего продолжения посредством периодического централизованного учета в тылу, власти вынуждены были прибегнуть к всероссийской переписи вражеских военнослужащих, несмотря даже на то, что аналогичный опыт регистрации беженцев был лишь относительно успешным. «Существующая у нас числовая система учета военнопленных на основании данных штабов военных округов внутреннего района государства не дает в настоящее время достаточно точных данных об общей численности военнопленных и распределении их по территории России, а также данных, необходимых для возможно рационального использования около двухмиллионной массы военнопленных как весьма крупной рабочей силы государства», – гласила изданная в Петрограде в 1917 г. «Инструкция по организации переписи военнопленных». «Принятая с начала войны система оказалась несоответствующей вследствие назначения части поступивших военноплен-

⁹ ГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 71. Л. 179.

¹⁰ ГАПК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 117. Л. 17; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102, 2-е делопр.-во. Оп. 73. Д. 10. Ч. 60. Л. 6.

¹¹ ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 10. Л. 255.

ных непосредственно на работы, без предварительного прохождения через пункты водворения, а также получившейся сложности этого учета вследствие назначения военнопленных на работы разных ведомств и общественных организаций вне пределов округов, в которых они (военнопленные. – С.Н.) состоят на учете», – говорилось все в том же документе¹².

Перепись, вне сомнения, была призвана зафиксировать не только суммарные показатели численности разбросанных по территории страны неприятельских военнопленных. Она должна была конкретизировать их состав, поскольку ясности в этом вопросе изначально было еще меньше, нежели в вопросе общего количества пленников. Так, характеризуя поставлявшиеся из более 300 мест империи списки вражеских военнослужащих, начальник Центрального справочного бюро о военнопленных И.А. Овчинников сетовал: «Особенно много затруднений вызвало отсутствие в списках сведений о подданстве военнопленных. Дело в том, что в выработанной в сентябре 1914 г. Главным Управлением Генерального Штаба форме именного списка пленных не было специальной графы для обозначения подданства, так как признано было наиболее удобным, чтобы предоставлялись отдельные списки германских и австрийских пленников, а потому предполагалось, что подданство будет указываться на заглавных листах списков. На практике, однако, оказалось, что военное начальство на местах заносило германцев и австрийцев в один и тот же список, причем подданство каждого пленного в отдельности совершенно не указывалось. Поэтому в том же сентябре месяце я просил Главное Управление Генерального Штаба сделать циркулярное распоряжение об обозначении в списках сведений о подданстве пленных, ибо в противном случае Бюро было лишено возможности направлять означенные списки в соответствующее воюющее государство. Но и таким путем не сразу удалось достигнуть положительных результатов: местное военное начальство вместо подданства стало указывать в списках национальность пленных (немец, поляк, чех и т.д.), и лишь после моих неоднократных разъяснительных обращений непосредственно к воинским начальникам стали поступать от них списки с необходимыми данными» [7, с. 17].

Затяжная властями в конце 1917 г. перепись пленных была, таким образом, действительно необходима. Для ее проведения разработали целый пакет документов, включая общую инструкцию, поименные ведомости, книжки, бланки, карточки, купоны и так называемые отрезки. Проблема, однако, состояла в том, что военные власти явно переусердствовали, превратив перспективную систему учета военнопленных в настолько громоздкую, что она тут же обнаружила свою бесперспективность. Очевидно, бюрократичная до предела процедура, намеченная еще на июнь 1917 г., потому и не состоялась в запланированные сроки, что обросла бесконечным числом разнообразных бумаг. Больше того, сама по себе задача охвата переписью всех пленников в

силу их «деконцентрации» оказалась утопией. «... Статистических бланков Управление ниоткуда не получало и не знает, как приступить к вышеуказанной переписи», – писал управляющий Николае-Павдинского горного округа окружному инженеру Северо-Верхотурского горного округа в конце августа 1917 г.¹³ Как результат, от проведения переписи в августе 1917 г. власти также отказались, сдвинув ее сроки еще на пару месяцев.

29 сентября уездным комиссарам и начальникам городских милиций было предписано «поставить в известность о производстве переписи все учреждения, предприятия и лиц, у которых находятся на работах в губернии военнопленные, и уведомить их, что согласно уведомления Главного Управления Штаба округа от 27 сентября за № 26911 с просьбой о высылке бланков для переписи надлежит обращаться непосредственно в Петроград в Отдел эвакуационный по заведыванию военнопленными при Главном Управлении Генерального Штаба»¹⁴. Настоящее распоряжение, явно не относясь к своевременно «преподанным», не замедлило обнаружить свою невыполнимость. «... Перепись военнопленных в указанные Вами сроки фактически невозможна в виду слишком ограниченного количества присланных регистрационных карточек. Прислано всего 3 700 экземпляров, между тем требование от 7 уездов предъявлено уже на 11 620...», – сообщала губернская продовольственная управа пермскому губернскому комиссару Б.А. Турчевичу в начале октября 1917 г.¹⁵ Прошел месяц, и без того затянувшая в Пермской губернии перепись пленных и вовсе приостановилась, что было обусловлено не столько недостаточностью бланков, которых было получено уже 147 тыс., а их бестолковым расходом. В Больше-Буртымской волости Пермского уезда, к примеру, пленных сначала зарегистрировал местный лесничий, а после него – еще и уездный продовольственный комитет¹⁶. В других местностях всевозможные властные инстанции локального значения, давшие обильные всходы в результате Февральской революции 1917 г., так и не достигнув согласия в вопросе о том, кто должен заниматься первичным учетом пленных, перепись и вовсе сорвали¹⁷.

Впрочем, даже если бы масштабная акция по регистрации военнопленных благополучно состоялась по всей стране, собранные сведения все равно потребовали бы некоторого времени для своей обработки – времени, которого организаторы переписи оказались лишены в связи с известными политическими событиями конца 1917 г. Итоги переписной кампании, совпавшей по срокам с новым витком политических потрясений всероссийского значения, подводили уже совсем не те, кто ее планировал и организовывал, а именно созданная большевиками Центральная коллегия о пленных

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 45.

¹⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 311.

¹⁵ ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2. Л. 169.

¹⁶ Там же. Л. 208, 239.

¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 56.

¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 23.

и беженцах, точнее, ее статистико-справочный отдел. Есть сведения, что заработавшая 1 декабря 1918 г. в структуре отдела часть по учету иностранных военнопленных по прошествии полугода получила и обработала всего 116,5 тыс. переписных карточек. Их сбор и анализ продолжался вплоть до начала 1920-х гг., однако, этот источник так и не стал главным для выводов о численности и составе пленных Первой мировой войны в России. Помимо него, советские миграционные службы вынуждены были использовать еще и именные списки пленных, запросы об их судьбе, регистрационные бланки умерших и другие документы¹⁸.

Итогом переписной кампании конца 1917 г. взвешенные количественные показатели, таким образом, не стали. При этом кампания со всей наглядностью показала, что рисунок российского плена изначально был слишком сложным для того, чтобы сохранять свою прозрачность. В условиях, когда плен превратился в место встречи фронта и тыла, центральных и местных властей, экономики госсектора и ее негосударственных альтернатив, изменчивого города и крепкой в своих традициях деревни, он (плен) не просто сформировал некое особое пространство, в центре которого находились военнопленные вражеских армий. Он породил множество таких пространств. Подобные концент-

рическим кругам, они последовательно – или непосредственно – наслаивались друг на друга, усложняя процедуры контроля и управления настолько, что даже сегодня многие – и не только количественные – характеристики российского плена остаются далекими от достаточно изученных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суржикова Н.В. К вопросу о численности военнопленных Первой мировой войны в России и на Урале // Россия в войнах начала XX века: докл. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 282–305.
2. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. 258 с.
3. Суржикова Н.В. Трудоиспользование военнопленных на Урале в 1914–1917 гг. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2007. № 15. С. 262–274.
4. Rachamimov A. POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. N. Y., 2002. 256 p.
5. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917). Л., 1985. 384 с.
6. Суржикова Н.В. Первая мировая в уральской деревне: битва за пленных // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы X Юб. Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2011. Т. 2. С. 185–192.
7. Овчинников И.А. Центральное справочное бюро о военнопленных. Регистрация. Пг.; Б.и., 1915. 45 с.

Статья поступила
в редакцию 15.02.2014

УДК 94(47).083

В.М. РЫНКОВ

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СПЕЦИФИКА АЗИАТСКОЙ РОССИИ*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: vadsvet@list.ru

Российское государство, вступив в 1914 г. в беспрецедентно масштабную войну, столкнулось с необходимостью не только мобилизовать экономику и население на противостояние военному противнику, но и выработать систему мер, призванных смягчить последствия резко усилившейся социальной мобильности. На протяжении второй половины 1914–1915 гг. были созданы специальные институты для решения данной задачи. Но когда в 1916 г. стал существенно падать уровень жизни работавшего населения, никакие меры сглаживания этого явления не смогли удержать процесс маргинализации больших групп населения и, как следствие, радикализации политического сознания.

Целью статьи является анализ процессов социальной мобильности в восточных регионах России, выявление общероссийских тенденций и макрорегиональных особенностей этого явления. Показано, что на эффективности государственной социальной политики в Сибири и на Дальнем Востоке отрицательно сказались отсутствие земских учреждений, недоучет правительством специфики Сибири и Дальнего Востока, выделение на социальные трансферты сумм, покрывавших расходы на уровне ниже общероссийского. Острейшие материальные проблемы с первых месяцев войны стали испытывать горожане – члены семей призванных в армию, а с лета 1915 г. – беженцы. Несбалансированность мероприятий в области социальной политики, по мнению автора, обернулась включением этих двух групп в своеобразный андеркласс, а также тяжелой психологической дезадаптацией. На протяжении 1915 г. вызревали условия для постепенного ухудшения социального положения более широких слоев населения. 1916-й г. принес резкое обострение товарного дефицита и падение курса рубля, что привело к качественному обнищанию значительной части населения Сибири и Дальнего Востока. Четко обозначилось снижение социаль-

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 11. Л. 47, 77, 85.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-8-01725.

ного статуса служащих правительственных учреждений. Расширение занятости в индустриальном секторе экономики, наоборот, в условиях войны явилось фактором сдерживания нисходящей социальной мобильности.

Ключевые слова: Первая мировая война, Азиатская Россия, Сибирь, Дальний Восток, институты, кластеры и факторы социальной мобильности, нисходящая социальная мобильность, маргинализация, социальная политика, социальные трансферты, общественные организации, благотворительность.

Неизгладимое влияние Первой мировой войны на жизнь населения в странах, принявших в ней активное участие, не вызывает ни у кого сомнения. Ни одна из предшествовавших войн не оказывала такого воздействия на общество, деятельность государственных институтов, характер их взаимодействия друг с другом. Отвлечение на военные нужды громадных ресурсов, человеческих и материальных, привело к падению уровня жизни населения воевавших государств. В свою очередь, правительствам пришлось прилагать беспрецедентные усилия по адаптации больших социальных групп к переменам. Не случайно в годы Первой мировой войны особенно интенсивно происходила разработка новых методов государственной социальной политики. Россия в этом отношении шагала в ногу с другими воевавшими государствами, но кардинально отличалась своими размерами от европейских держав, компактно располагавшихся на сравнительно небольшой территории европейского континента.

Протекавшие в Российской империи социальные процессы правильнее трактовать как широкомасштабную социальную мобильность населения. Этим обусловлено обращение к теории социальной мобильности для осмысления исторических реалий в годы Первой мировой войны [1; 2.]. Первым это сделал П. Сорокин [3], а вслед за ним историки неоднократно обращались к сюжетам, которые легко интерпретировать в терминах социальной мобильности: призыв в армию более 15 млн чел., интенсивный приток работников в сферу индустриального труда, массовая вынужденная и принудительная миграция, определяемая в диапазоне от 3,8 до 5 млн чел. [4, р. 231–240; 5, р. 63–69, 71–72; 6; 7]. Ограниченный объем статьи заставляет оставить за рамками факторы социальной мобильности, т. е. индивидуальные события и случаи, и сосредоточиться на новых институциональных кластерах, сформировавшихся в 1914–1917 гг.¹

В Азиатской России, занимавшей около 2/3 территории империи, проживало 13,1 млн чел. (около 8 %), в том числе на огромных пространствах Дальнего Востока – лишь 820 тыс. чел. Девять из десяти сибиряков являлись жителями сельской местности. Не знакомые с дефицитом жизненного пространства, многие сибиряки жили в условиях господства натурального хозяйства. В то же время население прилегающих к Транссибирской магистрали районов активно втягивалось в орбиту рынка. Однозначные описания жизни не подходят для Сибири, в ней уживались разные хозяйственные уклады. Именно это обстоятельство заставляет

обратиться к изучению данной проблемы в территориальных рамках Сибири в том широком географическом смысле, как этот термин понимали современники, т. е. территория восточнее Уральских гор – от Тобольской губернии до Приморской области, в том числе Акмолинская и Семипалатинская губернии Степного края. На азиатских окраинах империи и до начала, и во время Первой мировой войны социальные процессы и реагирование на них государства протекали иначе, чем в Европейской России. Эта территориальная специфика до их пор не привлекала внимание специалистов.

Царское правительство еще накануне войны пошло на кардинальный пересмотр основ своей политики в области социального обеспечения. Закон от 25 июня 1912 г. возложил на государство выплату продовольственного пособия членам семей призванных и добровольно ушедших в армию. Им выплачивался денежный эквивалент минимального продуктового набора, в сельской местности – ежеквартально, а в городах – ежемесячно. Сеть специально созданных попечительств под руководством губернских администраций и с опорой на городские, земские и дворянские сословные учреждения занималась распределением государственных выплат и средств, привлеченных благотворительными организациями. Решение проблемы беженцев в прифронтовых районах Совет министров возложил на специально назначенных главноуполномоченных, а на остальных территориях действовала сеть местных организаций Татьянинского комитета. С августа 1915 г. появилось Особое совещание по устройству беженцев, возникли губернские и областные уполномоченные, городские и уездные комитеты, объединившие усилия сети земских, городских и общественных организаций. Они аккумулировали государственные и частные средства, распределяя их на денежные пособия, продовольственное, медицинское обеспечение, организацию проживания, отопления и на удовлетворение прочих нужд [7]. На основании закона от 30 августа 1915 г. государство приняло на себя бремя обеспечения беженцев.

Для поддержания материального благосостояния правительственных служащих, рабочих казенных предприятий Совет министров принял ряд постановлений о выплате военных надбавок к окладам.

На фронт из восточных регионов оказалось отвлечено около десятой части населения. К сентябрю 1916 г. в Азиатской России начислялось 2,9 млн пайков для семей военнослужащих, или 8,4 %, что примерно соответствовало доле населения азиатских регионов среди мобилизованных в армию (около 8 %). Но выделяемые денежные суммы к апрелю 1915 г. составили 5,5 % от общих средств, затраченных на эти цели по стране.

¹ Понятие кластеров в рамках теории социальной мобильности разработано М.Ф. Чернышом [2, с. 82–84].

Очевидно, в восточных губерниях и областях выплачивался наименьший размер казенных пайков и меньшие по размеру казенные пособия². Впрочем, возможно, такой расклад имел основание, учитывая, что территория Азиатской России меньше была затронута ростом цен по сравнению с другими регионами страны.

С первых месяцев войны активную поддержку семьям призванных оказывали благотворительные организации и органы городского самоуправления. Общий объем такой помощи был незначительным по сравнению с казенными затратами. За первый год войны дополнительные выплаты составили в Сибири 1,8 % к размеру государственных начислений (в целом по стране – 5,6 %).

Как и по всей стране, многочисленные общественные организации активизировали свою работу по оказанию адресной поддержки тем, кто оказался в крайне затруднительном положении, и особенно в тех случаях, когда законодательство не предусматривало государственных выплат. Существенно ухудшалось общее положение отсутствие в Сибири земств, ведь в европейской части страны именно они взяли на себя функцию оказания разнообразной и комплексной помощи членам семей призванных на войну и беженцам [8, с. 134–145, 159–176]. В конце 1915–1916 гг. пособия и надбавки к государственным выплатам со стороны местных органов власти и благотворительных фондов возросли и стали более ощутимыми. В отдельных городах, например в Барнауле, они могли составлять до 1/3 от суммы казенных пайков³. Но сами пайки лишь в первый год кардинально улучшали положение многих семей, отдавших в армию своих кормильцев. Индексировались они крайне медленно – за все дореволюционное время возросли лишь в 1,3 раза, тогда как цены поднялись в 3–5 раз. Поэтому даже совокупные выплаты казны и общественных организаций не могли исправить ситуацию⁴.

Сеть учреждений, на которые возлагалась выплата пайков, очень медленно адаптировалась к массовому наплыву получателей. Начало 1915 г. в городах Сибири отмечено острой социальной напряженностью, связанной со сбоями в выдаче пайковых денег и пособий. Выплаты задерживались, получатели подолгу не могли разобраться, когда, где и как их следует получать. У городских касс собирались огромные очереди, которые становились средоточием недовольства и социальной агрессии. Семьи призванных сибирских горожан сразу почувствовали ухудшение своего материального положения и социального статуса, попав в категорию просителей.

Денежных средств, к тому же поступающих с большим опозданием, было совершенно недостаточно для смягчения «удара», нанесенного войной и по

сельскому населению Сибири. Но на помощь пришли патерналистские методы, позволившие задействовать иные формы социальной помощи. Удалось привлечь и другие ведомственные и общественные ресурсы. Казенные палаты получили указание – не взыскивать продовольственные долги с семей призванных. Солдатским семьям новоселов выделяли дополнительные ссуды от местной переселенческой администрации. Кредитные и ссудо-сберегательные товарищества проводили сборы средств на уборку урожая с участков семей призванных, а также выдавали им льготные ссуды. В первые месяцы войны это были достаточно большие средства. В Омском военном округе в осенние месяцы 1914 г. ратников и запасных распустили по домам для уборки хлеба, что сыграло свою благотворную роль в уборочной кампании⁵. Сибирские губернаторы через крестьянских начальников обратились к волостным и сельским органам крестьянского самоуправления с настойчивым предложением (это были призывы по форме, но приказы по содержанию) немедленно выработать меры помощи семьям призванных. На сходках крестьяне принимали решения об общественной обработке полей призванных, списании с их семей арендных платежей, а также о денежных сборах [9]⁶. На фоне сильного патриотического подъема первых месяцев войны местным властям удалось организовать помощь семьям мобилизованных преимущественно силами сельских обществ. Весной 1915 г. в ходе анкетирования сельских корреспондентов о помощи семьям призванных в сельскохозяйственных работах 91 % опрошенных указал, что помощь была получена от односельчан и соседей, и только 5 % отметили казенную помощь [10, с. 32]. Показателен пример Тугурской волости Верхотурского уезда Иркутской губернии. Здесь за первые полгода войны население собрало в помощь семьям мобилизованных 1683 руб. и отработало 1473 дня⁷. Все эти меры позволяли сдерживать сползание сельских семей призванных и ополченцев в бездну нищеты. Причем в сибирских губерниях эту задачу решали даже успешнее, чем в сельской местности Европейской России [11, с. 61].

Но уже в следующем сельскохозяйственном сезоне таких результатов достичь не удалось. Новые призывы 1915–1916 гг. увеличили количество семей, оставшихся без мужских рук. Пайки и денежные пособия солдатским семьям при общем росте цен стали реже использоваться на наем работников, а в 1916 г. уже практически не оказывали влияния на материальное положение членов солдатских семей⁸. Запал благотворительности

² О влиянии войны... С. 199–200; Россия в Первой мировой войне (в цифрах). М., 1925. С. 49.

³ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф-3. Оп. 23. Д. 280. Л. 6. (в среднем по России стоимость пайка увеличилась на 69 %).

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Дел. 4. Оп. 125. 1916. Д. 108. Ч. 77. Л. 13 об.

⁵ Сибирская жизнь (Томск), 1914. 14 авг.; Жизнь Алтая (Барнаул). 1915, 4 июня; ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 682. Л. 29–29об; О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С. 18.

⁶ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. С. 18–19; Сибирь. Иркутск. 1914. 23 дек.; 1915. 1 янв., 5 февр.

⁷ Сибирь. Иркутск, 1915. 5 февр.

⁸ Вестник Омского городского общественного самоуправления. 1916. № 17/18. С. 1274–1278.

также быстро иссяк, организация совместной обработки участков семей призванных бесплатно или за общественный счет стала редкостью. С осени 1915 г. сибирская общественность заговорила об остром недостатке рабочих рук в деревне [12, с. 16]⁹. На протяжении 1917 г. пайки были увеличены в 1,5 раза. Введенный в сентябре 1917 г. новый порядок начисления предусматривал их выплату за месяц вперед. Но рост цен ускорялся, и все эти меры оказывались неэффективными¹⁰.

Ощувив сползание своих семей в нищету, жены солдат стали повсеместно проявлять недовольство, требуя списания недоимок, продажи товаров по сниженным ценам. В последние перед революцией месяцы в ряде городов и сельской местности Тобольской, Томской, Енисейской губерний и Семипалатинской области прошли волнения, в которых приняли активное участие жены солдат. Как правило, выступления сопровождались погромами городских магазинов и сельских лавок [13, с. 270–271, 275; 14, с. 97; 15, с. 66, 118–121; 16, с. 367–369, 385–391, 509–511].

К началу 1916 г. в Сибирь прибыло около 160 тыс. беженцев, т. е. примерно 3–4 % от всего количества в России [6, с. 141; 7, с. 108; 17, с. 71]. Но это составило около 15 % городского населения далеко не прифронтовой местности – достаточно, чтобы создать острейшую социальную напряженность и посеять среди горожан психологию маргиналов. Примечательно, что на их попечении, по сведениям местных организаций по устройству беженцев, находилось по разным оценкам от 60 до 80 тыс. чел. [18, с. 180–184], т. е. в 2–2,5 раза меньше¹¹. И это тогда, когда в Европейской России «беженское» дело уже полностью организовалось, в каждой губернии прибывавших точно учитывали, трудоустраивали или распределяли по квартирам или приютам [19, с. 63–67; 20, с. 87–112]. Если в целом по России «нерусских» беженцев было около половины, то в Томской губернии – четверть¹². Мало того, положение именно русских беженцев, лишенных поддержки национальных беженских организаций, в Сибири оказалось наихудшим.

Казна выделяла ничтожные средства на содержание беженцев, а с 1916 г. в условиях роста цен и эти ассигнования сократились вдвое. Власть ориентировала местные комитеты помощи беженцев на их трудоустройство и самообеспечение. Но среди прибывших большинство (70–80 %) составляли нетрудоспособные, а остальных было чрезвычайно сложно устроить в материальном и бытовом отношении. Основная масса беженцев проживала в антисанитарных условиях в непригодных, плохо отапливаемых помещениях, часто в лагерях для военнопленных. Среди них

была велика смертность от недоедания и эпидемий, широко распространено нищенство и бродяжничество [21; 22, с. 287; 23, с. 183–198]¹³. Беженство стало лифтом, в котором горизонтальная мобильность в крайне суровые климатические условия сопровождалась сползанием на социальное дно общества.

Интенсивная мобильность сибирских пролетариев очевидна. Около 40 % рабочих мобилизовали в армию. В некоторых ключевых отраслях «текучесть» кадров оказалась существенно выше средних показателей. К началу 1917 г. общая численность железнодорожников выросла на 50 %, причем за счет мобилизации и найма на их места других рабочих и мастеровых была потеряна половина старых кадров. В углепромышленности при значительных призывах в армию общая численность увеличилась на 150 % [27, с. 30–31]. Данные по динамике заработной платы рабочих в восточных регионах страны отсутствуют. Известны общероссийские показатели, подтверждающие индексацию зарплаты российских рабочих в условиях роста цен. Ее реальное выражение составляло от 103 % от довоенного уровня на военных заводах, до 84–93 % на других предприятиях [5, р. 69; 28, с. 301] Сибирские историки не подтверждают эту закономерность, приводя статистические сведения о падении реальных заработков. Однако многие источники свидетельствуют о совпадении региональной динамики с общероссийской. В 1916 г. отмечалось, что рабочие оказались неплохо обеспечены материально по сравнению с другими категориями населения¹⁴. Как писал в ноябре 1916 г. новониколаевский полицмейстер, поясняя спокойствие среди местного пролетариата, «рабочие чувствуют, что скорее они нуждаются в хозяевах, чем хозяева в них»¹⁵.

Прилив женщин и непривзванных в армию мужчин в сферу промышленности и рост уровня занятости в индустриальных секторах сибирской экономики и в инфраструктуре усилили имущественный раскол общества. Причем включение в ряды сибирского пролетариата становилось обычно фактом восходящей мобильности. Не случайно информационные сводки 1916 – начала 1917 г. фиксировали, что семьи, в которых кто-то из членов имел работу, вели «безбедное существование». Социальный протест распространялся среди неработающего населения или тех, кто промышлял случайными приработками¹⁶.

На фоне роста розничных цен оклады служащих не пересматривались почти два года. 21 мая 1916 г. правительство приняло Временные правила о прибавках к содержанию правительственных служащих, согласно которым Сибирь и Дальний Восток попадали в район

⁹ Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда в Омске 2–12 января 1916 г. Омск, 1916. С. 22.

¹⁰ Знамя революции. 1917. 2 июня.

¹¹ Омский вестник (Омск). 1916. 22 янв.

¹² Беженцы Томской губернии: список семей беженцев и адрес их. Томск. 1916. Вып. 1–2. Анализ информации из этого издания стал основой целой диссертации [23] Кстати, сибирские историки экстраполируют эти данные на всю Сибирь [24, с. 279; 25, с. 69].

¹³ Это опровергает мнение, что в Сибирь старались доставить насильственно эвакуированных жителей национальных окраин Российской империи, а в великорусские губернии направлялись преимущественно беженцы из русских [26, с. 379].

¹⁴ ГАГО. Ф. Ф-3. Оп. 2. Д. 6928. Л. 136об.

¹⁵ Там же. Л. 194.

¹⁶ Там же. Л. 194, 214–214об., 220.

с минимальными прибавками в 10–30 %¹⁷. Фактически это означало замораживание зарплаты, что вело к снижению социального статуса занятых в сфере государственного управления. Причем на общероссийском фоне положение чиновников восточных регионов оказалось худшим. Обладавшие невысокой социальной адаптивностью, служащие для улучшения условий жизни имели возможность только участвовать в городской кооперации. Никаких иных мероприятий по смягчению их ухудшавшегося материального положения не проводилось. Впрочем, в Азиатской России с ее социальными контрастами каждое правило имело множество исключений. В удаленных и изолированных от мира промышленных поселках традиционная социальная иерархия только усиливалась войной. На Петровском заводе в Забайкальской области рабочие более года с начала войны не получали зарплаты и владели нищенским существованием, в то время как служащие заботливо устанавливали себе прибавки к жалованию¹⁸.

За годы Первой мировой войны в восточных регионах, как и по всей России, неуклонно снижался уровень жизни населения. При этом формировались целые новые кластеры социальной мобильности: призыв в армию, принудительная миграция, изменения на рынке труда, связанные с мобилизацией индустриального потенциала. В рамках этих кластеров формировались новые общности, соединенные из разных социальных групп событиями войны и российской социальной политикой. К наиболее ущемленным группам населения следует отнести беженцев и не имевших постоянной занятости членов семей горожан, призванных в армию. Это были своеобразные социальные лифты, спускавшиеся вниз, на уровень формировавшегося городского андеркласса. Ситуацию с членами семей призванных и служащими правительственных учреждений можно сравнить с лестницами. Здесь нисходящая мобильность была постепенной. Занятость на предприятиях промышленности и транспорта сдерживала падение уровня жизни и относительно других категорий населения субъективно воспринималась как «лестница вверх».

В первый год войны государство выстроило механизмы, сдерживавшие нисходящую мобильность, в том числе путем мобилизации общественных сил. Но в конце 1915 и в 1916 гг. эти механизмы стали давать сбои. Причем на востоке Российской империи эффективность работы органов социального обеспечения оказалась ощутимо ниже, чем в европейской части. В своих указаниях центральная власть часто впадала в противоречия, не учитывая специфику востока России, где отсутствовали земства и дворянские корпорации. Система попечительства о помощи семьям запасных оправдывала себя только в крупных городах. Согласно положениям, они должны были действовать только в городах с населением свыше 75 тыс. жителей, но в Сибири и на Дальнем Востоке их открывали в виде исключения и в

мелких городах, хотя малое число получателей пособия не давало оснований для полного штата занятых в этих структурах [29, с. 168]. В омском попечительстве о нуждах семей запасных чинов огромная сумма (152 тыс. руб.) затрачивалось только на содержание служащих. Бюджета учреждения не хватало на оказание помощи нуждавшимся, и их нищенское существование оказывало угнетающе влияние на людей, чьи близкие рисковали жизнями на фронтах войны¹⁹. На всю Сибирь к началу 1917 г. действовало 36 комитетов помощи беженцам на 80 тыс. получателей [22, с. 284]. Бюджеты сибирских городов практически не получали казенного пособия на помощь беженцам и содержали их на свои мизерные средства подчас в ужаснейших условиях.

Рост социальной напряженности в Сибири свидетельствовал о том, что усиливавшаяся маргинализация широких слоев населения была связана не только с падением уровня их реальных доходов. Влияли и социально-психологические факторы. Ощущение ущемленности и обездоленности формировалось в том числе сбоями в работе систем обеспечения социальных трансфертов. В восточных регионах страны эффективность механизмов сдерживания нисходящей социальной мобильности существенно снижалась под воздействием трех факторов – низкой плотности населения, делавшей их чрезвычайно дорогостоящими, отсутствия земств и финансового обеспечения со стороны государства на уровне ниже среднероссийского. Но своеобразный жизненный уклад азиатской части России позволил легче адаптироваться к новым вызовам через архаизацию хозяйственной жизни и пережить социальные катаклизмы в целом легче и спокойнее, чем в центральных регионах Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М., 2005. 702 с.
2. Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М., 2005. 254 с.
3. Сорокин П.А. Современное состояние России // Социология революции. М., 2008. С. 427–504.
4. Astrov N.J. The Effect of the war upon Russian municipal government and all-Russian union of Towns // The War and the Russian Government. New Haven, 1929. P. 131–323.
5. Gatrell P. Russia's First World War. A Social and Economic History. Harlow, Person, 2005. 306 p.
6. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 98–113.
7. Курцев А.Н. Беженство // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 129–146.
8. Polner T.J., Obolensky V.A., Turin S.T. Russian Local Government During the War and The Union of Zemstvo. New Haven, 1930. 334 p.
9. Котович Л.В. Крестьянское самоуправление Западной Сибири в 1915 г. (по материалам сельских сходов) // Социальные конфликты в истории России: Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 2004. С. 348–350.
10. Шишкина С.Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Тюмень: ТОГИРРО, 2006. 208 с.

¹⁷ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 1. Д. 752. Л. 3–4, 35–37.

¹⁸ Забайкальская мысль (Верхнеудинск), 1915. 8 окт.

¹⁹ Вестник Иркутского городского самоуправления. 1915. № 7–9. С. 10

11. Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. М.; Л., 1925. 204 с.
12. Кижасева Т.А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 23 с.
13. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. 400 с.
14. Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в годы Первой мировой войны // Известия СО РАН. 1979. № 11. Сер.: Обществ. науки. Вып. 3. С. 95–101.
15. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг.: хроника и историография. Новосибирск, 1987. 239 с.
16. Крестьянское движение в годы Первой мировой войны. Июль 1905 – февраль 1917 г.: Сб. док. М.; Л., 1965. 605 с.
17. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М., 1930. 273 с.
18. Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июнь 1914 – март 1918 г.): учеб. пособ. Барнаул, 2010. 293 с.
19. Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000. 316 с.
20. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. 288 с.
21. Чудаков О.В. Деятельность омского городского самоуправления по организации помощи беженцам в годы Первой миро-

вой войны // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 2000. С. 183–188.

22. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013. 423 с.

23. Щетинина А.С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007. 24 с.

24. Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 276–279.

25. Горелов Ю.П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь. XX в. Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 66–73.

26. Оскин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой войны. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011. 432 с.

27. Зольников Д.М. Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982. 206 с.

28. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1982. 472 с.

29. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 363 с.

Статья поступила
в редакцию 10.04.2014

УДК 94(47).084.3

И.Б. БЕЛОВА

БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. 1918–1919 гг.

канд. ист. наук,
Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского,
г. Калуга,
e-mail: irina-25.01@mail.ru

В статье на примере центральных губерний Европейской России рассмотрена проблема возвращения на родину в 1918–1919 гг. беженцев Первой мировой войны – уроженцев западных территорий, отторгнутых от России по Брест-Литовскому мирному договору.

Отражена политика большевистской власти в отношении досоветских организаций попечения о беженцах, организаций, созданных на демократических началах в советский период и продолживших дело обеспечения нужд беженцев. Освещен процесс создания советских эвакуационных органов, в ведение которых перешли беженцы.

В статье анализируется результативность деятельности Центропленбежа по реэвакуации беженцев. Приводятся сравнительные данные о количестве беженцев, бесплатно отправленных на родину Центропленбежем, самостоятельно выехавших и оставшихся в регионе к началу 1920 г. Показаны масштабы стихийного движения беженцев на родину, отношение к движению Центропленбежа, а также пленбежей и органов власти на местах, для которых беженцы являлись непосильным бременем в условиях голода и разрухи.

Автор дает оценку отношению центральной власти к многочисленным проблемам беженцев, находившихся на территории Российской республики в ожидании реэвакуации, в том числе декларативному характеру декрета СНК от 28 января 1919 г. «Об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцах по отношению к беженцам, подлежащим реэвакуации». Показаны способы привлечения беженцев к службе в Красной Армии и принудительным работам.

Ключевые слова: беженцы Первой мировой войны, Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, центральные губернии Европейской России, Советы беженцев, легальная реэвакуация, стихийное беженское движение, заградительные отряды, беженские пайки, принудительный труд, мобилизация в Красную Армию, Гражданская война, голод, эпидемии.

Исследования, посвященные судьбе беженцев Первой мировой войны в советской России, начинают появляться с конца 1990-х гг. В работах Н.В. Лахаревой впер-

вые исследуется положение беженцев, размещенных на территории Курской губернии [1; 2]. Беженское движение из Курской губернии в 1918–1919 гг. автор характеризует

как исключительно стихийное, поскольку в этот период планомерная реэвакуация из региона не осуществлялась. По заключению автора, подавляющее большинство оставшихся в губернии беженцев нуждалось в материальной помощи, между тем государственные беженские пайки были в 1918 г. отменены [1, с. 17–19].

В.С. Утгоф, занимаясь проблемой белорусских беженцев, пришла к заключению, что в советской России взамен системы попечения о беженцах создали структуру по возвращению беженцев на родину [3]. При этом до 1921–1922 гг. беженцы как категория населения, особо нуждавшаяся в материальной поддержке, оставались в России без помощи. По мнению автора, независимой Белорусской Народной Республике в 1918 г. удалось наладить связь с беженскими организациями на Украине и в Прибалтике и начать переписку с германским правительством о возвращении гражданского населения на родину, но эти шаги, к сожалению, по ряду причин оказались без последствий. Белорусский национальный комиссариат (Белнацком), созданный в 1918 г. Народным комиссариатом по делам национальностей, принял участие в разгроме независимого Гродненского центрального комитета объединенных организаций, оказывавших помощь беженцам. Между тем самому Белнацкому не удалось наладить оказание адресной материальной и социальной помощи белорусским беженцам, так как большевики не наделили его юридическими полномочиями [3, с. 18–19, 22].

Историки из Латвии Т. Бартеле и В. Шалда проанализировали положение латышских беженцев в условиях советской власти и трудный процесс их репатриации [4]. Авторы считают, что после смены власти в России как в феврале, так и в октябре 1917 г. основная масса беженцев плохо поддавалась большевистской пропаганде с привлечением латышей-коммунистов и была настроена на немедленное возвращение на родину. Латышские коммунисты участвовали в ликвидации прежних латышских беженских организаций помощи беженцам. По заключению авторов, беженцы-латыши различными способами старались избежать призывов в Красную Армию, чтобы не участвовать в противоборстве «красных» и «белых» [4, с. 20–22, 24].

После заключения в Брест-Литовске мирного договора с Германией в марте 1918 г. для решения проблемы возвращения на родину военных и гражданских пленников, беженцев и заложников в апреле 1918 г. была учреждена Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж)¹. Беженцы подлежали ведению Центропленбежа с момента их реэвакуации². Губернские и уездные органы этой организации (губ- и уездпленбежи) в Центральном районе Европейской России приступили к работе в основном летом 1918 г.

¹ Декрет об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 23 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 165–167.

² Декрет в дополнение Декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 21 июня 1918 г. // Там же. С. 462–463.

Оказание материальной помощи беженцам до реэвакуации в их обязанности не входило, хотя беженские пайки были отменены³. К этому времени прежние до-советские беженские организации были распущены, а Советы беженцев, созданные уже в советский период, находились в процессе ликвидации. Было распущено Центральное правление Всероссийского союза беженцев, избранное на II Всероссийском съезде беженцев в ноябре 1917 г. Им была принята резолюция, согласно которой на советское государство возлагалась ответственность за дальнейшую судьбу беженцев, за проведение в жизнь специальных программ, разработанных Всероссийским союзом беженцев, а это не входило в планы центральной власти.

С 16 июля 1918 г. беженцам – уроженцам местностей, отторгнутых от России в соответствии с Брест-Литовским мирным договором, было разрешено ходатайствовать о выходе из российского гражданства⁴. На это отводился всего один месяц, но по многочисленным жалобам и просьбам как беженцев, так и местных органов Центропленбежа срок подачи заявлений продлевался еще трижды⁵. В сентябре 1918 г. НКВД были разработаны Временные правила порядка выхода уроженцев Украины из российского гражданства⁶. Между тем дела по ходатайствам о выходе из российского гражданства с 18 ноября 1918 г. были аннулированы, а прием прошений о выходе прекращен до особого распоряжения⁷. Оставшихся в российском гражданстве беженцев уравнивали с гражданами Российской республики в «отношении подведомственности»⁸. На этом основании беженские приюты, убежища, школы были переданы Наркомату социального обеспечения и Наркомату просвещения. «Уравнивание в отношении подведомственности» означало также, что беженцам вменялась в обязанность служба в Красной Армии.

Начать реэвакуацию беженцев планировалось с Северо-Западного района страны (1-я зона). Такие центральноевропейские губернии, как Орловская, Курская, Калужская, Тульская, были отнесены ко 2-й зоне, а Рязанская и Воронежская – к 4-й. Сначала Центропленбеж потребовал от своих местных органов заново зарегистрировать всех беженцев с использованием документации нового образца. Списки зарегистрированных

³ Постановление НКВД от 21 марта 1918 г. о прекращении с 1 января 1918 г. выдачи казенного беженского пайка // Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31.

⁴ Декрет о выходе некоторых категорий лиц из российского гражданства. 15 июля 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 18–19; Декрет опубликован: «Известия» 1918. 16 июля. № 148.

⁵ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 18. Л. 16–16 об.

⁶ Известия Калужского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 28 нояб. № 246.

⁷ Циркуляр НКВД от 31 июля 1919 г. // ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 693. Л. 6.

⁸ Декрет об уравнивании беженцев, остающихся в российском гражданстве, с остальными гражданами Республики. 27 июля 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 103–104.

беженцев из уездов следовало направлять в Губпленбеж на утверждение и определение очередности отправки, а наряды на вагоны выделял Центропленбеж. Документы, оформленные по старой форме, не принимали к рассмотрению⁹. Беженцы из разных регионов выезжали самостоятельно, например, у границы с Украиной в июле 1918 г. на территории Курской губернии скопилось до 5 тыс. беженцев, а за демаркационной линией на расстоянии 5–6 верст – до 20 тыс.¹⁰.

Свои услуги беженцам по ускорению оформления отъезда предлагали всякие дельцы и аферисты за 5 руб. с одного человека, кроме того, беженцам советовали дополнительно приобретать по 50 руб. какие-то «охранные листы» будто бы тоже для ускорения отправки. Снявшиеся с мест беженцы, уже не имевшие крыши над головой, готовы были заплатить, лишь бы уехать¹¹. Железнодорожные станции летом 1918 г. сплошь были заполнены беженцами, в том числе больными. Обирали беженцев и должностные лица. Так, 16 октября 1918 г. в Орше задержали санитарный поезд с украинскими беженцами. При этом сотрудники чрезвычайной пограничной комиссии запросили за отpravку поезда 1,5 тыс. руб., потом еще 200 тыс. руб.¹²

Конкретных сроков плановой отправки на местах не знали и сообщить беженцам ничего не могли. При этом условия советской действительности заставляли беженцев действовать самостоятельно на свой страх и риск. Так, Рязанскую губернию, плановая отправка из которой намечалась лишь в четвертую очередь, уже к лету 1918 г. самостоятельно и с помощью прежних беженских организаций покинула большая часть беженцев: из 73,5 тыс., имевшихся на начало 1917 г., осталось около 15 тыс.¹³. Оставшиеся, спасаясь от голода, самостоятельно покидали территорию Рязанской губернии, при этом Губпленбеж сообщал Центру, что беженцы, несмотря на воспрещение, уезжали самовольно и что они «передвигались, как частные пассажиры»¹⁴. Самовольно передвигавшихся беженцев предписывалось снимать с поездов и размещать по месту задержания, например, в разграбленных и пустовавших имениях (без печей, окон и дверей). Многие беженцы предпочитали находиться в пакгаузах железнодорожных станций, надеясь уехать при первой же возможности. Летом беженцы самовольно двигались не только по железным или грунтовым дорогам, но и водным путем¹⁵.

⁹ Отчет о деятельности беженского отдела Почепской уездной коллегии о пленных и беженцах со дня образования коллегии по 1 октября сего года. Сентябрь 1918 г. // ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–5 об.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 69. Л. 5–6.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 161–162.

¹² Там же. Д. 39. Л. 2–4.

¹³ Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 88.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1104. Оп. 1. Д. 6. Л. 235.

¹⁵ Там же. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 54. Л. 72, 81; Д. 11. Л. 21–21 об, 226, 267, 323–324.

В 1919 г. Центропленбеж прямо объявил своим местным организациям, что «дело о реэвакуации беженцев в данное время находится в очень плачевном положении, и на скорую отpravку на родину нет почти никакой надежды». Исходя из этого, предлагалось составить сметы расходов на удовлетворение нужд беженцев и представить их в Центропленбеж¹⁶. Сметы были составлены и представлены, но этим все и кончилось. Вопрос об оказании помощи беженцам до их реэвакуации так и не был решен положительно.

В распоряжении Реввоенсовета по поводу невозможности отправления беженцев на Запад сообщалось, что «белогвардейцы привлекают на службу всех, проходящих через их фронт и способных носить оружие, что переход беженцев через демаркационную линию влияет на ход военных операций <...> если беженцы будут направляться в Минск, то все они будут арестовываться и препровождаться под конвоем»¹⁷. Между тем беспрепятственный проезд на родину предоставлялся беженцам – членам коммунистической партии, «всцело стоящим на платформе Советской власти, для участия в созидании новой свободной социалистической России на своих родных местах», как они писали в своих заявлениях¹⁸. В декабре 1918 г., например, Литовская национальная секция ЦК РКП(б) рассылала в местные губкомы РКП(б) телеграммы о мобилизации «в связи с возрастающим революционным движением в Литве всех товарищей коммунистов – уроженцев Сувалкской, Ковенской, Виленской и Гродненской губерний для создания там Советской власти <...> Время не ждет, каждый час дорог!»¹⁹.

В 1919 г. наблюдалось повсеместное массовое изгнание беженцев из домов сельских жителей. По этому вопросу беженские ходоки предпринимали поездки в Москву, в том числе к В.И. Ленину. В ответ местным органам Центропленбежа предлагалось возвращать беженцев на прежние места²⁰. Невыдача беженцам продовольствия райпродкомами была обычным явлением. Практически все беженские семьи ездили за хлебом и другими продуктами на Украину и в другие губернии, несмотря ни на какие заградотряды²¹.

На фоне хронического недоедания, эпидемий различных заболеваний росла смертность населения. Так, в Рязанской губернии далеко не полные сведения о 460 умерших беженцах за два года с начала советского периода собрали по 7 уездам из 12, в которых находились беженцы. Ясно, что в остальных уездах численность беженцев тоже сократилась, так как люди находились в одинаковых условиях²². По неполным данным, соб-

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 299. Л. 34.

¹⁷ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 54. Л. 31.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 299. Л. 17.

¹⁹ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее – ГАДНИКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

²⁰ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 120; Д. 54. Л. 45; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 102. Л. 108, 198–199.

²¹ ГАРО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 11. Л. 403; Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 188; см. также: [5, с. 292].

²² ГАРФ. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 61. Л. 1–75; Ф. Р-1104. Оп. 1. Д. 6. Л. 73, 79–81, 107, 110 об.

ранным не по всем волостям Жиздринского уезда Калужской губернии, с лета 1918 г. по конец 1919 г. умерло около 300 беженцев, в том числе с 1 сентября по 15 ноября 1919 г. – 88 чел. (35 чел. в месяц), в Козельском уезде за второе полугодие 1919 г. скончалось 125 беженцев (20,9 чел. в месяц)²³.

Местные пленбежи, несмотря на запрет Центра на отправку беженцев в другие губернии, лучше обеспеченные продовольствием, все-таки отправляли их, но старались придать своим действиям законные основания, учитывая, что придется держать ответ. Например, Рязанский губпленбей в апреле 1919 г. отправил в Воронеж ходяков от 35 беженских семей для подыскания места переселения на основании якобы «неотменного разрешения Центропленбежа по поводу посылки подобного рода ходяков»²⁴. Единовременное пособие, которое могло быть выдано отделом наркомсобеса лишь немногим, составляло 50–80 руб. в месяц, этого могло хватить лишь на 3–4 дня²⁵. Не получая разрешения на отправку беженцев, совдепы на свой страх и риск выдавали удостоверения, по которым железная дорога выделяла места и даже вагоны, особенно если среди беженцев были семьи железнодорожников²⁶.

Беженцы двигались на запад или в юго-восточном направлении и без всяких удостоверений, просто в качестве пассажиров²⁷. Всех задерживаемых в дороге негде было размещать и нечем кормить, в результате, к радости беженцев, их отправляли следовать дальше. Например, беженские эшелоны (3,5 тыс. чел.) были задержаны возле Тулы 3 октября 1919 г. эмисаром Центропленбежа тов. К. Цодкиным, который попытался расселить их вблизи железнодорожных станций Белев и Горбачево, однако, вопреки его намерениям, беженцы усилиями местных властей были отправлены следовать дальше. Товарищ Цодкин не встретил поддержки даже со стороны белевского ревкома²⁸. В итоге самостоятельно передвигавшихся по железной дороге беженцев стали принудительно направлять на работы государственной важности в разные места, в соответствии с принятым СНК декретом²⁹, например, на угольные шахты, рудники, торфоразработки и другие работы³⁰.

Как видим, в 1919 г., как и в 1918 г., вместо бесплатной планомерной по территориальному принципу реэвакуации наблюдалось самостоятельное беженское движение, которому Центропленбей чинил препятствия.

В ответ на поток жалоб беженцев на «голод и холод» при запрете отправки на родину ответственные работники Центропленбежа рекомендовали своим местным органам принимать меры к тому, чтобы беженцы «получали обеспечивающий существование заработок и паек, а нетрудоспособные – пособие от местных отделений Наркомтруда и Наркомсобеса»³¹. В регионах охотно последовали бы советам Центра, не будь они оторваны от реальности.

В начале 1919 г. в регионах с большим оптимизмом отнеслись было к декрету СНК от 28 января 1919 г.³², предполагая, что он «дает возможность беженцу прожить спокойно до выезда на родину». В нем на Центропленбей в отношении беженцев, не получивших еще возможности тронуться в путь и оставшихся на местах временного водворения, возлагалось «самостоятельное проведение в жизнь мер, служащих целям оказания беженцам всех видов материальной и духовной помощи». Центропленбежу предоставлялось право «испрашивать» кредиты на эту помощь у государственного казначейства. К сожалению, декларативный характер декрета от 28 января 1919 г. скоро стал очевидным, так как кредиты «испрашивались», но не отпускались³³. Между тем из секретного фонда, находившегося в распоряжении В.И. Ленина, отпускались значительные средства на зарубежную коммунистическую пропаганду и координацию революционных сил [6, с. 286].

Что касается численности беженцев, покинувших центральноевропейские губернии, то надо отметить, что из шести из них до образования уездных эвакуационных органов выехало около 200 тыс. чел. (из находившихся там на начало 1917 г. 400 тыс. чел.) самостоятельно и с помощью досоветских беженских организаций и Советов беженцев, созданных и ликвидированных уже в советский период. С разрешения Центропленбежа, по инициативе его местных органов, как исключение, в особых случаях сверхкритического положения беженцев в продовольственном и квартирном отношении, из отдельных уездов было реэвакуировано около 15 тыс. (7,5 %) беженцев, свыше 70 тыс. (35,5 %) выехали самостоятельно или погибли от голода и болезней в местах временного проживания. К началу 1920 г. в регионе продолжали оставаться около 114 тыс. (57 %) из находившихся там к моменту образования уездных органов Центропленбежа 200 тыс. (100 %) беженцев³⁴.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 2. Л. 28.

³² Декрет СНК об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцах по отношению к беженцам, подлежащим реэвакуации. 28 января 1919 г. // Декреты советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 327–329.

³³ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 2 а. Д. 39. Л. 21, 22–22 об.

³⁴ Подсчитано по: Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 27–27 об; ГАРФ. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 50; Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 87 об, 97; ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 18. Л. 29–29 об; Д. 184. Л. 717; Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 2; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 299. Л. 22; Оп. 4. Д. 607. Л. 2–3 об; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 39 об–44 об; Д. 136. Л. 38; Д. 166. Л. 338; ГАРФ. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 88, 149–160 об; Оп. 2. Д. 19. Л. 33; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 26–26 об; ГАРФ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов); [1, с. 14, 17, 25].

²³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 411–412; Д. 22 (без нумерации листов).

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 522. Л. 10–10 об.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 8. Л. 49.

²⁶ Там же. Оп. 4. Д. 107. Л. 17.

²⁷ Там же. Оп. 1 а. Д. 102. Л. 82.

²⁸ Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. Р-717. Оп. 2. Д. 103. Л. 19, 21; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 8. Л. 10, 34–35, 46.

²⁹ Декрет СНК Об использовании рабочей силы беженцев. 19 сентября 1919 г. // Декреты Советской власти. М., 1973. Т. 6. С. 122–123.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 466.

Таким образом, большевистская власть под видом демократизации беженского дела упразднила досоветские организации помощи беженцам, а затем ликвидировала и новые демократические, претендовавшие на государственное финансирование всесторонней помощи беженцам Первой мировой войны. Взамен были созданы эвакуационные органы, ведению которых беженцы подлежали лишь с момента их реэвакуации. Беженцы были лишены государственных пособий, им создавались препятствия в реализации права на оптацию иностранного гражданства с целью пополнения рядов Красной Армии и использования их на принудительных работах. Объявленная приостановленной до особого распоряжения централизованная планомерная репатриация фактически не осуществлялась. Применялись запретительные меры в отношении самостоятельного беженского движения на родину и в районы, более обеспеченные продовольствием. При этом местные исполкомы вместе с губ- и уездпленбежами распоряжения Центра по противодействию беженскому самотеку выполняли вяло, неохотно и не всегда, так как беженцы являлись для них непосильным бременем.

В результате в 1918–1919 гг. из шести центрально-европейских губерний часть беженцев смогла самостоятельно вернуться на родину, часть – переехала в

восточные и юго-восточные районы, на Украину, часть стала жертвой эпидемий и голода, всего чуть более 1/3 их общего количества. Не смогли самостоятельно покинуть голодные губернии более половины беженцев. Лишь около 7,5 % беженцев были бесплатно отправлены на родину Центропленбежем. Беднейшая часть беженского населения выживала за счет мешочничества и нищенства, систематически выезжая в производящие районы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лахарева Н.В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–1925 гг.: На примере Курской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1999.
2. *Лахарева Н.В.* Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925). Курск, 2001.
3. *Утгоф В.С.* Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
4. *Бартеле Т., Шалда В.* Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 18–31.
5. *Давыдов Ю.А.* Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007.
6. *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: Идеи. Решения. Судьбы. М., 2009.

*Статья поступила
в редакцию 20.03.2014*

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

УДК 94(47).04+930.85

Н.С. ГУРЬЯНОВА

СТАРООБРЯДЦЫ И РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ*

д-р. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
E-mail: gurian@academ.org

Статья посвящена исследованию проблемы использования старообрядцами рукописного наследия Древней Руси. На материале двух сборников, составленных в 1710 и 1711 гг., продемонстрировано, каким образом защитники старого обряда, опровергая аргумент иерарха официальной Церкви, сумели обратиться именно к тому списку «Великих Миней Четиих» (ВМЧ), на который ссылался автор «Увета духовного». При этом они предоставили более полное описание рукописи и продемонстрировали вполне научный подход к анализу содержания. Прежде всего, составители воспроизвели дословно фрагменты из введения, в котором митрополит Макарий писал о возможном проникновении в ВМЧ «слов ложных» и просил их исключить. Затем в сборнике была помещена информация о том, что в свое время патриарх Филарет, явно руководствуясь просьбой митрополита Макария, исключил из ВМЧ апокрифическое Сказание Афродитиана. Для читателя в качестве свидетельства этого факта предоставлено описание от первого лица, свидетельствующее, что, действительно, в рукописи сохранился только фрагмент этого слова – перечеркнутый крест на крест киноварью. Только после этого старообрядцы перешли к опровержению аргумента из «Увета духовного», в котором утверждалось, что в этом списке ВМЧ, в июньской и августовской книгах, присутствует «Указ о трегубой аллилуии». Старообрядцы начали с анализа содержания августовской Миней и пояснили, что в этой книге «Указ...» изъят, как и Сказание Афродитиана в декабрьской книге. Подтвердив, что в июньской книге этот текст оставлен, составители даже процитировали его. Далее обстоятельно, опираясь на материал рукописного наследия Древней Руси, были опровергнуты приведенные в «Указе...» аргументы в пользу трегубой аллилуии. В статье сделан вывод о том, что в результате старообрядцы сумели предоставить читателю убедительное, логично изложенное, развернутое опровержение одного из аргументов, на который сослался иерарх официальной Церкви, отстаивая свою точку зрения. Анализ сборников позволил выявить еще один знаменательный факт, свидетельствующий о высочайшем уровне книжной культуры старообрядцев.

Ключевые слова: старообрядцы, митрополит Макарий, «Великии Миней Четиий», патриарх Филарет, «Увет духовный», рукописные сборники.

В сборниках подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам», составленных в 1710 и 1711 гг., раздел под названием «Ведомо же буди и сие» посвящен опровержению утверждения о том, что в «Великих Миней Четиий», составленных митрополитом Макарием, «повелено глаголати трижды аллилуйя, а в четвертое – Слава Тебе, Боже». Начинается раздел с изложения точки зрения оппонентов. Прежде всего, дана точная библиографическая отсылка: «В новопечатной книге Увете духовном на листу 156-м указывает о аллилуии на Четиий Миней Великия сице». Действительно, далее приведена дословная цитата из «Увета духовного»: «В Четиий Миней во июнии и во августе месяцах, иже писаны ... в лето 7061, в конце книг с толкованием

о трегубой аллилуии пространно писано, такожде повелено глаголати трижды аллилуиа, а в четвертое Слава Тебе, Боже [1, л. 156] . Дозде Увет»¹.

Для автора «Увета», Афанасия Холмогорского, ссылка на «Великие Миней Четиий» была одним из аргументов в пользу утверждения о необходимости произносить трижды припев церковных песнопений «аллилуия». Возможно, этим следует объяснить краткость изложения точки зрения и довольно общие указания на источник. Для иерарха Русской церкви важно было подчеркнуть, что речь идет о рукописях, июньской и августовской Миней, написанных в 1552 г. «повелением Макария митрополита Московскаго во дни царя Иоанна Василиевича». Автор указал только время напи-

*Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-01-00217а.

¹ РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 383, л. 214 (далее – Е 383); РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 1703, л. 297 – 297 об. (далее – Е. 1703).

сания списка ВМЧ, о котором идет речь, и обозначил, в каких книгах помещены тексты, поддерживающие его точку зрения. Он сослался на авторитетное мнение, которое, разумеется, было значимо и для оппонентов.

Защитники старого обряда отнеслись к опровержению данного аргумента со всей серьезностью. Этот пример особенно показателен и демонстрирует высочайший уровень книжной культуры старообрядцев. Они обратились к тому списку ВМЧ, о котором шла речь в «Увете духовном», но представили его характеристику в более полном виде. Начали с указания на конкретную рукопись одного из полных беловых списков ВМЧ: «В Минях же Великих Четиих, что положил во Успенском соборе на Москве преосвященный Макарий митрополит всея Руси»². После четкого определения, о каких рукописях идет речь, последовало не менее точное указание, откуда скопирована помещенная далее цитата: «В них, в Летописце, спреди пишет сице». Начиная цитату, старообрядец еще раз повторил название – «Летописец» и далее практически дословно воспроизвел два значительных фрагмента из предисловия к декабрьской Миней.

Начало Летописца, в тексте которого сообщается о времени создания рукописи и указаны основные характеристики Успенского списка, скопировано до слов: «И в тех Четиих Минях»³. В предисловии они продолжены уточняющей содержанием информацией: «... все книги четьи собраны: святое Евангелие, четыре Евангелисты толковые... и все святые Патерикы написаны: азбучные, иерусалимские и египетские, и синайские, и скитские, и печерские, и...»⁴. Старообрядцы сочли возможным исключить этот фрагмент, начав далее с завершающей его, после союза «и», части фразы. В результате вместо пространного перечисления собранных митрополитом Макарием текстов, включенных в ВМЧ, осталось только обобщение: «И в тех Четиих Минях все святые книги собраны и написаны, которые в российской земле обретаются и с новыми чудотворцы»⁵.

Далее из текста Летописца пропущен пространственный фрагмент: «И те святые великия книги дванадцать Миней Четых... яже уготова Бог любящим его, иже со страхом и с вниманием почитающим сия святые книги. Аминь»⁶. Изъятие этого текста вполне объяснимо. В нем заключена информация о том, что данный список ВМЧ митрополит Макарий в 1552 г. внес как вклад «на память своей души и по своим родителям в вечный поминок» в Успенский Кремлевский собор в 1552 г., где этот комплект миней хранился до 1886 г., после чего был передан в Синодальную (Патриаршую) библиотеку» [2, с. 127].

² Там же. Ср: «12 Успенских книг ВМЧ Макарий внес как вклад «на память своей души и по своим родителям в вечный поминок» в Успенский Кремлевский собор в 1552 г., где этот комплект миней хранился до 1886 г., после чего был передан в Синодальную (Патриаршую) библиотеку» [2, с. 127].

³ Е. 383, л. 214 – 214 об.; Е. 1703, л. 297 об. – 298.

⁴ ГИМ, собр. Синодальное, № 989, л. 1.

⁵ Е. 383, л. 214 об.; Е. 1703, л. 298.

⁶ ГИМ, собр. Синодальное, № 989, л. 1 – 2.

зы с утверждением о принесении «великой душевной пользы» всем, кто прочтет «сия святые книги», и о наказании тех, кто их «освоит». Старообрядцы исключили этот фрагмент из Летописца, возможно, с целью направить внимание читателя в нужное русло.

Далее помещен дословно скопированный текст, которому составители сборника явно придавали особое значение. Вначале митрополит Макарий сообщал важную информацию о процессе создания ВМЧ: «А писал есми сия святые книги в Великом Новеграде, как есми тамо был архиепископом. А писал есми и собирал и воедино место их совокуплял дванадцать лет многим именем и многими различными писари, не щадя сребра и всяких почестей. Но и паче же многи труды и подвиги подъят от исправления иностранных древних пословиц, преводя на рускую речь»⁷.

По-видимому, столь пространная цитата нужна была, чтобы для читателя убедительно прозвучало следующее заявление митрополита Макария: «И сколько нам Бог дарова уразумети, толико и возмогохом исправити. Иная же и до днесь в них неисправлена пребысть. И сия оставихом по нас могущим с Божиею помощию исправити... Или будет где посреде тех святых книг написано ложное и отреченное слово святыми отцы, а мы того не возмогохом исправити и отставити и о том от господя Бога прошю прощения..., а прочитающих молю сия святые книги, иже могущим с Божиею помощию в них недокончанная, таковая исправити. Дозде словеса того Летописца»⁸.

Старообрядцы сумели выбрать нужные цитаты, которые позволили далее рассуждать по поводу аргумента из «Увета духовного». Воспроизведя дословно фрагменты из предисловия митрополита Макария к декабрьской книге ВМЧ и обозначив границу цитаты, составители обратились к читателям: «Смотрим же вси и рассуждаем праведно и безстрастно, кое слово ложное в тех Великих Минях написано и о чем молит святой Макарий митрополит – недокончанная исправити»⁹. В этом призыве смотреть и рассуждать «праведно и безстрастно» составители сборника сумели обратить внимание на главную мысль, ради которой воспроизвели фрагменты из текста Летописца. Они подчеркнули, что в предисловии митрополит Макарий писал о возможном проникновении в ВМЧ «слов ложных», которые он, «сколько возмогох» изъясил, но какие-то могли остаться, и он просит «недокончанная исправити», т.е. исключить апокрифические, осужденные отцами Церкви.

Читатель был подготовлен к восприятию помещенной следом информации: «Но уже последи его моления и исправивша повелением святейшаго Филарета Никитича, патриарха Московскаго и всея Руси. Поне же видех аз в тех великих Минях в декабре месяце в 25 день было написано ложное слово Афродетияна

⁷ Е. 383, л. 214 об. – 215; Е. 1703, л. 298 об.

⁸ Е. 383, л. 215; Е. 1703, л. 298 об. Ср: ГИМ, собр. Синодальное, № 989, л. 2.

⁹ Е. 383, л. 215 – 215 об.; Е. 1703, л. 298 об. – 299.

Персянина о рождении Христове. То слово обличает и святой Максим Грек. Чти в книге его. И то слово Афродитианово повелением святейшаго патриарха Филарета вынето, а остатки киноварью похерены. О том в том месяце против того слова и подписано есть, како исправиша»¹⁰. Составители сборника сумели найти и кратко изложить убедительный аргумент в пользу того, что патриарх Филарет, явно руководствуясь «молением» митрополита Макария, исключил из ВМЧ «ложное слово», которое обличал Максим Грек.

В начале XX в. Археографической комиссией при издании ВМЧ за декабрь месяц был отмечен факт изъятия при патриархе Филарете Сказания Афродитиана. Оно опубликовано под 25 декабря и в сноске дано объяснение, почему этот текст отсутствует в Успенском комплекте, который ошибочно обозначен как Царский: «В Списке Ц от этого апокрифического сказания сохранилось лишь начало и конец, и то перечеркнутые на крест красным чернилом. На боковом поле красным же чернилом записано: 139 году великий государь святейший Филарет патриарх Московский и всеа Русии велел сие лживое еретическое слово из книги выдрати, а которой лист нельзя выдрати, и те сраницы велел похерить. Обличение на те лживые слова в книге Максима Грека, слово десятое [3, стлб. 2259–2260]. Это объяснение изъятия Сказания из одного списка ВМЧ составлено учеными, когда опыт профессиональной археографической деятельности в России насчитывал не одно десятилетие.

Монография современного исследователя А.Г. Боброва посвящена изучению функционирования текста «Сказания Афродитиана». Разумеется, он более детально описал процесс признания его в качестве апокрифа: показал влияние на формирование негативного отношения к «Сказанию» «Обличительного слова» Максима Грека, проследил процесс включения «Сказания» в рукописные Индексы отреченных и запрещенных книг, что нашло отражение в функционировании текста и изъятии его патриархом Филаретом из Успенского списка ВМЧ [4, с. 83–87]. Реальность последнего факта А.Г. Бобров подтвердил, процитировав запись из Успенского списка ВМЧ по публикации начала XX в.

Издатели текста «Сказания» в начале XX в. проявили вполне понятный интерес к конкретному списку ВМЧ, который отличался от других, и достаточно полно охарактеризовали его. Они осуществили научный подход к публикации: отметили отсутствие в нем «Сказания», подчеркнув, что сохранились только начало и конец, «перечеркнутые на крест красным чернилом», и процитировали помещенный на поле рукописи текст, поясняющий этот факт. Старообрядцы в начале XVIII в. сумели в иной форме представить читателю эту информацию в полном объеме. Разумеется, при этом они преследовали совсем иную цель, для них важно было указать на факт изъятия «ложного слова» из ВМЧ. Они применили вполне научный подход, об-

ратив внимание читателей на то, что по приказанию патриарха Филарета включенное митрополитом Макарием «Слово Афродитиана», которое обличал еще Максим Грек, было «вынето, а остатки киноварью похерены». Старообрядцы не процитировали запись на поле рукописи, как это сделали издатели, а пересказали содержание, указав на ее наличие.

Начав с цитаты из Летописца, в которой митрополит Макарий писал о том, что, возможно, в состав ВМЧ были включены тексты апокрифических сказаний, поэтому он обратился с просьбой к будущим поколениям исключить их, старообрядцы привели в качестве примера реальный факт изъятия патриархом Филаретом одного из таких произведений. Только после этого они перешли к опровержению аргумента Афанасия Холмогорского в пользу «трегубой аллилуии». Иерарх Русской церкви сослался на текст июньской и августовской Минеи, отметив только, что «в конце книг с толкованием о трегубой аллилуии пространно писано». Старообрядцы, завершив краткую характеристику особенностей рукописи Успенского списка за декабрь месяц, где под 25 числом располагалось «Сказание Афродитиана», продолжили так: «Да в тех же Великих Минеях в месяце августе от задняя доски на листу 3125-м было написано о аллилуии, повелено глаголати трижды аллилуиа, а в четвертое Слава Тебе, Боже. А некогда то слово вынето же, а остатки киноварем же помораны»¹¹.

В отличие от иерарха официальной церкви его оппоненты, обратившись к соответствующей рукописи, обнаружили и описали с точным указанием номера листа факт еще одного изъятия текста из ВМЧ. Поражает внимание к деталям и точность формулировок при описании внешних признаков изъятия текста. Старообрядцы согласились, что, действительно, когда-то в рукописи присутствовал Указ о необходимости три раза произносить припев церковных песнопений «аллилуия», а в четвертое – «Слава Тебе, Боже». Они констатировали, что в данный момент сохранились только «остатки» его текста, которые «киноварем же помораны», а само «слово вынето же»¹². Составители сборника явно старались подчеркнуть, что речь идет о подобном приведенному ранее факту изъятия текста из ВМЧ. Употребив слово «некогда» для обозначения времени этого события, они отметили отсутствие у них сведений по этому поводу.

Афанасий Холмогорский сослался на июньскую и августовскую Минеи именно в таком порядке, а его оппоненты начали опровержение с последней совсем не случайно. Это позволило им изъятие в августовской Минеи текста «Указа о трегубой аллилуии» поставить в один ряд с мероприятием патриарха Фила-

¹¹ Е. 383, л. 215 об. – 216; Е. 1703, л. 299 – 299 об.

¹² Действительно, в Успенском списке ВМЧ на л. 1569 об. сохранилось начало «Указа о трегубой аллилуии», закрашенные киноварью. (Нач.: «Господину Афанасию честнейшему во иноцех общеобителна великыя лавры свягаго Николы ктитору...»). – ГИМ, Синодальное собр., № 997, л. 1569 об.

¹⁰ Е. 383, л. 215 об.; Е. 1703, л. 299.

рета, по указанию которого «Сказание Афродитиана» было исключено из ВМЧ как «ложное». Читатель был подготовлен к восприятию информации о том, что в июньской Минее этот «Указ» по какой-то причине сохранился: «А во июне месяце тех же Миней от задних доски на листу 895-м того указа и устава о аллилуии не вынето и доньне». Старообрядцы не только констатировали этот факт, но и сообщили некоторые, с их точки зрения, компрометирующие подробности: «А кто той слог и указ писал о аллилуии имени своего и града не явил. От того же писания зде предлагаем вкратце, еже имать сице...»¹³.

Далее, действительно, помещено практически дословное воспроизведение части текста так называемого «Устава о трегубой аллилуии» из июньской Минее¹⁴. Составители сборника, по-видимому, сознательно опустили начало текста, в котором сообщается, что этот «Устав положиша святии отци на седмом соборе»¹⁵. Кроме того, «Указ» цитируется с некоторыми купюрами, как очень точно подмечено во вступительной фразе, – «вкратце». При этом обязательно отмечались пропуски – на поле помещалось слово «ниже». Окончание воспроизводимого текста обозначено не только традиционным «Дозде...», а с дополнением: «Дозде словеса того безъимяннаго списателя и ложнаго писания его»¹⁶. Составители еще раз для читателя четко сформулировали свое отношение к приведенному «Указу», после чего перешли к его анализу и опровержению точки зрения, изложенной в «Увете духовном».

Дальнейшие рассуждения составителей сборника проясняют, с какой целью была приведена пространная цитата из ВМЧ. Они обращаются к читателю с вопросом, на который сразу дают ответ: «Почто же сие писание Увет книга разгласное себе приводит во свидетельство, ибо воистинну несогласно святым книгам и ложно... Увет книга сказует о грехах тамо неизменно поется трижды аллилуия, а в четвертое – Слава Тебе, Боже. Сей же свидетельствует, греки двократы глаголют аллилуия, а третие – Слава Тебе, Боже»¹⁷. Старообрядцы привели и другие примеры «разногласий» между «Уветом духовным» и процитированным текстом, указывая при этом всякий раз на поле номер листа, на котором иерарх Русской церкви сформулировал точку зрения по конкретному вопросу.

Далее, не менее обстоятельно, опираясь на материал рукописного наследия Древней Руси, были опровергнуты изложенные в процитированном тексте «Указа» аргументы в пользу трегубой аллилуии. В качестве примера можно привести следующее рассуждение: «Той же вышепомянутый писатель солгал

и на святого Фотия митрополита, якобы он, во своей грамоте, еже посла во Псков, повелел глаголати аллилуия трижды, а четвертое – Слава Тебе, Боже. И мы обретохом тоя грамоту в древней книге на Печатном дворе, в ней же велено глаголати аллилуия, аллилуия, Слава Тебе, Боже»¹⁸.

В качестве неопровержимого доказательства справедливости утверждения о необходимости произносить дважды припев церковных песнопений «аллилуия», а в третий раз – «Слава Тебе, Боже», старообрядцы апеллируют к авторитету Стоглава: «В лето же 7059-м году при благоверном царе Иоанне Василиевиче и преосвященном Макарии митрополите всея Руси бысть собор о многих церковных исправлениях и тамо повелеша дважды же глаголати аллилуия, а в третий – Слава Тебе, Боже»¹⁹. Затем кратко пересказана суть 42-й главы («Ответ о трегубой аллилуии») и дословно процитирован фрагмент, в котором практика трижды произносить припев церковных песнопений «аллилуия», а в четвертое – «Слава Тебе, Боже», названа «латинской ересью».

Обращение к тексту Стоглава позволило составителям сборника завершить опровержение точки зрения иерарха официальной Церкви, вернее, одного из аргументов, следующим рассуждением: «И преосвященный же Макарий митрополит таковая и ины ложныя словеса молит во своих Миней, их же выше помянухом, исправити. Понеже и сам с православным царем и со всем освященным собором таковая нарицают латинскою ересью. Чти о том в Стоглаве того святого собора, главу 42-ю»²⁰. Старообрядцы, отослав читателя к цитате из Летописца с «молением» митрополита Макария, с которой начато опровержение аргумента, напомнил о сути его просьбы исключить из ВМЧ помещенные по недосмотру «ложные словеса». При этом они уточнили, что речь шла о «таковых», т.е. получивших определение на Стоглавом соборе в качестве «латинской ереси», и о «иных ложных словесах». Акцент сделан на том, что данное определение было сформулировано с участием самого митрополита Макария. Читатель, по-видимому, должен был прийти к мысли, что, скорее всего, под влиянием этого соборного постановления текст «Указа» о трегубой аллилуии из августовской Минее был изъят, а в июньской оставлен совершенно случайно. В конце еще раз повторяется важная для рассуждений мысль об определении сочинений, в которых утверждается необходимость троекратного произнесения припева церковных песнопений «аллилуия», а в четвертое «Слава Тебе, Боже», «латинской ересью» и дана точная отсылка к 42-й главе Стоглава.

В результате составители сборника сумели представить читателю убедительное, логично изложенное, развернутое опровержение одного из аргументов, на который сослался иерарх официальной Церкви, отстаивая свою точку зрения.

¹³ Е. 383, л. 216; Е. 1703, л. 299 об.

¹⁴ «Указ о трегубой аллилуии» Нач.: «Господину Афанасию честнейшему во иноцех обще обителныя великия лавры святого Николы ктитору...». – Е. 383, л. 216 – 221; Е. 1703, л. 299 об. – 304 об. – Ср.: ГИМ, Синодальное собр., № 998, л. 1001 об – 1004.

¹⁵ Там же, л. 998.

¹⁶ Е. 383, л. 221; Е. 1703, л. 304 об.

¹⁷ Е. 383, л. 221 – 221 об.; Е. 1703, л. 304 об. – 305.

¹⁸ Е. 383, л. 222 об.; Е. 1703, л. 306.

¹⁹ Е. 383, л. 223 об.; Е. 1703, л. 307 – 307 об.

²⁰ Е. 383, л. 224 – 224 об.; Е. 1703, л. 308.

ЛИТЕРАТУРА

1. Увет духовный. М., 1682.
2. Дробленкова Н.Ф. Великие Минеи Четии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в., ч. 1: А–К. Л., 1988.

3. Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Декабрь, дни 25–31. М., 1912.
4. Бобров А.Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. СПб., 1994.

Статья поступила
в редакцию 02.04.2014

УДК 821.16.

Л.И. ЖУРОВА

**«СОБОРНИК» МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА
И КУЛЬТУРА ПРОПОВЕДИ В МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI в.
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

д-р филол. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: zhurova@ngs.ru

В рукописном наследии митрополита Даниила самое важное место занял сборник, составленный из 16 Слов автора («Сборник»). Его появление вызвано нравственным и образовательным состоянием русского общества первой половины XVI в. Слова Даниила были рассчитаны на то, чтобы выполнить просветительскую и дидактическую функции в воспитании православного.

Известно, что церковные писатели следовали такому принципу строения проповеди – учить не от себя, а от Божественных писаний и согласно с ними. Поэтому роль священного текста в Словах Даниила была чрезвычайно высока. В трехчастной структуре его сочинений, которую исследователи XIX в. считали несвязанной, выписки из Библии и трудов отцов Церкви помещались во втором разделе и занимали много места (до 88 %). Исследователи XIX в. предлагали эти «свидетельства» не изучать и не публиковать.

В статье впервые обращается внимание на необходимость пересмотра оценок писательской практики Даниила. На основе анализа ряда сочинений «Сборника» выявлены элементы, обеспечившие содержательную и композиционную цельность авторского свода и позволившие определить логику в строении Слов проповедника. В диапазоне «Сборника» находятся вопросы о богословских истинах и мирской жизни: о ложных пророках и истинных учителях, крестном знамении и Крестной смерти, церковном предании, Боговоплощении, отношениях церковной и светской властей, человеческой морали и нравственности. Объединяющим началом в авторском своде является профития, пастырский пафос и единообразие формы Слов.

В. Жмакин определил жанр сочинений Даниила как ученый трактат. В настоящей статье предлагается Слова писателя представить как синтетичный жанр, жанр компилятивной организации. Укрупнение форм повествования – общая тенденция в развитии книжной культуры XVI в. Главное, считал Даниил, не побуждать человека самому постигать истину, а убедить его в том, что необходимо воспринимать священный текст только в изложении богослова. Этой позицией обусловлена архитектура Слов проповедника.

Ключевые слова: митрополит Даниил, «Сборник», учительная литература, проповедь, рукопись, книжная традиция, церковный писатель, XVI в.

Отсутствие большого интереса исследователей к рукописному наследию митрополита Даниила обусловлено односложностью тем его сочинений, единообразием приемов повествования и малой оригинальностью идей. Даниила обычно рассматривают как ученика и последователя лидера стяжателей Иосифа Волоцкого и как виновника драматической судьбы Максима Грека, Вассиана Патрикеева. Бесспорно, что он был очень начитанным книжником, хорошо знал библейский текст, святоотеческую литературу и сочинения византийских писателей: его Слова и послания изобилуют цитатами из прецедентных текстов. Даниил – человек прекрасной памяти и чуткого восприятия, часто говорил языком заученного текста, и в этом не-

льзя видеть, говоря современным языком, плагиата. Коллективная природа творчества и вера в божественное происхождение слова в Средневековье размывали границы между своим и «чужим» высказыванием, нивелировали индивидуальное начало. Отсюда самая сложная проблема в издании сочинений Даниила – установить границы авторской речи и источников, которые проповедник цитировал по памяти или пересказывал.

В рукописное наследие митрополита Даниила вошли слова, поучения, сочинения канонического содержания, грамоты и документы, но первое место отдано «Сборнику». Заголовок «Грешнаго и худаго инока Данила, митрополита всеа Русии, Съборникъ събран от Божественных Писании, сказание известно

имеа по главамъ коегождо Слова»¹ стал ипостасью свода трудов церковного публициста. Цельный, обширный и важный в историческом и литературном отношении памятник русской книжности Московской Руси составлен из 16 «главизн». Уже этот факт позволял исследователям видеть генетическую связь свода Даниила с «Просветителем» Иосифа Волоцкого, Пространная редакция которого тоже имеет 16 Слов. Даниил представил сочинения «Соборника» как «главизны» (книги), оправдывая таким образом их крупную форму. Большой объем Слов возник из-за многочисленных выписок, включенных автором в виде «свидетельств» (они могли составлять до 88 % текста).

В. Жмакин, автор единственного фундаментального труда, посвященного жизни и творчеству Даниила, считал, что «Соборник» стал ответом церковного публициста на «вопрошания» православных. Просвещенный пастырь «в своем труде хотел дать своим современникам такое руководство, где каждый мог бы найти себе ответы на вопросы, которые возбуждены были и различно обсуждались в то время умственного брожения» [1, с. 313–314]. Об общественных настроениях на Руси начала XVI в. можно судить по словам Иосифа Волоцкого: «...ныне же и в домех, и на путех, и на торжищех иноци и мирстии – вси сомнятся» [2, с. 170]. Актуальность публицистики Московской Руси обусловлена временем бурной полемики с еретиками, нестяжателями, сторонниками соединения католической и Русской Православной церковью, апологетами астрологии. Процесс становления самодержавия и определения отношений светской и церковной властей, несомненно, сказывался на формировании общественного и авторского сознания. Темы публицистических выступлений, несомненно, порождены историческим временем.

Свой труд («Соборник») Даниил преподнес как «духовную трапезу в питание и в наслаждение духовным чадам». Дело пастыря, пишет он в Предисловии, «кормити христоименитых людеи» (л. Зоб.). Содержанием «трапезы» стали «заготовки» («готово без труда») для стязаний с еретиками или между православными против «бываемых вин».

Нравственное и образовательное состояние русского общества в первой половине XVI в., особенно монашества, стало предметом критических высказываний ученого инока Максима Грека, философа и публициста Федора Карпова, иностранцев, посетивших Москву. Так, о низкой культуре проповедничества в Московской Руси, невежестве духовенства, грубости нравов писали Г. Герберштейн [3] и Л. Руцинский [4]. Причина такого положения – в недостатке просвещения и образования. И Даниил посвятил свои труды церковному учительству и наставничеству.

Русскими проповедниками за основу была взята главная задача пастыря, определенная апостолом

Павлом: учить народ вере и нравственности. О долге пастырского служения писали митрополит Фотий, Иосиф Волоцкий, Даниил, архиепископ новгородский Феодосий, митрополит Макарий. Максим Грек уподоблял свои слова писаниям святых отцов. Так, обсуждая ошибки, допущенные в переводе Никео-Цареградского Символа веры, ученый монах писал: «Подобне темъ святымъ [речь идет об Иоанне Златоусте, Исидоре Пелусиотском – Л.Ж.], и азъ, грешен богомолецъ вашъ, молю вы Иисусомъ Христомъ: престаните от такового новоявленого мудрования, брань бо и съблазнь двизаете точию православнымъ, а не ползу» [5, с. 216–217].

Церковные писатели считали, что просвещение должно служить исключительно религиозным целям. Безусловное подчинение авторитету Священного Писания приводило к ограничению самостоятельности личности, элиминированию независимости взглядов и недопустимости оригинальной мысли. Распространенным типом книжного творчества в Средневековье было создание компилятивных сочинений, в которых выписки из прецедентных текстов занимали ведущие позиции. В русле такой традиции следует рассматривать и писательскую деятельность Даниила.

Священник придавал огромное значение Божественному Писанию в сфере нравственной деятельности человека: «От неведения писаний произошли небрегомая и неисправленная жития», – писал он, от невежества мы «попадаем в сети диявола и погубили предани бываем». Своим долгом и обязанностью Даниил считал просвещение паствы, этим и мотивировано составление его сочинений. Вторая половина «Соборника» практически посвящена обсуждению вопросов морали.

Церковные писатели следовали принципу строения проповеди – учить не от себя, а от Божественных писаний и согласно с ними. Но Даниил, грешивший недостатком научной образованности, к Божественному Писанию относил всякое сочинение на религиозную тему. В результате такого подхода границы авторитетного слова становились слишком широкими, и не оставалось пространства для самостоятельного творчества новых проповедников. Таким способом, по мнению В. Жмакина, Даниил стремился ограничить вольнодумство и рационалистическое движение, которое отвергало некоторые символические книги православной Церкви.

Диапазон тем «Соборника» – от богословских истин до мирских проблем. Слова о ложных пророках и истинных учителях, крестном знамении и Крестной смерти, церковном предании, Боговоплощении, власти, морали и нравственности составили основное содержание «Соборника». Исследователи XIX в. (Макарий Булгаков, В. Жмакин, Е. Голубинский) писали об отсутствии связей внутри свода. Первая попытка установления системных отношений между главами была сделана мною на основе мотивного анализа [6, с. 15–19]. Кроме того, обнаруживается еще ряд структурных элементов, обеспечивших содержательную и композиционную цельность авторского свода. Так, на-

¹ Цит. по рукописи РГБ, ф. 173, собр. МДА/1, № 197, вторая четверть XVI в., полуустав, в четверку. Л. 4 (далее листы указаны в тексте в круглых скобках).

пример, сотериологическая нота прозвучала во многих темах «Соборника». В Слове 1 «О лжеучителях» спасение человека, проповедовал Даниил, – в милости Господа: «Не имьи греха за грешных пострада» (л. 9 об.). В Слове 6 «О Крестной смерти» она отозвалась на разных регистрах звучания евангельского, псаломного и учительного текстов [7].

На цельность «Соборника» указывает также единообразное строение его глав. Первая часть каждого Слова – историческая, в ней поставлена проблема сочинения; вторая – «свидетельства» (выписки из библейских, святоотеческих и других текстов), третья – «Наказание», собственно пастырское наставление. Особенности композиции Слов «Соборника» отметили все исследователи. Так, Макарий (Булгаков) писал: «В первой и третьей части каждого слова Даниил говорит сам, выражает собственные мысли...; во второй он только представляет чужие свидетельства, располагает их по своему усмотрению, без всякой между ними связи, и от себя не прибавляет и не говорит ничего...» [8, с. 188]. Жмакин тоже подчеркнул самостоятельность первой части, излагающей основной предмет, во второй части, по мнению дореволюционного исследователя, Даниил выступил как «списыватель, простой копиист, мысль которого во время труда остается совершенно бесследной для дела» [1, с. 291]. Третьей части Слов он уделил больше внимания, определил ее поучительный характер и опубликовал большой ряд «Наказаний». Особенности трехчастного строения сочинений Даниила Жмакин объяснил просветительскими целями и мировоззрением ортодоксального церковного писателя. Непростая ситуация, неблагоприятные условия в практике проповедничества (паства могла открыто выступить с критикой священника) требовали от Даниила активных административных действий, которые он оправдывал абсолютным авторитетом Священного слова. «Мнения» митрополит отвергал и называл их «проклятыми». Он не признавал «независимую деятельность ума», самостоятельность мышления и себе не позволял вольности суждений. Видимо, поэтому явно выраженное авторское самосознание Максима Грека, его образованность и культура, широта взглядов вызывали у Даниила по меньшей мере раздражение и предопределили роковые отношения между двумя незаурядными личностями.

В выборе формы сочинений, считал В. Жмакин, Даниил сделал шаг вперед «в истории поступательного движения церковного консерватизма» по сравнению с Иосифом Волоцким: «Форма сочинений Даниила, так сказать, вылилась сама и явилась такой именно, а не иной, будучи прямым непосредственным плодом древнерусской книжности и тех целей и задач, которые ставились и преследовались ее деятелями. Она вполне отвечала и удовлетворяла двум целям, которые преследовал митрополит в своих сочинениях. Его задачами было дать богословские основания некоторым догматам церкви и вместе с тем представить в них нравственные наставления для пасомых» [1, с. 293]. Удивительное постоянство в организации сочинений

создало закрытую структуру текста Даниила, что в свою очередь приводило к осознанному ограничению свободы творчества.

На творчество Даниила большое влияние оказали труды Никона Черногорца, которые русский митрополит сам редактировал [9, с. 88], а также популярные произведения греческой литературы, сочинения Анастасия Синайского, Иоанна Лествичника, Иоанна Дамаскина и др. Опыт составления компиляций из сочинений отцов и историков Церкви был очень распространен в средневековой литературе. «Пандекты» греческого монаха (составленные в свою очередь в подражание трудам Антиоха) обычно определяют как аскетический флорилегий и своеобразную энциклопедию для монашества [10, с. 48]. Собранные из всех жанров церковной литературы Византии, они закрепили в книжной культуре парадигму средневековых компиляций, рассчитанных на распространение знаний трудов отцов Церкви, соборных постановлений и других произведений христианской литературы [11]. Сам принцип монтажа выписок был очень распространенным в рукописной традиции.

Надо иметь в виду, что в Средневековье количество собранных чужих мнений ставилось писателю в заслугу. Даниил пытался продолжить традицию, ориентируясь в первую очередь на цели церковного просвещения. Жмакин считал, что свидетельства подобраны Даниилом для подтверждения своих мыслей, их расположение не подчиняется никакому плану, они между собой не связаны. Форма, предложенная Даниилом, заключил Жмакин, – *типическая* для всей вообще древнерусской письменности, выработавшейся на началах книжного, а не научного просвещения. И митрополит Даниил по форме своих сочинений являлся типическим ученым богословом русской древности, богословом-начетчиком (см.: [1, с. 288–293]). И еще один вывод Жмакина чрезвычайно важен: «все сочинения Даниила со стороны их формы служат полным отражением свойств древнерусского просвещения или книжности, и в то же время они представляют типический вид литературных произведений, которыми и заканчивается как древнерусская церковная письменность, так в частности и древнерусское проповедничество» [1, с. 294].

Но в писательской практике Даниила можно видеть особую культуру его проповеднического творчества. Так, вторую часть Слов, которая представляет собой собрание «чужих» текстов («свидетельств»), исследователи считали самой неудачной, несамостоятельной. Макарий Булгаков предполагал, что Даниил должен был поместить выписки в конце сочинений. Жмакин вовсе проигнорировал их в своих публикациях. Но, как показывает анализ, «свидетельства» сыграли решающую роль в формировании интенции автора. Можно оспорить выводы В. Жмакина о том, что Даниил «при изложении свидетельств является списывателем их, простым копиистом», что «собрание в одно целое, компактное всего того, что существовало в церковной письменности в разбросанном виде, не может

быть признано литературной формой, а скорее механическим трудом переписчика» [1, с. 291]. Анализ текста Слова 6 «О Крестной смерти», показал, что свидетельства в Словах Даниила четко структурированы, в них просматриваются уровни, на которых прецедентные тексты расположены системно: новозаветные, ветхозаветные, святоотеческие, а авторский дискурс представляет собой рецепцию авторитетных высказываний и носит производный характер [7].

«Свидетельства» служили методологической основой для порождения авторского текста, и переход к нему Даниил маркировал. Так, оговоркой он начинает «Наказание» в Слове 1, следующее за многочисленными выписками авторитетных сочинений: «О сих всех и о другихъ исперва даже до зде» (л. 38); в Слове 2: «Сиа вмале к любви вашей потрудивъшеся, събрахом от Божественныхъ Писании, принесем же вмале нечто глаголь и о пастырьехъ...» (л. 53). То есть, церковный писатель сочленял части своих Слов. Текстуальные совпадения между ними, повторы ключевых положений, безусловно, доказывают цельность повествования.

Первая и третья части Слов Даниила, по мнению дореволюционных исследователей, имели довольно самостоятельный характер, но не были жестко связаны между собой. В результате изучения некоторых глав «Сборника» удалось установить между «историческим» повествованием и «Наказанием» смысловые и текстуальные совпадения, словесно-фразовые повторы, многократное цитирование одного и того же фрагмента Священного Писания, которые указывают на цельность Слова митрополита Даниила.

Каждое сочинение (в совокупности всех его трех частей) В. Жмакин предложил рассматривать как учебный трактат, а первую и третью части – как пастырское поучение, а не как слово в его строго гомилетическом значении [1, с. 289–290]. Исходя из современных знаний о жанровой природе древнерусских произведений, можно пересмотреть точку зрения дореволюционного исследователя. Если под трактатом понимать литературную форму научного или богословского сочинения, в котором содержится обсуждение какого-либо вопроса, основная интонация которого есть рассуждения (часто полемические), то Слова Даниила под такое определение не подходят. Даниил, как правило, декларирует, транслирует известные богословские положения, опираясь на прецедентный текст: библейский и святоотеческий. Он не мог предложить принципиальный подход к предмету в силу своей недостаточной научной образованности. Его Слова по форме представляют собой синтетичный жанр, жанр компилятивной организации. Объединяющим началом в авторском сборнике является профития, пастырский пафос и единообразие формы Слов. Главное, считал Даниил, – не побуждать человека самому постигать

истину, а убедить его в том, что необходимо принимать ее только в изложении богослова. Известно, что Даниил, будучи игуменом Волоцкого монастыря, запретил инокам держать книги при себе, признавая не келейное, а соборное чтение Священного Писания. Форма его трудов соответствовала поставленным целям: просвещение и наставление.

Новый этап в истории культуры проповеди знаменовало собой творчество Максима Грека, оно предопределило и подготовило в России переход книжной культуры от Средневековья к Новому времени [12]. Философия и строение русской проповеди XVIII–XIX вв. представлены в труде В.П. Зубова на примерах творчества Димитрия Ростовского и других богословов [13]. Рецепция сочинений Даниила и Максима Грека различается. Рукописная традиция текстов Даниила не имела широкой распространенности, но выписки из его Слов были популярны в XVII–XVIII вв., особенно в старообрядческой среде. Сравнение трудов Даниила и Максима Грека, написанных на общие темы культурно-религиозной жизни своего времени, позволит определить грани единого творческого процесса в русской проповеди первой половины XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
2. Послания Иосифа Волоцкого / подг. А.А. Зиминой, Я.С. Лурье. М.; Л., 1959.
3. Герберштейн Г. Записки о Московии. М., 1988.
4. Руцинский Л. Религиозный быт русских в XVI и XVII в., по свидетельствам иностранцев // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1871. Кн. 3.
5. Максим Грек. Сказание о соблюдении Символа веры // Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2011. Ч. 2.
6. Журова Л.И. Мотивная структура «Сборника» митрополита Даниила // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2.
7. Журова Л.И. «Слово о Крестной смерти» митрополита Даниила и традиция учительной литературы // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция: сб. науч. тр. Новосибирск, 2014. С. 130–156. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 32).
8. Макарий (Булгаков). Сочинения московского митрополита Даниила // Христианское чтение, издаваемое при С-Петербургской духовной академии. 1872. Октябрь. № 10.
9. Кюсс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
10. Максимович К.А. «Пандекты» Никона Черногорца в традиции древнейших славянских переводов с греческого // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 59.
11. Максимович К.А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М., 1998.
12. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературные традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1.
13. Зубов В.П. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М., 2001.

Статья поступила
в редакцию 01.03.2014

УДК 930.2

И.А. ШИПИЛОВ

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ЯКУТИИ В КОНЦЕ XVIII в.
(МАТЕРИАЛЫ М. САУЕРА)***Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: Shipilof@yandex.ru

В статье впервые вводятся в научный оборот и исследуются материалы по физической географии Западной Сибири и Якутии, принадлежавшие Мартину Сауэру – секретарю и переводчику Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции (1785–1795 гг.) под управлением И.И. Биллингса и Г.А. Сарычева. Эти материалы, вошедшие в книгу Сауэра, опубликованную в Великобритании, Германии, Франции, Италии и других европейских странах, но до сих пор не изданную в России, восполняют многие пробелы в научных работах руководителей и других участников экспедиции. Анализ географических сообщений М. Сауэра показал, что путешественник не только выполнил наблюдение, сбор и фиксацию новых данных о почвенном покрове, рельефе, водоемах, растительном и животном мире, климате и других компонентах природных комплексов западносибирских и якутских областей, но и, обобщив эти сведения, произвел физико-географическое районирование указанных территорий. Применение им метода физико-географического районирования – дисциплинарного метода физической географии – позволило ему достаточно точно определить положение природных зон в исследуемых регионах, установить связь между формой рельефа и природно-территориальным комплексом местности (высотная поясность). На этом основании сделан вывод об актуальности научного сочинения Сауэра как источника по истории географического изучения Сибири и становления физической географии как науки.

В статье установлена роль книги М. Сауэра как основного источника информации об экспедиции Биллингса – Сарычева в Европе, выявлено ее геополитическое значение для России.

Ключевые слова: история географических исследований, Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция, Мартин Сауэр, Западная Сибирь, Якутия, природные зоны, высотная поясность, физическая география.

Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция (1785–1795 гг.) стала крупнейшим российским научным и политическим путешествием последней четверти XVIII столетия в Сибирь, на Дальний Восток, северную часть Тихого океана и северо-запад Америки. Работа экспедиции охватила южные районы Западной Сибири, все крупные области Северо-Востока Азии, Курильские острова из северной группы, абсолютное большинство Алеутских островов и Диомиды (Гвоздева), северо-западное побережье Северной Америки с прилегающими островами на пространстве от м. Принца Уэльского на севере до Чугачского (Принца Уильяма) залива на востоке. К Российской империи были присоединены земли, открытые путешественниками (о. Холл, Худяковские острова и др.), а также территории на Северо-Востоке Азии, северо-западе Северной Америки и островах в северной части Тихого океана. Коренное население этих территорий было приведено в российское подданство (значительная часть чукчей, алеутов, азиатских и американских эскимосов и др.) [1].

Роль в работе Северо-Восточной экспедиции ее руководителя капитана-командора И.И. Биллингса,

капитанов Г.А. Сарычева, Р.Р. Галла, Х.Т. Беринга, натуралиста К.Г. Мерка, составлявших руководящий корпус путешествия, уже показана [2; 3; 4; 5; 6], материалы из их научного наследия полностью или частично введены в научный оборот [7; 8; 9; 10]. Профессиональная деятельность штурманов, геодезистов, переводчиков, художников и других представителей вспомогательного персонала экспедиции на каждом этапе путешествия, напротив, слабо освещена в историографии. В частности, в полной мере еще не оценен вклад в экспедиционные результаты личного секретаря и переводчика И.И. Биллингса – Мартина Сауэра.

Англичанин М. Сауэр был принят на российскую службу и зачислен в штат экспедиции в 1785 г. по протекции академика П.С. Палласа с ежегодным окладом в 975 руб.¹ Сауэр находился в экспедиции почти девять лет – с 25 октября 1785 г. по 10 марта 1794 г. Он принял участие в основных сухопутных и водных поездках, совершенных во время путешествия, за исключением похода по Чукотке, и посетил большинство из указанных выше местностей.

В ходе всей экспедиции М. Сауэр вел дневник, на страницах которого он поместил описания маршрутов путешествия; сведения о географическом положе-

*Статья подготовлена на средства гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ (НШ-219.2014.6).

¹ РГА ВМФ. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1. Л. 45, 122, 144.

нии, рельефе, почвенном покрове, водоемах, флоре и фауне территорий; информацию о количестве строений, численности, социальном, этническом и профессиональном составе населения сибирских городов и иных населенных пунктов; сообщения по этнографии коренных народов Сибири, Дальнего Востока и Северотихоокеанского региона. Кроме того, в дневнике нашли отражение наиболее значимые обстоятельства подготовки, проведения и прекращения экспедиции. Эти записи послужили основой для книги Сауера, которую он опубликовал в 1802 г. в Лондоне под названием «Донесение о географической и астрономической экспедиции в северные части России, для определения точных градусов широты и долготы устья реки Ковымы, всего чукотского берега до Восточного мыса, и островов простирающихся по восточному океану до Американского берега, предпринятой по повелению Ея Императорского Величества Екатерины Второй, императрицы всероссийской; под команду коммодора Иосифа Биллингса, в 1785 и в следующих до 1794 годах» (далее – «Донесение»)[11].

Ученые использовали в своих работах данные этнографических и этнолингвистических сообщений М. Сауера, отмечая, что последние очень кратки и дублируют сюжеты обстоятельных описаний Г.А. Сарычева, И.И. Биллингса и К.Г. Мерка, поэтому не представляют научного интереса [9, с. 8–9, 16; 12, с. 420; 13]. Но не исследованные материалы М. Сауера по физической географии Западной Сибири и Якутии существенно дополняют работы руководителей экспедиции Биллингса – Сарычева, имеют значение для истории изучения Сибири и становления физической географии как науки.

Источниками для данной статьи послужили «Донесение» М. Сауера, а также его сокращенный рукописный перевод на русский язык, выполненный в начале XIX в. Ф.В. Каржавиным². Цитаты из английского издания книги Сауера даны в переводе автора статьи.

Юг Западной Сибири М. Сауер справедливо охарактеризовал как преимущественно равнинную местность («страна ровна»), заметив понижение земной поверхности в междуречье Иртыша и Оби, где находится Васюганская наклонная равнина, и отмечается повышение рельефа на направлении от Барабинской низменности к Томску и к юго-востоку от него – на северных отрогах Кузнецкого Алатау и в южной части Чулымско-Енисейского плато соответственно. Он отметил, что территория от восточных предгорий Урала до долины р. Тобол покрыта тайгой, но с вкраплениями участков редколесья и лесостепи. На пространстве между Тобольском и Барабинском «страна низка, болотиста, лесиста» (лесоболотная зона)³. В Барабинской низменности Сауер четко определил границы лесостепной и степной зон, а также показал смену степной зоны тайгой на томском направлении: «Половина степи, что к западу, хорошо орошена озером Камышовым, и реками Омью, Тартасом и Каинкою: на последней выстроен

город Каинск, в котором 125 домов и 1 церковь, все из дерева»⁴. Здесь растут «березы, кустарники и небольшие луга»[11, р. 8]. «Восточная половина степи, – продолжает исследователь, – не имеет [ни] леса, ни воды; чего ради жители копают себе колодцы, но вода в них соленая и горькая; так что принуждены зимою пить талой снег, а летом дождевую воду... [Степь] кончится возвышенною странною, покрытою хорошими лесами, лугами, полями, селениями...»⁵.

В Восточной Сибири М. Сауер произвел физико-географическое районирование территорий бассейна Лены: верхней (притоки: Илга, Кута, Макаровка, Киренга, Витим) и средней (притоки: Пеледуй, Нюя, Дерба, Бол. Патом, Олекма, Алдан, Виллой), а также Лено-Амгино-Алданского междуречья, северо-восточных горных и дальневосточных приморских областей.

Сауер пришел к выводу, что речная система Лены находится в регионе с постоянно меняющимся рельефом, почвой, видовым составом флоры и фауны. В подтверждение этого он пишет: «В одних местах русло [Лены] с обеих сторон опоясано горами, покрытыми до вершин величественными соснами и «березами»⁶; «в других – они (горы. – *И.Ш.*) бесплодны, врезаются в реку и поворачивают ее течение, принимая фантастические очертания, напоминающие руины больших зданий, башен, церквей⁷; в ущельях растут боярышник, кусты смородины, собачий шиповник и проч.» [11, р. 22].

Как сообщает М. Сауер, горно-таежный рельеф характерен и для долины р. Витим. Он подчеркивает, что в трех верстах от Витимского устья в горах есть богатое месторождение слюды, которая «совершенно прозрачна» и «все окна в этой стране остеклены ей». В лесах Привитимья в значительном количестве водятся рыси, лисы, горностаи, белки, олени и другие животные – типичные представители Прибайкальской фауны. Однако среди тунгусов-охотников Витим и его приток р. Мама славятся, прежде всего, обитающими там соболями, которые «очень ценны» из-за меха «превосходного качества» [11, р. 23].

На участках Ленского речного бассейна от низовой Киренги до устья Олекмы, включая долины Пеледуя, Нюи и Дербы, продолжает Сауер, «горы отступают вглубь территории на много миль», освобождая пространство обширным равнинам, почвы которых пригодны для развития земледелия, а луга являются естественными пастбищами для лошадей и крупного рогатого скота. Однако, сетует исследователь, далеко не все из указанных земель освоены людьми и используются ими соответствующим образом. Он отмечает, что Пеледуй – последнее место на северо-восточном

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Речь идет об отрогах Прибайкальских горных хребтов, глубокой расщелине Лено-Ангарского плато и каньоне «Ленские щеки» в верхнем течении р. Лены.

⁷ Имеется в виду система скал «Ленские столбы», расположенная на средней Лене между устьями рек Олекмы и Буотамы.

² СПб ИИ РАН. Кол. 238. Оп. 2. Картон 146. Д. 21. Л. 1–41.

³ Там же. Л. 4 об. – 5.

направлении, где вспахивают землю и выращивают хлеб. Именно с появлением на Пеледуде пшеничных полей путешественник связывает распространение там воробьев и сорок, которых он не наблюдал в Олекминске, Покровске, Якутске, Жиганске и в других населенных пунктах вниз по Лене, где земледелие было слабо развито, а местное население занималось рыбной ловлей, охотой, разведением лошадей и скота [11, р. 22, 24].

Центральная Якутия, пишет М. Сауер, расположена на равнине, поверхность которой понижается в районе Якутска, и, наоборот, становится «холмистой» на Лено-Амгинском и «гористой» на Амгино-Алданском междуречьях [11, р. 27–29]. Административный центр региона, по его мнению, занимает невыгодное физико-географическое положение. Он отмечает, что Якутск с окрестностями расположен на равнине с песчаной почвой, на которой «ростут только полынь, терновник, некоторые цветки и дикой лук; кое-где, прутняк, шиповник, смородник, и степной малинник»; и лишь «с западной стороны тоя равнины, виден хребет небольших гор⁸, покрытых лесом, откуда жители достают себе дрова». «Однако сказать можно, – заключает исследователь, – что нельзя городу быть в худшем месте; с половины июля и во всю зиму жители ходят три версты за водою. В реке рыба хоть есть, однако рыбаков нет, а жители как рыбу, так и говядину получают с Вилуя, 400 верст в низ реки. Зелень привозят к ним с Киренги, 1 650 верст в вершу реки»⁹.

По сведениям М. Сауера, большим разнообразием отличаются природные комплексы Лено-Амгино-Алданского междуречья. Здесь «пространные луга с хорошею травой для сена» и поля, «где стада обильные пасутся для обогащения своих хозяев», сменяют леса, которые «полны зверей и дичи»¹⁰; плодородную почву увлажняют реки, богатые рыбой, и многочисленные озера с «большим количеством пернатой дичи, уток, куликов...» [11, р. 28–30]. М. Сауер описал также произрастающие на указанной территории лекарственные и употребляемые в пищу местным населением растения, а именно: траву «земляной ладан, которая имеет ароматической корень¹¹, помогающий как детям, так и взрослым людям в боли в кишках»; траву, «что называют женским волосом maidenhair¹²», которую «казаки собирают... сушат и употребляют вместо хмеля», а «якуты имеют ее настоящую в воде и в соках разных ягод...»¹³.

Повествование о горных провинциях северо-востока Сибири М. Сауер начинает с общей характеристики их природных условий. Он подчеркивает, что

⁸ Имеются в виду крутые уступы Маганской террасы, образующие западную кромку долины Туймаада на левом берегу р. Лена.

⁹ СПб ИИ РАН. Кол. 238. Оп. 2. Картон 146. Д. 21. Л. 9 об.–10.

¹⁰ Там же. Л. 10–11.

¹¹ Корень валерианы.

¹² Папоротник из рода Адiantум.

¹³ СПб ИИ РАН. Кол. 238. Оп. 2. Картон 146. Д. 21. Л. 9 об.–10.

там «весь климат... холодной и сырой», «поля и луга хорошие» уступили место «стране», в которой «горы, болота и топи, реки, ледяные поля простираются попеременно» с территориями, покрытыми «диким ревнем и розмарином, черенковым ревнем, мелким прутняком, можжевельником, цветочками подобными гвоздике и чабром», «остались только лиственницы и сосны, но и те малорослыя»¹⁴. Сауер указывает на высотную поясность в размещении растительности на северо-востоке. Лиственнично-сосновые леса с подлеском из тополей, осины, березы, ольхи, ивы, кустарников черной и красной смородины, шиповника и малины покрывают равнинные речные долины Охоты, Тарын-Юрхя и других рек, значительные части Оймяконского нагорья и Алазейского плоскогорья, подножья и нижние участки склонов горных хребтов Улахан-Бом, Сетте-Дабан, Юдомского, Сунтар-Хаята, Черского и Верхоянского. На более высоких ярусах этих хребтов лесная зона переходит в лесотундру (преобладает кустарниковый и травянистый растительный покров) и в горную тундру (мохово-лишайниковая растительность с отдельными кустами низкорослых лиственниц, ив и ольхи, встречаются заболоченные участки, лишственные растительного покрова), которую по мере приближения к вершине сменяет «бесплодная арктическая поверхность» (пояс холодной пустыни). Животный мир региона достаточно богат и разнообразен. В лесах обитают медведи, рыси, волки, лисы, лоси, олени, зайцы, белки, соболя и другие звери. Большинство рек и озер изобилуют рыбой, а их берега – дикой птицей [11, р. 45–53].

М. Сауер собрал информацию о местоположении залежей полезных ископаемых и останков древней флоры и фауны, районах произрастания лекарственных растений. На западных склонах Кыллахского хребта, окаймляющих правый берег р. Алдан между р. Усть-Маей и устьем р. Ханды (Белой), он впервые исследовал окаменелые останки древних деревьев, морских раковин разной величины со следами мелкой кристаллизации и морской растительности. Подобные окаменелости Сауер наблюдал в долине р. Урак¹⁵. На Уракском плато и соседних горных областях охотского побережья путешественником были найдены месторождения халцедона, агата и яшмы¹⁶. От русских, живущих на р. Уяндына с целью торговли с кочующими якутами и тунгусами, М. Сауер узнал, что названные сибирские народы в бассейне Нижней Индигирки и по всей Восточно-Сибирской низменности добывают хорошо сохранившиеся бивни мамонта [11, р. 53]. На отрогах хребтов Улахан-Бом и Сетте-Дабан Сауер обнаружил «пьяную траву» (рододендрон золотистый), которую «все народы сибирские и тамошние россияне весьма уважают», поскольку ее отвар «излечивает простудные болезни и старья раны какия бы ни были»¹⁷.

¹⁴ Там же. Л. 11–12 об.

¹⁵ Там же. Л. 11, 12 об.

¹⁶ Там же. Л. 12 об.

¹⁷ Там же. Л. 11 об. – 12.

Эта находка дополнила сведения об ареале произрастания данного лекарственного растения в Сибири и на Дальнем Востоке.

Анализ материалов М. Сауера по физической географии Западной Сибири и Якутии показывает, что он дал достаточно точную характеристику описываемого природного комплекса и сделал научно верные выводы о расположении природных зон на этих территориях. Выделение М. Сауером природных зон свидетельствует о применении им метода физико-географического районирования – дисциплинарного метода физической географии теоретического уровня.

Вскоре после прибытия из путешествия М. Сауер, сославшись на плохое состояние здоровья, получил разрешение вернуться в Великобританию. Ему удалось вывезти из России часть рукописи собственного дневника, а также выписки из журналов капитана И.И. Биллингса и штурмана А.М. Батакова, которые считались секретными. Эти записи были опубликованы М. Сауером в его книге, которая после издания в Великобритании, в течение первой четверти XIX в. вышла в свет во Франции, Германии, Италии и других странах, став одним из основных источников сведений о Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции.

Обнародование М. Сауером в Европе указанных выше секретных данных было расценено в России как государственная измена. Однако издание книги Сауера имело и положительное значение для Российской империи, так как публикация в ней точных карт, научных описаний новооткрытых земель, текстов присяг на подданство российскому государю аборигенов, населяющих ранее найденные территории, по действующим в это время нормам международного права официально закрепляла за Россией все территориальные приобретения, сделанные в ходе экспедиции Биллингса – Сарычева [14, с. 10–45].

«Донесение» Сауера отчасти вошло в книжную культуру просвещенных российских и зарубежных читателей, но еще не использовалось в качестве источника по истории географических исследований Сибири и Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гренадер М.Б.* Научные результаты Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. // Уч. зап. Петропавл. гос. пед. ин-та (Казахстан). 1957. Вып. 1. С. 261–280.
2. *Алексеев А.И.* Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966.
3. *Jacobi A.* Carl Heinrich Mercks ethnographische Beobachtungun über die Völker des Beringsmeers 1789–91. Nach seinem Tagebuche bearbeitet // Baessler-Archiv. Berlin, 1937. Bd. 20/1. S. 113–137.
4. *Stresemann E.* Dr. C.H. Mercks ornithologische Aufzeichnungen während der Billingschen Expedition von Ochotsk nach Alaska (1787–1791) // Zoologische Jahrbücher. Abteilung für Systematik, Ökologie und Geographie der Tiere. Jena, 1948. Bd. 78, N. 1. S. 97–132.
5. *Ширина Д.А.* Иосиф Биллингс и Северо-Восточная экспедиция 1785–1793 гг. // Люди великого долга: материалы XXVI Междунар. ист. Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 294–297.
6. *Дальман Д., Ордубади Д.* Карл Генрих Мерк и Северо-Восточная экспедиция Биллингса–Сарычева // Немцы в России: Встречи на перекрестке культур. СПб., 2011. С. 197–216.
7. *Сарычев Г.А.* Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение осьми лет, при Географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год. СПб., 1802.
8. *Сарычев Г.А.* Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне Черном орле по Северо-Восточному океану в 1791 году. СПб., 1811.
9. Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785–1795 гг. / Сост. З.Д. Титова. Магадан, 1978.
10. Carl Heinrich Merck. Das sibirisch-amerikanische Tagebuch aus den Jahren 1788–1791. / Hrsg. von D. Dahlmann, A. Friesen, D. Ordubadi. Göttingen, 2009.
11. *Sauer M.* An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the mouth of the river Kovima, performed by command of Her Imperial Majesty, Catherine the Second, by Commodore Joseph Billings, in the years 1785, &c. to 1794. L., 1802.
12. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
13. *Nikolaeva I.A.* A historical dictionary of Yukaghir. Berlin; N.Y., 2006.
14. *Плотников А.Ю.* Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX века: Двести пятьдесят лет движения России на Восток. М., 2007.

Статья поступила
в редакцию 11.03.2014

УДК 271.2(470.44)(09)

А.В. МАНГИЛЕВА

**КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДУХОВЕНСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX– НАЧАЛА XX в.:
ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕКИ ПРОТОИЕРЕЯ Е.А. ПОПОВА***

канд. ист. наук,
Екатеринбургская духовная семинария,
г. Екатеринбург
e-mail: mangileva-anna@yandex.ru

Духовное сословие являлось одной из самых образованных социальных групп Российской империи. Между тем книжная культура духовенства изучена недостаточно, в связи с этим выявление сведений о библиотеках духовенства может представлять значительный интерес. Статья посвящена личной библиотеке пермского протоиерея Евгения Алексеевича Попова (1824–1888 гг.). Через несколько лет после смерти владельца она была приобретена благочинным священником из Соликамского уезда Иаковом Васильевичем Шестаковым (1858–1918 гг.), который положил ее в основу организованной им окружной библиотеки, предназначенной для повышения профессионального уровня приходского духовенства. Два священнослужителя, через руки которых прошла библиотека, оказались связаны как общностью интересов (миссионерская, просветительская и благотворительная деятельность), так и общностью судеб: оба вступили в конфликт с епархиальными властями, поскольку их активная социальная деятельность привлекала слишком большое внимание общественности, меняла сложившиеся представления о сфере активности приходского духовенства. В период Великих реформ вырабатывается новый тип православного клирика, занимающегося общественной деятельностью, активно сотрудничающего с мирянами в сфере социального служения, культуры и науки, но при этом не забывающего о своем особом статусе. Состав библиотеки Е.А. Попова свидетельствует прежде всего о профессиональных интересах образованного клирика второй половины XIX в. Поскольку направления социальной и внутрицерковной деятельности духовенства в конце XIX – начале XX в. не изменились, личная библиотека смогла стать основой общественной библиотеки. Анализ состава библиотечного фонда позволяет более четко определить круг чтения приходского духовенства рубежа веков. В то же время сокращение количества благочиннических библиотек в начале XX в. вынуждает признать, что попытка повысить через них профессиональный уровень и книжную культуру духовенства потерпела неудачу, чему могли быть как объективные, так и субъективные причины.

Ключевые слова: церковные реформы Александра II, общественная деятельность духовенства, книжная культура духовенства, церковные библиотеки, история Православной церкви на Урале, Е.А. Попов, И.В. Шестаков.

Несомненно, сведения о собственной библиотеке человека могут многое рассказать как о его личности, так и о среде, к которой он принадлежал. Библиотека протоиерея Евгения Алексеевича Попова (1824–1888 гг.) могла бы представлять в этом отношении большой интерес, поскольку составитель ее был человеком незаурядным, много сделавшим для культурного развития Урала. На сегодняшний день историки чаще всего упоминают его как автора истории Пермской епархии, содержащей много сведений не только по церковной, но и по гражданской истории [1]. Помимо этого, Е.А. Попов был инициатором учреждения в Перми братства святителя Стефана Великопермского, которое занималось просветительской и благотворительной деятельностью, а также Пермского комитета по призрению нищих (в обеих организациях его выбрали председателем). В 1876 г. был избран почет-

ным членом Санкт-Петербургской духовной академии. О. Евгений первым ввел в Перми внебюджетные собеседования, которые стали довольно заметным явлением в общественной жизни Перми¹.

В последние годы жизни Е.А. Попов оказался вовлечен в конфликт с епископом Ефремом (Рязановым), занимавшим Пермскую кафедру с 1883 по 1888 г. Конфликт этот тяжело ударил по обеим его сторонам [2, с. 54]. Сегодня выяснить подробности случившегося – представляется крайне сложным, но можно предположить, что в основе негативного отношения архиерея к священнику лежала активная общественная деятельность последнего. Совместная работа духовенства и мирян в области благотворительности и просвещения, начавшаяся в период Великих реформ, постоянно сталкивалась с недоверчивым отношением со стороны властей и к началу 1880-х гг. во многом была свернута. Епископ Ефрем, заботившийся о повышении авторитета духовенства в целом, не принимал активной деятельности отдельных

*Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственных научных центров Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археологии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

¹ Подробнее см.: Марченко А., *прот.* Пермский богослов и духовный пастырь – протоиерей Евгений Алексеевич Попов // Научно-богословский портал «Богослов.ру». URL: <http://www.bogoslov.ru/text/441459.html> (дата обращения: 12.04.2014).

клириков в миру, опасаясь отхода от сложившихся теоретических и практических установок².

Весьма символично, что после смерти Е.А. Попова его библиотека была приобретена еще одним церковным «диссидентом» – священником Иаковом Васильевичем Шестаковым. Биография И.В. Шестакова (1858–1918 гг.) весьма характерна для своего времени, для следующего за протоиереем Е.А. Поповым поколения. Окончив семинарию в 1879 г., т. е. в период свертывания реформ, И.В. Шестаков до 1887 г. служил учителем в земских школах. В годы реформ от епархиальных властей стали требовать не рукополагать в сан до достижения канонического возраста, так что многие выпускники семинарий ждали священнослужительского места, занимаясь преподаванием. Но И.В. Шестаков служит именно в земских, а не церковно-приходских школах, да и церковно-служительского места он не занимает. Возможно, в этом сказались разочарование в церковных реформах, пренебрежение, с которым относилась к общественной деятельности Церкви мирская интеллигенция.

В 1887 г. в судьбе И.В. Шестакова происходит крутой поворот: он поступает послушником в Верхотурский Николаевский монастырь. Так делали многие из неокончивших семинарского курса, но желавшие получить сан, но И.В. Шестаков окончил семинарию по первому разряду, так что его поступок вызван скорее изменением жизненной позиции. После рукоположения в иерейский сан И.В. Шестаков служит в коми-пермяцких приходах, назначается на должность благочинного третьего Соликамского округа Пермской епархии. Именно в это время он и приобретает библиотеку Е.А. Попова [3, с. 4], делая ее основой для благочиннической библиотеки.

Интерес И.В. Шестакова к этой библиотеке был не случаен. В своей брошюре, посвященной Е.А. Попову, Иаков Шестаков ссылается на записки своего отца, священника В.И. Шестакова, полтора года прослужившего домашним секретарем пермского протоиерея [2, с. 13]. Обращает на себя внимание также общность интересов двух священнослужителей: миссионерская и благотворительная деятельность, церковное краеведение. И.В. Шестакова явно волновала судьба Е.А. Попова, которого он считал жертвой произвола, царившего в епархиальном управлении.

Итак, двух этих незаурядных людей связала библиотека. Состав ее нам известен только по описанию, сделанному И.В. Шестаковым. Он выделяет разделы, которые были необходимы клирикам с профессиональной точки зрения:

Книги Священного Писания
История церкви

Писания св. отцов церкви восточных, начиная с древнейших времен, и отечественных, кончая писаниями св. Тихона Задонского

Жизнеописания св. отцов церкви. Жития святых.
Богословие: а) догматическое, б) нравоучительное и в) полемическое и обличительное
Книги собеседовательные (правила гомилетики, темы для поучений и проч.)
Толкование Священного Писания
Книги, относящиеся к объяснению богослужения, к управлению церковному, книги богослужебные
Книги для духовно-нравственного чтения
Издания периодические
Смешанного содержания
Философия, логика, педагогика, дидактика и психология
Археология, история (всеобщая и отечественная) и этнография
Словесность, физика, алгебра, арифметика и проч.
Книги по сельскому хозяйству [4, с. 3].

Всего библиотека насчитывала 1300 томов [4, с. 27]. Обращает на себя внимание тот факт, что четыре последних раздела помещены после рубрики «смешанного содержания [книги]». Формально эти последние разделы не относятся к церковной сфере, поэтому и помещены в конце. Но следует учитывать, что клирики, особенно образованные, были обязаны преподавать в школах духовного ведомства, если таковые имелись в их приходах (а многие и сами старались заводить в приходах школы), так что включение в состав благочиннической библиотеки педагогической и учебной литературы выглядит оправданным, как и наличие ее в личной библиотеке городского протоиерея.

Станным в последнем случае кажется присутствие в перечне книг литературы по сельскому хозяйству. Это можно объяснить тем, что на время учебы Е.А. Попова в семинарии пришлось преобразование 1840 г., когда в программу были введены предметы, «полезные для общежития», в том числе и основы сельского хозяйства. Вполне возможно, что идеалистически настроенный семинарист собирался посвятить себя просвещению крестьян и ведению образцового хозяйства, поэтому и обзавелся соответствующей литературой. С другой стороны, книги по сельскому хозяйству могли появиться в библиотеке протоиерея благодаря его сыновьям. В период Великих реформ настрой на ведение собственного хозяйства и на помощь крестьянству у семинаристов усиливается. Кроме того, некоторые семинаристы проявляли интерес к сельскому хозяйству, поскольку мечтали о карьере агронома, которая давала возможность покинуть духовное сословие и обеспечивала неплохие заработки [5, с. 113–114]. Известно, что один из сыновей Е.А. Попова стал врачом [2, с. 43], другой – инспектором народных училищ Екатеринбургского уезда Пермской губернии [6, с. 561]³, так что с Церковью они свою жизнь не связали, и вполне возможно, что настрой на выход из духовного сословия появился у них довольно рано. В любом случае, ряд книг из последних разделов мог сохраниться в библиотеке Е.А. Попова со времен учебы его и его сыновей.

² «Еп. Ефрем [...] часто упрекал о. Евгения в отсутствии смысла и направления, недостатке знания богословской литературы и проч.» [4, с. 12].

³ В.Е. Попов, однако, окончил духовную академию, и часть его работ носит церковно-просветительский характер.

Привлекают внимание книги по этнографии. Во второй половине XIX в. происходят серьезные изменения в теории и практике миссионерской работы. Основное внимание стали обращать на традиционную культуру и верования обращаемых, смысл христианского вероучения стали объяснять через доступные им понятия. Е.А. Попов, попытавшийся организовать миссионерскую работу среди уральских марийцев, вступил в переписку с известным казанским педагогом-миссионером Н.И. Ильминским [2, с. 45–46]. Книги по этнографии в библиотеке Е.А. Попова – свидетельство этого направления его деятельности, возможно, так же как и литература по педагогике (Н.И. Ильминский в своей работе делал основной акцент на обучение детей новокрещенных). И.В. Шестакову, работавшему среди коми-пермяков, литература по этнографии также должна была представляться необходимой для приходского духовенства.

Что же касается литературы первых разделов, то особых вопросов она не вызывает. Следует только отметить, что далеко не каждый священнослужитель мог позволить себе (да и счел бы необходимым) иметь такие книги в своей домашней библиотеке. Кроме того, разнообразие тематики книг подчеркивает широту интересов их владельца в профессиональной сфере. При этом обращает на себя внимание отсутствие в перечне книг художественной литературы. Возможно, наследники Е.А. Попова предпочли оставить себе те издания, которые представляли для них интерес, тогда как более специальная литература оказалась им не нужна. Возможно, И.В. Шестаков принял решение, что в благочиннической библиотеке не должно быть «развлекательных» книг. Книги стоили относительно дорого, не каждый приходской храм мог позволить себе приобрести всю необходимую литературу, поэтому и возникла необходимость в создании специальных библиотек. Отсутствие художественной литературы подчеркивало, что библиотека для духовенства носит не культурный, а профессиональный характер (в отличие от приходских библиотек, рассчитанных как на духовенство, так и, прежде всего, на прихожан), что ее создание является мерой вынужденной, продиктованной бедностью приходов.

Несколько компенсирует отсутствие художественной литературы наличие периодики. Церковные периодические издания времен Александра II представляли большой интерес не только для духовенства. Именно в связи с крестьянской реформой, в церковных журналах обсуждается роль духовенства в изменившейся деревне и в новом обществе в целом, впервые звучит требование церковных реформ. Во время проведения этих реформ на страницах периодической печати идет активная полемика о степени эффективности и необходимости тех или иных мероприятий, создается образ идеального пастыря, не только помогающего своим прихожанам в житейских вопросах (на чем настаивали власти в предшествующий период), но и занимающегося их христианским просвещением [7, с. 125–132] (чему уделялось значительно меньшее внимание). В

связи с этим большое место в периодике уделялось церковной проповеди. В целом церковная периодика 1860–1870-х гг. отличалась высоким уровнем публикаций и вызывала интерес и в дальнейшем.

Понятно, почему библиотека Е.А. Попова заинтересовала И.В. Шестакова. Ее приобретение в качестве основы для благочиннической библиотеки было вполне уместно. Официальное сворачивание реформ не могло окончательно заглушить тех настроений, которые появились у духовенства в предшествующий период. Поскольку духовенство по-прежнему претендовало на лидирующую роль в обществе или, по крайней мере, в крестьянском мире, оно должно было обосновать свои притязания, прежде всего повышая собственный профессиональный и культурный уровень. В связи с этим потребность в специальных библиотеках осознавалась интеллектуальной элитой духовенства как насущная, но создание и содержание таких библиотек сталкивалось с финансовыми трудностями. В частности, в Пермской епархии количество окружных благочиннических библиотек сократилось с 33 в 1901 г. до 18 в 1914 г. [8, с. 41; 9, с. 14]. О причинах, по которым это происходило, можно догадаться, ознакомившись с «Правилами» библиотеки, основанной И.В. Шестаковым.

В соответствии с «Правилами», целью создания благочиннической библиотеки было дать «возможность всему окружному духовенству следить за периодическою богословскою литературою и другими полезными и необходимыми изданиями». Библиотека должна была пополняться книгами и журналами за счет средств окружных церквей, размер взносов в каждом конкретном случае должен был устанавливаться «епархиальной властью», взносы должны были собираться благочинным во время объезда округа раз в полгода. В библиотеку должны были выписываться церковная и историческая периодика и «другие ценные, имеющие отношение к пастырской деятельности духовенства книги и издания, смотря по средствам, какими будет располагать благочиннический округ, без отягощения церквей». Перечень выписываемых книг и журналов должен был утверждаться на ежегодном окружном съезде духовенства, тогда же утверждался и отчет о приходе и расходе средств на библиотеку. Помимо церковных взносов, средства библиотеки должны были пополняться за счет абонентской платы и штрафов. Бесплатно пользоваться библиотечным фондом имели право клирики церквей благочиннического округа, учителя церковно-приходских школ и «ревностные члены церковно-приходских попечительств». С прочих читателей взималась плата – по 15 коп. за месяц или 1,5 руб. за год на условиях предоплаты. Штрафы налагались за пользование книгой долее установленного срока (по 10 коп. за каждый просроченный день). В случае существенной порчи или потери журнала виновный должен был оплатить годовую подписку на издание, в случае утраты книги – купить новую. Заведывание библиотекой не оплачивалось [4, с. 27–30].

Подобные условия пользования библиотекой были, судя по всему, достаточно стандартными. В со-

ответствии с ними формирование библиотечного фонда находилось под прямым контролем духовенства, так что оно могло следить за тем, чтобы библиотекой приобретались действительно нужные издания. Недовольство могли вызывать библиотечные взносы, которые должен был платить каждый храм. Хотя размеры взносов варьировались (скорее всего, в зависимости от приходских доходов), следует учитывать, что материальное положение приходских храмов было, как правило, не блестящим. Помимо этого, Синод и епархиальные власти настаивали и на заведении приходских библиотек, средства на которые также выделялись из доходов храма. Вероятно, настоятели более охотно открывали приходские библиотеки (их число в Пермской епархии за те же годы выросло с 257 до 408 [8, с. 41; 9, с. 14]), что ставилось в непосредственную заслугу им, чем давали деньги на содержание окружной библиотеки. Кроме того, несмотря на упомянутый рост общественной активности духовенства, далеко не каждый клирик стремился повышать свой профессиональный и культурный уровень, пользуясь услугами специальной библиотеки. В результате многое зависело от активности и настойчивости благочинного, но чрезмерная активность епархиальными властями, как видим, не поощрялась...

В дальнейшем И.В. Шестаков повторит судьбу Е.А. Попова: в 1898 г. он будет освобожден от обязанностей благочинного, а в 1899 г. по суду отрешен от священнического места. В последующие годы в его жизни все большее место будет занимать публицисти-

ка. В 1918 г. И.В. Шестакова арестовали красноармейцы, он был убит, а в 2000 г. канонизирован как священномученик [10, с. 482–483].

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов Е.А. прот. Великопермская и Пермская епархия (1379 – 1879). Пермь, 1879.
2. Шестаков И.В. Трудник Христов. Протоиерей г. Перми Евгений Алексеевич Попов. М., 1907.
3. Мельчакова О.А. Коми-пермяцкий просветитель – священномученик Иаков Васильевич Шестаков // Пермская старина. 2009. Вып. 2. С. 1–7.
4. Шестаков И.В. Каталог книг благочиннической библиотеки 3-го округа, Соликамского уезда, (бывшей протоиерея Евгения Попова) и правила этой библиотеки. Пермь, 1896.
5. Мангилева А.В. Жизненный путь выпускников Пермской духовной семинарии (1800–1900 гг.) // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 107–115.
6. Попов В.Е. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 24 А (48): Полярные сияния – Прая. СПб., 1898. С. 561.
7. Лукашевич М. Образ приходского священника в русской беллетристике 60-х–70-х гг. XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. Варшава, 2009.
8. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 г. СПб., 1905.
9. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. СПб., 1916.
10. Маякова И.А. Иаков Васильевич Шестаков // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. XX. С. 482–483.

Статья поступила
в редакцию 15.04.2014

УДК 655.5(571)“1957/1971”

¹ С.Н. ЛЮТОВ, ² А.М. ПАНЧЕНКО

СОЗДАНИЕ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО КНИГОИЗДАНИЯ В СИБИРИ (1957–1971 гг.)

¹д-р ист. наук,
ГПНТБ СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: ser.lutov@gmail.com
²канд. ист. наук,
ГПНТБ СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsk.ru

В историко-книговедческих исследованиях о научном книгоиздании в Сибири полиграфическая составляющая этого процесса изучена весьма фрагментарно. До середины XX в. в регионе не было специализированных полиграфических предприятий для издания научных журналов и монографий. Практика выпуска научных трудов в различных типографиях сибирских городов, существовавшая к моменту создания в 1957 г. Сибирского отделения Академии наук СССР, не отвечала новым задачам развития науки.

Приведенные в статье сведения из документов 1950–1960-х гг., воспоминания участников событий позволяют оценить проблемы и трудности, связанные с созданием полиграфической базы для регионального научного книгоиздания в период становления Сибирского отделения Академии наук. Возросший объем научных исследований, необходимость оперативного опубликования их результатов вынуждали

руководство Сибирского отделения принимать меры по созданию временной типографии и размещать заказы в столичных и местных типографиях. Переписка руководителей Сибирского отделения с Президиумом Академии наук СССР и Правительством свидетельствует об их настойчивости в получении разрешения на строительство в Новосибирске специализированного полиграфического предприятия, отвечающего специфике научного книгоиздания и не уступающего по уровню оснащения столичным типографиям Издательства «Наука».

Впервые вводимые в научный оборот архивные документы и воспоминания показывают, какие трудности возникали при строительстве типографии и как они преодолевались. Руководству Сибирского отделения удалось отстоять свою позицию в противостоянии с местными органами исполнительной власти, пытавшимися оставить типографию в своем ведении. Но в условиях централизованного управления издательской отраслью право собственности на типографию после завершения строительства было передано Издательству «Наука», с предоставлением Сибирскому отделению права согласования производственных планов по выпуску научных изданий.

Ключевые слова: Сибирское отделение РАН, академическое книгоиздание, полиграфическая база, типографии Издательства «Наука».

Постановление Совета министров СССР № 564 «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР» от 18 мая 1957 г. и последовавшее за ним Постановление Президиума Академии наук СССР № 448 «О Сибирском отделении Академии наук СССР» от 7 июня 1957 г. нацеливали ученых на «всемерное развитие теоретических и экспериментальных исследований в области физико-технических, естественных и экономических наук, направленных на решение научных проблем и проблем, способствующих наиболее успешному развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока»¹.

Организаторы Сибирского центра академической науки во главе с академиком М. А. Лаврентьевым в ряду первоочередных мер по координации и развитию научных исследований рассматривали активизацию научно-издательской деятельности и планировали создание в Новосибирске нового издательства с собственной полиграфической базой по типу крупных научных и ведомственных издательских центров в Москве и Ленинграде. Объединенные в Сибирское отделение филиалы Академии наук – Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Якутский и Дальневосточный имели крайне ограниченные возможности для публикации научных трудов. За шесть лет, предшествовавших созданию отделения, было опубликовано лишь 22 работы, общим объемом 402 листа, т. е. примерно 75 листов в среднем в год. Научные труды издавались, главным образом, в местных типографиях, не приспособленных для печатания научной литературы, на низком полиграфическом уровне при крайне слабой редакционной подготовке. Издания выходили с большим опозданием. Тиражи книг были низкие, их распространение не организовано. Отделением издавался всего один журнал – «Известия Сибирского отделения АН СССР»².

Развертывание Сибирским отделением большого комплекса научных исследований значительно увеличивало число подготовленных к изданию трудов: в 1958 г. планировалось к выпуску около 1800 учетно-издательских листов, в 1959 г. – более 2800 листов, а за 3–4 года предполагалось довести объем издания научных публикаций до 5–6 тысяч листов, что в перспективе могло быть сравнимо с деятельностью таких

издательств, как Госполитиздат, Сельхозгиз. Затруднения с изданием растущего количества трудов становились «серьезным тормозом в развитии Сибирского отделения»³. Такие аргументы позволили к ноябрю 1957 г. получить одобрение Президиума АН СССР с ходатайством в Правительство: «Просить директивные органы разрешить организовать в г. Новосибирске Издательство Сибирского отделения АН СССР с типографией»⁴.

История создания Издательства СО АН СССР в общих чертах известна и отражена в фундаментальных трудах по истории академического книгоиздания и региональной книжной культуры: с 1958 г. начал функционировать редакционно-издательский отдел при Президиуме Сибирского отделения АН СССР; в 1963–1964 гг. было организовано Сибирское отделение Издательства «Наука» [1, с. 43; 2, с. 1–7; 3, с. 61]. Последующие изучение и публикация архивных документов позволили детализировать историю начального этапа становления академического книгоиздания в Сибири [4, 5]. Однако эти публикации, отражая процесс формирования и деятельности редакционно-издательских подразделений, лишь косвенно затрагивают производственные проблемы выпуска научных изданий, связанные с трудностями создания полиграфической базы для академического книгоиздания.

Первые решения, определявшие порядок и объемы работ по созданию полиграфической базы для научного книгоиздания в Сибири, были обнадеживающими: 14 августа 1957 г. Исполком Новосибирского городского Совета удовлетворил ходатайство Областного управления культуры об отводе земельного участка по ул. Станиславского площадью 1,188 га под строительство специализированной книжно-журнальной типографии; 7 сентября 1957 г. было определено задание на проведение проектных работ. Изначально типография планировалась как объединенное полиграфическое предприятие для выполнения заказов Новосибирского областного издательства и Сибирского отделения Академии наук. Надо полагать, что на этапе планирования это устраивало всех и сулило быстрые перспективы, о чем свидетельствует переписка СО АН СССР конца 1957 г. с центральными органами, в которой руководство отделения информировало, что «в

¹ Научный архив СО РАН. Ф.4. Оп. 1. Д. 3. С. 7.

² Там же. Д. 20. Л. 8, 27.

³ Научный архив СО РАН. Ф.4. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–9.

⁴ Там же. Л. 158.

плане по строительству Сибирского отделения предусмотрено строительство типографии, которая в 1959–60 гг. сможет быть введена в строй»⁵.

Однако ситуация была сложнее, чем рапортовалось в конце первого года работы по созданию СО АН СССР. С первых шагов реализации планов строительства объединенной типографии стали возникать непредвиденные трудности: акт о выделении земельного участка был подписан лишь через два года – 11 ноября 1959 г.; начавшееся в 1959 г. строительство вместо планировавшихся 2–3 лет необоснованно затянулось на десятилетие и было завершено лишь в 1970 г.

Последовательное изучение событий этого десятилетия по сохранившимся документам и воспоминаниям позволяет выявить некоторые противоречия, возникшие на самой ранней стадии сотрудничества СО АН СССР и Новосибирского облисполкома в деле строительства типографии.

Первой обозначившейся проблемой было то, что при проектировании книжно-журнальной типографии не была учтена специфика типографского исполнения научных изданий. Данный аспект усматривается, в частности, в докладной записке от 16 ноября 1957 г., представленной исполнявшим в то время обязанности ученого секретаря и директора создаваемого издательства А.И. Кудашевым председателю СО АН СССР академику М.А. Лаврентьеву. Приведем этот интересный документ полностью, поскольку дробление на цитаты не дает возможности представить сложность сложившейся ситуации.

**Докладная записка⁶
по вопросу организации Издательства
и полиграфической базы
Сибирского отделения АН СССР**

Для нормального функционирования создаваемого при Сибирском отделении АН СССР Издательства необходимо скорейшим образом решить ряд принципиальных вопросов, от которых будет зависеть издание научных трудов институтов и монографий ученых Отделения.

1. В настоящее время наметилось, как мне кажется, совершенно неправильное решение вопроса о типографской базе Издательства. Проектируемое строительство объединенной типографии, которая бы обслуживала одновременно Новосибирское областное издательство и Издательство Сибирского отделения АН СССР, совершенно нецелесообразно. Научно-техническая литература нашего издательства требует большого объема по набору, особенно по формульному (математическому), и малой тиражности (по 2–5 тыс. экз.).

Литература Новосибирского областного издательства имеет малый объем по набору и высокую тиражность (по 50–100 тыс. экз.). Иными словами, издание нашей литературы требует типографии с мощным наборным цехом (при большом объеме ручного набора) и небольшого печатного цеха; издание многотиражной литературы Новосибирского областного издательства, наоборот, требует небольшого наборного

цеха и мощного печатного цеха, оснащенного высокопроизводительными дорогостоящими ротационными машинами. Сочетать эти две особенности, не подчиняя интересы одного вида литературы интересам другого вида, невозможно. Как показала практика работы типографий, при указанном сочетании интересы издания малотиражной литературы приносятся в жертву интересам многотиражных изданий, как более прибыльных.

Сибирскому отделению АН СССР и его издательству необходима специализированная типография, типа типографии Ленинградского филиала Издательства АН СССР (6 тыс. листов в год по набору). Без такой типографии мы не будем обеспечены своевременным печатанием трудов наших институтов и монографий отдельных ученых. Поэтому все вопросы проектирования и строительства типографии Сибирскому отделению следует решать автономно.

2. В этих условиях типографию целесообразно построить в Академическом городке, где будут сосредоточены основные научные учреждения Отделения. Там же должно быть размещено Издательство (лучше всего в корпусе типографии).

3. До окончания возведения коробки типографии полиграфическое оборудование заказывать не следует по двум причинам:

а) В настоящее время промышленностью заканчивается модернизация типографского оборудования (выпускавшиеся до сих пор полиграфические машины морально устарели на 25–30 лет). Через год-два можно будет получить более совершенные, производительные и экономичные машины.

б) Нецелесообразно омертвлять большие суммы средств в машинах, которые потребуются лишь через два года. Оборудование, которое сейчас уже частично заказано, будет стоить не менее 4 млн. руб. Для нашей специализированной типографии стоимость оборудования (новых образцов) обойдется, очевидно, не более 2 млн. руб.

Поэтому следует немедленно приостановить заказ оборудования впредь до решения всего комплекса вопросов, связанных с организацией полиграфической базы. В настоящее время создается совершенно нелепое положение, когда оборудование заказано, а проекта типографии нет, и когда будет начато строительство, неизвестно. Оборудование можно заказывать только в строгом соответствии с проектом.

3. Целесообразно на период строительства специализированной типографии организовать временную небольшую типографию в подвале Института радиопизики или в другом помещении, для чего необходимо составить проект такой типографии и в соответствии с ним заказать оборудование, которое может быть в дальнейшем установлено в основной типографии.

4. Если не навсегда, то на первое время целесообразно Издательство Сибирского отделения организовать на правах филиала Центрального Издательства АН СССР. В этом случае Издательству Сибирского отделения, непосредственно подчиненному в основных своих вопросах Отделению, будет легче и оперативнее решать вопросы сугубо издательского, технического порядка (планирование, материальное снабжение, кооперирование отдельных вопросов книгопечатания, например, в этом случае совершенно опускает надобность в очень дорогом офсетном цехе типографии, и т.д.).

⁵ Научный архив СО РАН. Ф.4. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 1–4.

Надо полагать, данная докладная записка изучалась внимательно, а о принятом решении свидетельствует рукописная запись: «По предложению тов. Кудашева организуется временная типография». Меры по созданию временной типографии предполагали, по сути, обустройство в 1958 г. небольшого цеха фотоофсетной печати для печатания на ротапринтах срочных работ. Во временной типографии планировалось также использовать поступающее для основной типографии оборудование. Кроме того, в 1958 г. руководством Сибирского отделения Академии наук ставился вопрос о реконструкции и надстройке типографии Ремесленного училища № 4, которое готовило кадры для местных полиграфических предприятий. Однако Новосибирский горсовет не поддержал ходатайство, лишив СО АН СССР дополнительной возможности печатать журналы и книги в объеме 1,5–2 тыс. печатных листов в год⁷. Внимание к Ремесленному училищу было обусловлено еще и проблемой подготовки для будущей типографии рабочих-полиграфистов, владеющих навыками работы с научными изданиями – сложный математический набор, табличный набор, набор физических и химических формул и т.п. Базой для подготовки таких кадров наряду с ремесленным училищем служила и временная типография⁸. Временная типография не могла справиться с растущим количеством заказов. Часть рукописей, намеченных к изданию в 1958 г., размещалась в местных областных типографиях (Новосибирск, Иркутск, Якутск, Красноярск и др.) и в типографиях Издательства Академии наук (Москва, Ленинград)⁹.

Строительство же запроектированной типографии тормозилось рядом организационных и финансовых проблем, а также стремлением Новосибирского облсовета добиться некоторых преимуществ в использовании строящейся типографии. Определенный свет на переплетение сложных проблемы затянувшегося строительства проливают воспоминания Б. Н. Фалалеева, который в те годы был директором Сибирского отделения издательства «Наука», и в 1959 г. по решению Президиума СО АН СССР был назначен директором строящейся типографии на общественных началах. Приведем фрагменты его воспоминаний¹⁰:

Строительство типографии началось в 1959 году по проекту Московского института «Гипрокинополиграф». Заказчиком выступал Новосибирский облисполком. Однако у города не было средств, и было решено строительство типографии вести на договорных началах, т.е. 33% средств выделяет облисполком, а 67% Сибирское отделение АН СССР. Генподрядчиком строительства был определен трест «Жилстрой-1», который построил бумажный склад и проходную будку. С 1960 года по 1964 год строительство типографии вели сначала 43-й строительный трест, а потом трест «Ме-

таллургстрой». За этот период была возведена коробка основного здания типографии.

1964 год оказался неблагоприятным годом, строительство было законсервировано в связи с тем, что вновь созданный Государственный комитет по печати не включил СО АН СССР в перечень учреждений, в ведении которых могли быть издательство и типография. По этой причине отпуск средств на строительство типографии был прекращен.

В 1965 г. Новосибирский облисполком, несмотря на то, что не принял участия в выполнении договора и не внес ни одной копейки в строительство, обратился в Совет Министров СССР с просьбой передать недостроенную типографию в ведение облисполкома. В результате широкого и всестороннего обсуждения вопроса о достройке типографии и ее принадлежности Совет Министров СССР решил: 1. Оставить типографию в ведении Академии наук СССР; 2. Разрешить СО АН СССР перепроектировать технологию типографии, увеличить ее мощности по набору и создать ее по типу Ленинградской типографии № 1 Издательства «Наука».

После переработки проекта строительство типографии возобновилось в 1967 году. Генподрядчиком был определен «Академстрой». Самое горячее и непосредственное участие в решении передачи типографии в ведение АН СССР принимал академик Александр Леонидович Яншин. Ему многим обязаны СО АН СССР, Издательство «Наука» и Сибирское отделение Издательства «Наука».

Но всему бывает конец. Строительство типографии было завершено. Это было знаменательное событие в жизни издательских работников и всей научной общественности СО АН СССР. 25 марта 1971 года из стен 4-й типографии вышла первая книга «Проблемы общей и региональной геологии», которая была посвящена академику А. Л. Яншину и выпущена накануне 60-летия со дня его рождения».

После завершения строительства возникли некоторые проблемы с определением собственника типографии. На этапе строительства эта типография упоминается в документах как типография СО АН СССР. В переписке 1965–1970 гг. руководства Сибирского отделения с Президиумом Академии наук СССР и Правительством решение вопроса о собственнике последовательно склонялось к тому, что построенная типография будет передана Издательству «Наука»¹¹. В распоряжении Президиума АН СССР от 18 марта 1970 г. построенный объект именуется как «Новосибирская типография Издательства «Наука» и издательству поручается «согласовывать с Президиумом Сибирского отделением АН СССР годовые производственные планы работ типографии»¹². Во исполнение этого распоряжения Президиум СО АН СССР постановлением № 260 от 30 июля 1970 г. обязал Управление капитального строительства сдать типографию в эксплуатацию Издательству «Наука»¹³. Однако в начале 1971 г. ру-

⁷ Научный архив СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 20. Л. 62–63.

⁸ Там же. Л. 46–50.

⁹ Там же Л. 12–14.

¹⁰ См.: *Фалалеев Б.Н.* Становление, совершенствование, мастерство // Мы – из типографии № 4, юб. выпуск, посвященный 25-летию Новосибирской типографии РАН.

¹¹ Научный архив СО РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 842. Л. 119–120.

¹² Распоряжение Президиума АН СССР № 37–297 от 18 марта 1970 г. Копия документа предоставлена директором типографии А.Б. Трофимовым.

¹³ Научный архив СО РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 842. Л. 118.

ководством Сибирского отделения была предпринята попытка оставить типографию на балансе СО АН СССР, передав ее в аренду Издательству «Наука» на определенный срок, но издательство категорически отказалось от приема типографии на таких условиях¹⁴. В итоге типография осталась в непосредственном подчинении Издательства «Наука», получив порядковый номер – № 4, после трех типографий этого издательства, расположенных в Ленинграде (№ 1) и Москве (№ 2 и 3)¹⁵.

В такой структурной организации и в тесном сотрудничестве с Сибирским отделением Академии наук СССР типография № 4 работала до начала 1990-х гг., внося большой вклад в развитие академической науки в Сибири. В условиях преобразований конца XX – начала XXI в. типография выдержала несколько реорганизаций, справилась с трудностями, доведшими ее до грани банкротства, и в настоящее время, сохраняя свое место в структуре Академиздатцентра «Наука»

РАН, остается ведущим научным полиграфическим предприятием в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В.И. Издательская деятельность Академии наук в ее историческом развитии (от зарождения до наших дней): в 2 кн. М., 1999. Кн. 1. 262 с.
2. Информация об издательской деятельности Сибирского отделения Академии наук СССР (1957–1967). Новосибирск, 1968. 8 с.
3. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. 1963–1991 гг. Новосибирск, 2006. Т. 5.
4. Лютов С.Н. Организация академического издательства в Сибири. Документальные страницы истории (1957–1958 гг.) // Библиосфера. 2011. № 4. С. 37–44.
5. Лютов С.Н. Создание центра научного книгоиздания в Сибири в контексте системной реорганизации академической науки (1957–1962 гг.) // Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в условиях общественных кризисов XIX – начала XX в. / Труды ГПНТБ СО РАН, 2013. Вып. 3. С. 133–140.

Статья поступила
в редакцию 16.03.2014

УДК 94 (47+57)+271.22

Н.Д. ЗОЛЬНИКОВА

ТУВИНСКИЕ ЧЕРНОРИЗЦЫ XX В. В АТЕИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И УРАЛО-СИБИРСКОМ СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ПАТЕРИКЕ

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск
e-mail: nnpokrov@gmail.com

В статье анализируются две разные культурные системы, в которых рассматривается послереволюционная история староверов-часовенных Тувы. Одну представляет антирелигиозная литература, создававшаяся, как правило, по заданию соответствующего ведомства и имевшая сверхзадачей противодействие религиозному мировоззрению, а также внедрение «советского образа мысли». В основе ее находится схема, согласно которой староверы, особенно монашествующие, изображаются как враги советской власти, уличенные в связях с антисоветскими бандами, противодействующие коллективизации и организующие малограмотных крестьян на сопротивление власти, которая их никогда не преследовала. Факты, почерпнутые как из засекреченных дел архивов МГБ, так и из личных бесед с населением, получают соответствующую принятой схеме трактовку, а подчас в соответствии с ней модифицируются.

Система старообрядческой культуры представлена литературой староверов, в данном случае – Урало-Сибирским патериком, создававшимся в 1940–1990-е гг. в скитах и крестьянской округе староверами-часовенными Нижнего Енисея. В Дополнении к патерику (1991 г.), в котором помещен ряд житий тувинских черноризцев и мирян-часовенных, в числе прочего используется фактический материал книги очерков писателя-антирелигиозника А.Ф. Емельянова «От мира не уйти», основанной на следственных документах 1920–1940-х гг. и личных беседах с часовенными Тувы, мирянами и монахами. Составитель Дополнения к патерику отбирает факты, полностью игнорируя концепцию А.Ф. Емельянова, и вводит их в структуру житий, где они полностью лишаются прежнего контекста и начинают работать на образ скитских подвижников, чаще всего – в соответствии с системой топосов святых преподобных (для монашествующих) или же праведных христиан, живущих в миру. Переосмысленный материал из «чужого» источника чаще всего меняет знак оценки с отрицательного на положительный. Дополненный внутренними свидетельствами о чудотворении героев житий (А.Ф. Емельяновым, как правило, изображенных весьма малопривлекательными), их аскетических подвигах и т.п., эти блоки фактов получали иной, чем в исходном источнике, культурный смысл.

Ключевые слова: старообрядчество, антирелигиозная политика, «чужие», крестьяне, черноризцы.

В исследовательской литературе к настоящему времени накоплено немало свидетельств того, как ста-

роверы на протяжении всех прошедших столетий использовали в своих сочинениях «чужую», или, как они выражались, «внешнюю» литературу. В первую очередь, это были труды «никонианских» авторов, часто наполненные обличениями старообрядчества. Не раз

¹⁴ Там же. Л. 117, 120.

¹⁵ Там же. Л. 122.

книжники обращались и к литературе других согласий: так, практически все старообрядчество признавало высокий престиж основных произведений братьев Денисовых, стоявших у основания Выговского поморского центра; они цитировались наряду с авторитетами собственного согласия, т.е. осознавались как «свои». Безоговорочно привлекались также «никонианские» издания святоотеческой литературы. Использовались, кроме того, издания гораздо более далеких конфессий: «Потерянный рай» пуританина Дж. Мильтона, «Победная повесть, или Торжество веры христианской» пиетиста И.Г. Юнга-Штиллинга и др. [1, с. 169–177; 405–415]. Светские книги или труды церковных историков разных конфессий, даже обличительно-миссионерского типа, очень часто служили поставщиками необходимых фактов. При этом, как правило, старательно игнорировалась чуждая тенденция или концепция: сведения вычленились из первоначального контекста и помещались в структуру собственного идейного построения¹.

Именно так – в качестве поставщика фактов, которые взять больше было неоткуда, использовали сборник А.Ф. Емельянова «От мира не уйти» [3] енисейские староверы-часовенные во второй половине XX в. В подзаголовке книги недаром есть уточнение «документальные повести». Действительно, в ней обильно цитируются документы. Взятые они, вне всякого сомнения, из засекреченных архивных дел процессов против старообрядцев Тувы, хотя это обстоятельство, естественно, автор не афишировал. Свободного доступа в подобные архивы до 1990-х гг. никто не имел – за исключением тех, кто получал специальное задание по «разоблачению» бывших подследственных и их адептов и по этой причине снабжался документальным материалом. Таким образом, книга А.Ф. Емельянова становится важным источником по истории тувинского староверия послереволюционного периода, поскольку даже те архивные дела, которые были рассекречены в начале постсоветского периода, довольно быстро стали вновь обретать прежний статус.

Созданные по спецзаданию разоблачительно-антирелигиозные статьи и книги, в том числе и написанные на сибирском материале, регулярно появлялись в советское время. В частности, в 1963 г., в разгар хрущевской волны преследования религии и конфессиональных организаций, публикуется статья, посвященная обличению енисейских староверов-часовенных и их идейных лидеров – скитских черноризцев [4, с. 24–28]. В основу было положено следствие 1951–1952 гг. по делу 33 арестованных крестьян и жителей скитов в ходе карательной экспедиции на приток Нижнего Енисея – Дубчес. Автор статьи А. Шамаро использовал фотографии из следственного дела, литературу староверов, приложенную к нему в качестве «вещдо-

ков», материалы допросов, а заодно идейные установки и фразеологию следователей. Главным тезисом разоблачителя было утверждение, что скитских старцев, бежавших в глухую тайгу от советской власти и советского общества, на самом деле никто никогда не преследовал. Эти темные изуверы, какими их описывал А. Шамаро, якобы специально задурманивали головы крестьян с помощью религиозных измышлений, называя советскую власть предтечей антихриста и отвращая население от колхозной жизни. Близкими формулировками оперировало обвинение в 1952 г. на процессе в Красноярске, приговорившее подследственных староверов к заключению в лагерях от 10 до 25 лет. И эти факты, и множество им подобных об арестах и заключении староверов в 1920–1940-х гг., задокументированных в следственном деле, прямо противоречили сознательной лжи А. Шамаро.

Близкая по типу схема определяет структуру документальных очерков А.Ф. Емельянова. Нужно сказать, что в трагической истории послереволюционного тувинского старообрядчества он умело выбрал события, соответствующее истолкование которых давало легкую возможность опорочить религию, ее носителей и главных идейных лидеров – скитских черноризцев. Главной темой «Бай-Балыкского порога», первого очерка сборника «От мира не уйти», являлись крестьянские самоуничтожения – крайняя форма протеста против раскулачивания и преследований за веру. Старообрядчество практиковало этот акт отчаяния с XVII в. Многие тысячи крестьян погибли в Сибири в ходе самоожжений, вызванных жестокими церковно-государственными репрессиями. Н.Н. Покровский, всесторонне изучивший самоожжения на материале сибирских следствий XVIII в., оценивал их как сложное, неоднозначное явление, которое было, несомненно, формой протеста населения против насилия властей. Он писал, что самоожжение могло быть организовано в результате как сознательной агитации «расколоучителей», так и страстного призыва «кого-либо из соседних крестьян, отнюдь не религиозного фанатика» [5, с. 54–59]. Практически исчезнувшие в XIX в. старообрядческие самоуничтожения вернулись в Сибирь после революции – с возвратом чудовищных преследований населения по социально-экономическому и религиозному признакам. Как следует из очерка «Бай-балыкский порог» (датирован 1970–1978 гг.), А.Ф. Емельянов получил доступ к материалам следствий по поводу самоуморения голодом и холодом, утопления отдельных староверов и целых крестьянских семей, начиная с 1920-х гг.

На первых страницах очерка А.Ф. Емельянова появляется трагическая фигура человека, в детстве чудом выжившего в одном из таких «замираний», некоего молодого черноризца Филимона (Соколова). В 1930 г., т.е. в разгар коллективизации, рассказывает писатель, к счастливой старообрядческой семье Соколовых, жившей в пос. Ужеп, «присосались» монахи, черноризицы и черноризцы, включая о. Палладия. Тут же приводится их характеристика, данная председателем

¹ Известны не столь, правда, частые случаи, когда вместе с массивом фактического материала заимствовалась и «чужая» концепция [2, с. 38–41].

местного сельсовета: «гнездо монахов» выкачивало из крестьян хлеб и пр., поскольку сами они не хотели и не умели работать, но в то же время якобы стремились завладеть хозяйством Соколовых и именно поэтому успешно уговаривали крестьян бежать в тайгу [3, с. 7, 11–12]. А.Ф. Емельянов цитирует показания арестованных беглецов на допросах 1931 г.: Тимофей и Ульянов, дядя и отец Филимона, объясняли якобы свой побег агитацией старцев, обманом вовлекших крестьян в неповиновение властям, запугавших рассказами об их антихристовой сущности. Отпущенные восвоиса, крестьяне возвратились, якобы мечтая начать при советской власти новую жизнь: власть оказалась не страшна, закон верить в Бога, оказывается, не запрещал [3, с. 13–18].

Перед нами изложение реальных фактов с трактовкой, полностью искажающей действительность. Кто «выкачивал» хлеб у крестьян во время военного коммунизма и коллективизации, теперь хорошо известно. Как разрешали «свободно» верить в Бога до конца 1980-х гг., но особенно в 1920–1930-е гг., тоже досконально выяснили многочисленные исследователи. Вызывает большие сомнения достоверность самих протоколов 1930-х гг.: арестованным в массовом порядке приписывали нужные следствию показания. Иначе чем объяснить, что «раскаявшиеся» и уверовавшие в благую советскую власть главы крестьянских семей Соколовых с домочадцами вскоре оказались кто в тайге, кто в монастыре у того самого о. Палладия, который их «грабил». И Тимофей, и Ульянов неоднократно арестовывались как укрыватели монахов, в первую очередь – о. Палладия. Вероятно, соответствуют действительности сведения следственного дела о том, что о. Палладий проводил в скиту беседы «с собравшимися» – скорее всего, с окрестными крестьянами и обитателями самих скитов. Темой таких бесед, как свидетельствуют данные о подобных сибирских собеседованиях с участием лидеров тайных монастырей, было разъяснение антихристовой сути правящей власти и, соответственно этому, – коллективизации и колхозов [1, с. 55, 240–242 и др.] Несомненно и то, что одним из крайних проявлений отчаяния преследуемого старообрядчества стала новая волна коллективных самоубийств: самосожжения, «замирания» от голода и холода и пр., которые по-прежнему объяснялись представителями власти как результат влияния на темных крестьян монахов-изуверов, связанных с остатками «контрреволюционных» банд [3, с. 26–34]. Точно так же в допросах дела 1951–1952 гг., по которому проходили арестованные жители заимок и обитатели разгромленных нижнеенисейских скитов, прослеживается упорное стремление следователей доказать их связь с колчаковцами и «бандами» восставших против продразверстки крестьян; сами монастыри упорно именовались там незаконными антисоветскими формированиями.

Филимон, сын Ульяна Соколова, именно потому стал притягательной для антирелигиозника А.Ф. Емельянова фигурой, что явил собой пример, как он счи-

тал, самостоятельного освобождения из-под идейного ига монахов-изуверов. Филимон решил отомстить о. Палладию за гибель своей семьи, поддавшейся агитации за самоубийство. Он притворно стал монахом, заманил на личную встречу своего врага, скрывавшегося в тайге, и сдал его властям, после чего вернулся к созидательной жизни в лоне советской деревни, став колхозником; дети его были первыми пионерами и комсомольцами Ужета [3, с. 7, 8, 35–39].

Разоблачению «тьмы предрассудков и невежества» [3, с. 40] посвящен и второй очерк книги А.Ф. Емельянова под названием «Монахи» (датирован 1969–1978 гг.) Он рассказывает о реальных событиях в пос. Сарыг–Сеп и расположенных в этом районе старообрядческих скитах, передает беседы с мирянами и черноризцами – о. Палладием и насельницами женских скитов. Журналисту-антирелигиознику удалось собрать удивительно интересный материал в жанре «устной истории», нарисовать картинки быта в скитах и семьях обычных селян. Но весь свой талант писателя он вновь направляет в уже проложенное русло: изображает лицемерие, лживость, изуверство и античеловечность старообрядческого монашества, которое к подлинному, по его мнению, не имеет никакого отношения. Так, пишет А.Ф. Емельянов, в нарушение строгих старообрядческих монастырских установлений не обращать к врачам, матушка Мастрадая, черноризица из верховий Малого Енисея, месяц лечилась в сарыг-сепской районной больнице по поводу аппендицита, что ей разрешил сам о. Палладий, духовный отец женских скитов. Та же матушка Мастрадая якобы с удовольствием читала пресловутый «Хмель» А. Черкасова и осудила его героев, которых, по ее мнению, надо казнить за все причиненные людям мучения: на такое могли пойти лишь «неистинные» христиане, принадлежавшие к чужому толку [3, с. 43–47]. Посетив келью о. Палладия и матушек женских скитов, А.Ф. Емельянов расписал их в самых непривлекательных красках: крохотные помещения полны вони, и сами монахини предстают грязными, уродливыми существами, а если они обладают какими-то светлыми качествами, то это лишь свидетельство погибшей в изуверской обстановке человеческой красоты [3, с. 70–87]. На страницах своих очерков А.Ф. Емельянов, как в свое время и А. Шама-ро, неоднократно подчеркивал, что поведение монахов и крестьян ничем не было спровоцировано, ибо власть их не преследовала.

В те же годы, когда создавалась упомянутая книга А.Ф. Емельянова, в низовьях Енисея в восстановленных после разгрома 1951 г. Дубчесских скитах и крестьянской округе шла напряженная работа староверов-часовенных, продолживших дело, начатое погибшим в сталинском лагере игуменом о. Симеоном: собирались устные и письменные свидетельства о подвижниках часовенного согласия, в первую очередь монахов, разыскивались исторические повествования о согласии в разного рода источниках, в том числе и вышедших из «чужой» конфессии, а то и совсем без-

религиозной среды. Огромный коллективный труд, в конце концов ставший трехтомником, получил само-название Нового патерика (в науке прижилось название Урало-Сибирского). По замыслу о. Симеона, этот труд должен был сплотить староверов-часовенных, сохранить их духовные ценности, веру, самосознание, мировоззрение в условиях засилья агрессивной советской антирелигиозной культуры. В ходе многолетних усилий было создано несколько редакций патерика. Последняя из известных нам относится к 1991 г. Часть ее – так называемое Дополнение к патерику, работу по сбору свидетельств и окончательному оформлению текста взял на себя выдающийся крестьянский писатель-часовенный А.Г. Мурачев. Часть объема Дополнения отведена тувинским черноризцам и черноризицам во главе с о. Палладием². Повествование об о. Палладии А.Г. Мурачев начал с обширных цитат из книги А.Ф. Емельянова, воспользовался он ею и при работе над образами самых авторитетных стариц тувинских часовенных скитов м. Измарагды и м. Мастрадаи³.

Что и как заимствовал писатель-старовер из такого странного, казалось бы, для сборника житий источника – книги писателя-антирелигиозника? Прежде всего отбирались те биографические сведения, которые производили впечатление вполне достоверных. Отметим важную особенность: А.Г. Мурачев проигнорировал подробную цитату из постановления 1945 г. на арест о. Палладия, где приводились обширные данные биографии черноризца, сопровождавшиеся обвинениями в контрреволюционной деятельности среди крестьян и организации их коллективных самоубийств [3, с. 9, 10]. Он предпочел материал беседы А.Ф. Емельянова с самим о. Палладием из очерка «Монахи». В нем о. Палладий приводит красочные подробности о своей родительской семье, в частности – о непреложном авторитете отца. Так, однажды в юности о. Палладий с братом по приказу отца сбрасывали снег с крыши, но оказалось, что приступили они к этой работе не помолвившись. Отец велел снег вернуть на крышу, помолиться и сделать работу заново [3, с. 75]. Для старообрядцев этот случай был поучительным примером верности исконной православной этике и педагогике, а А.Ф. Емельянов наверняка счел его проявлением если не религиозного изуверства, то уж точно самодурства. Полностью в Дополнение к патерику вошло описание многочисленных мытарств о. Палладия в его неоднократных побегах, и это не удивительно: в Урало-Сибирском патерике бегству от властей и претерпеваемым в это время мучениям уделено чрезвычайно много внимания – как религиозному подвигу. Цитирует А.Г. Мурачев и те обвинения, которые предъявлялись о. Палладию при арестах – о них упоминал А.Ф. Емельянов в беседе, считая их абсолютно доказанными: убеждение, что монах в прошлом был белым офицером, антисоветская агитация,

которая привела к уходу крестьян в тайгу, организация самоубийств, сопротивление строительству школ и т.д. Но, главное, приводится ответ о. Палладия, начисто отрицавшего эти обвинения и, в частности, свое содействие самоуничтожениям, которые, по его мнению, противоречили Писанию. Признал он лишь побег от власти. История с самоутоплением брата о. Палладия – Памфила тоже появилась на страницах Дополнения, но как свидетельство его слабоверия и приверженности к накопленным богатствам, отнятым при раскулачивании. О последнем упоминается кратко, в скобках, тогда как А.Ф. Емельянов не пожалел черной краски на характеристику страсти Памфила к наживе и обману крестьян [3, с. 75–78]. Отец Палладий сказал в беседе с писателем-атеистом: «Я Советскую власть признаю» [3, с. 78]. А.Г. Мурачев приводит в Дополнении к патерику и эти слова, отнюдь не считая их лицемерными, как, несомненно, полагал А.Ф. Емельянов, много раз поддерживавший на страницах своих очерков позицию следственных органов. Для староверов послесталинского времени вопрос о власти был сложным. В своих теоретических построениях они по-прежнему позиционировали ее как предтечу антихриста, но как только государство отказывалось от политики тотального уничтожения верующих, старообрядцы постепенно, как и в прошлые века, выработывали компромиссы, обеспечивая себе мирное существование в чуждой для них среде [1, 5].

Точно таким же способом А.Г. Мурачев использовал книгу А.Ф. Емельянова при составлении житий матушки Измаргды и матушки Мастрадаи: заимствовались портретные характеристики, сведения об основании женских монастырей, о тяжелой, аскетичной жизни в постоянном побеге от властей в 1920–1930-е гг. Перенесены в патерик и впечатления писателя-атеиста от посещения келий в 1970-е гг.: тяжелый запах немывтых тел, грязь и т. п.; худые, изможденные и согбенные фигуры монахинь. Для А.Ф. Емельянова эти описания работали на негативный образ людей, искалеченных религией и калечащих тех, кто попадал под их влияние. Для староверов же это были верные свидетельства аскетических подвигов черноризиц, презиравших, по древним христианским правилам, все материальное; отказ от мытья – один из традиционных способов умерщвления плоти, всегда относился к монашескому подвигу. Отметим, что сюжет из очерка «Монахи» о лечившейся в больнице матушке Мастрадае А.Г. Мурачев в ее житие не включил, как и сведения об участии (до принятия монашества) в Великой Отечественной войне, отмеченном наградами: это противоречило образу христианской подвижницы [3, с. 57–60].

Таким образом, перед нами пример использования фактического материала, частично добытого «у врага» и препарированного для нужд противоположных культур. Для писателя А.Ф. Емельянова главной была задача убедительной атеистической пропаганды и агитации (он утверждал, что его антирелигиозные выступления, организованные для местных жите-

² Собрание Института истории СО РАН. № 7/91-г. Л. 1–13.

³ Там же. Л. 1–4, 7–10.

лей после посещения скитов, имели полный успех). Структурообразующей в подобной литературе была отработанная схема изображения верующих, особенно монахов, как врагов советской власти, часто связанных с бандитским подпольем, виновных в одурманивании малограмотных крестьян, причастных к уголовным преступлениям вроде массовых самоубийств, имеющих неприглядный моральный облик. И все это в условиях милосердия власти, никогда никого не преследовавшей за веру. Другой писатель – старовер-часовенный А.Г. Мурачев создавал жития скитских подвижников, в основе которых лежала система топосов святых преподобных. Соответственно ей отбирался и фактический материал. Биографические сведения, в том числе взятые из «чужих» источников, дополнялись внутренними свидетельствами о чудотворении героев житий, их аскетических под-

вигах и получали иной, чем в исходном источнике, культурный смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.
2. Зольникова Н.Д. Источник в книжной культуре староверия и РПЦ («свое» и «чужое») // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3.
3. Емельянов А.Ф. От мира не уйти: документальные повести и очерки. Кызыл, 1984.
4. Шамаро А. На берегу Черной магии // Наука и религия. 1963. № 1.
5. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

Статья поступила
в редакцию 02.03.2014

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 930 + 94(47) + 314(571)

В.А. ЗВЕРЕВ

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОЦЕССА ВОСПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В КОНЦЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА*

д-р ист. наук,
Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: sosna232@yandex.ru

В статье характеризуется современный, начавшийся в 1990-х гг., этап научного изучения истории воспроизводства сельского населения Сибири второй половины XIX – начала XX в. Воспроизводство населения автор понимает как комплексный процесс физического и социокультурного возобновления поколений, поэтому в историографический анализ включены труды не только по исторической демографии, но также по социальной истории, этнографии, истории педагогики. В динамике описываются и оцениваются основные итоги изучения условий и факторов, общественных форм и технологического содержания, этапов и результатов воспроизводства в 1861–1917 гг. деревенского населения в территориальных границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей. Показано благотворное влияние на историографию темы новаторских в концептуальном отношении и фундаментальных по тематическому охвату трудов демографа А.Г. Вишневого, социального историка Б.Н. Миронова, этнологов М.М. Громько и Н.Л. Пушкаревой, претендующих на общероссийский охват. Делаются выводы о чрезвычайной актуальности историко-демографической проблематики в современных условиях жесткого демографического кризиса в России; о доминировании в сибиреведческой историографии темы представления о начале демографической и социокультурной модернизации сферы воспроизводства населения в регионе вслед за Европейской Россией уже на рубеже XIX–XX вв.; о более существенном, чем представлялось ранее историкам, влиянии на этот процесс религии и церкви. Осуществлена самопрезентация итогов многолетней работы автора статьи по изучению воспроизводства населения в Азиатской России второй половины XIX – начала XX в. Его вдохновляло стремление раскрыть демографические представления, охарактеризовать своеобразное демографическое (брачное, детородное, жизнеохранительное, летальное, миграционное) и социализирующее (воспитание и обучение детей) поведение сибиряков, которое, собственно, и являлось способом закрепления и трансформации как количественных, так и качественных характеристик народонаселения.

Ключевые слова: Сибирь, 1861–1917 гг., историография, сибирская деревня, междисциплинарный подход, историческая демография, воспроизводство населения, демографический переход.

В обстановке дряхлеющего в России уже свыше 20 лет демографического кризиса, сочетающегося с острыми проблемами в сферах социализации подрастающих поколений, обретения гражданами новой общероссийской идентичности, все более широкую поддержку обретает мысль, высказанная еще в елизаветинские времена графом И.П. Шуваловым. Применительно к современности эту мысль – о сбережении народа как национальной идее, необходимой «для спасения» страны, актуализировал в 2005 г. А.И. Солже-

ницын¹. Вклад ученых-историков в общее дело может заключаться в том, чтобы сформировать достоверное знание о состоянии демографической и социокультурной сфер России в прошлом, об этапах и способах их трансформации в катастрофичном для отечественного народонаселения XX столетии, о жизнеспособных элементах сохранившегося исторического наследия и опыте его приведения в соответствие с потребностями времени.

Интересующий автора данной статьи период второй половины XIX – начала XX в. являлся одним из

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00109 «Демографическая история Западной Сибири: конец XIX – начало XXI в.».

¹ Солженицын А.И. Национальная идея – сбережение народа // Гудок. 2005. 11 июня.

судьбоносных в демографической и социокультурной истории страны и, в частности, ее самого обширного региона – Сибири, ее наиболее многочисленной тогда категории населения – крестьянства. Понимая это, ученые создали немало трудов, посвященных различным аспектам воспроизводства деревенского населения в Сибири конца имперского периода. Задачи настоящей статьи заключаются в обобщении опыта, накопленного на современном этапе развития историографии вопроса (в 1991–2013 гг.), выявлении наличной степени изученности аспектов темы в ее комплексной постановке.

Комплексная постановка, в нашем представлении, заключается в следующем. Воспроизводство населения, взятое в совокупности его физической и социокультурной составляющих (естественное и механическое движение населения, социализация подрастающих поколений) – это сложный по структуре объект, требующий для своего изучения координации усилий ученых различной научной специализации, либо реализации междисциплинарного синтеза в духе «новой исторической науки» [1, с. 305–316]. Будучи теоретически мыслимой и остро необходимой, программа междисциплинарного исследования, предложенная нами еще в начале 1990-х гг. и тогда же апробированная применительно к сельскому населению Сибири 1861–1917 гг. (см., напр.: [2; 3]), к сожалению, до сих пор не утвердилась ни на материале иных регионов, ни в общероссийском охвате. На материалах Сибири или ее субрегионов (Западная Сибирь, Алтай, Южное Зауралье и др.), отдельных категорий крестьянства различные аспекты возобновления деревенского населения фактически независимо друг от друга сегодня, как и на предыдущих этапах развития историографии, исследуют историки-демографы, специалисты по социальной истории, исторической этнографии и истории педагогики.

Для изучения тех или иных сторон воспроизводства населения на восточных окраинах Российской империи определяющими являются труды, имеющие общероссийский охват. Невозможно переоценить значение фундаментальных работ А.Г. Вишневецкого и его коллег (см., напр.: [4; 5]), а также Б.Н. Миронова (см., напр.: [6; 7]) по исторической демографии и социальной истории. Это новаторские труды по истории России, включающие анализ социально-демографических процессов в качестве равноценных или даже приоритетных по отношению к прочим аспектам истории общества.

Указанные авторы внесли решающий вклад в укрупнение на почве отечественной науки теории демографической модернизации для объяснения той динамики типа и режима физического воспроизводства населения в России, что наблюдалась с середины XIX в. Ключевым проявлением этой динамики являлся демографический переход – транзición от традиционных, затратных форм воспроизводства, характерных для аграрных обществ, к экономным модернизированным формам. В России, стране второго «эшелона» демо-

графической модернизации, по мнению Б.Н. Миронова, переход происходил со второй трети XIX в. до 1960-х гг. Процесс начался с западных губерний, населенных протестантами, католиками и иудеями, и постепенно распространился на восток и юг, охватывая крупные, а потом мелкие города, крестьянство губерний промышленной ориентации и, наконец, сельскохозяйственные регионы. А.Г. Вишневецкий разработал другую периодизацию, согласно которой демографический переход стартовал в России на рубеже XIX–XX вв. и завершения своего пока не получил.

Историки-сибиреведы, ориентируясь на опыт зарубежных и «столичных» российских коллег, тоже осваивают проблематику и методологию изучения демографической транзición в контексте модернизации общества. Впервые применительно к Сибири вопрос о датировке начала демографического перехода и его региональных проявлениях был поставлен в наших работах 1990-х гг. Было выдвинуто положение о том, что в 1860-х – середине 1890-х гг. в зауральской деревне складывались предпосылки демографической модернизации, а на рубеже XIX–XX вв., вслед за Европейской Россией, проявились ранние ее признаки: сокращение общих коэффициентов смертности и уровня младенческой смертности (в среде старожилков), достижение «взрывных» показателей естественного прироста населения, сокращение людности и упрощение структуры крестьянской семьи, рост продолжительности жизни; в социокультурной сфере – стремление вступить в брак «по любви», дать детям-мальчишкам школьное образование, тяготение к услугам научной медицины и т.д. Стартовые проявления транзición в Сибири были выражены слабее, чем на западе Европейской России, причем в городах они проявились рельефнее, чем в селениях [2, с. 27; 8]. Эти выводы затем нашли подтверждение и развитие применительно к городам и селениям Западной Сибири в трудах А.Н. Сагайдачного (см., напр.: [9]), Ю.М. Гончарова [10], ряда других ученых. Однако их оспорил В.А. Исупов, назвав «бесплодными» признаваемые им попытки перехода к новому типу воспроизводства населения в Западной Сибири до 1942–1943 гг., когда «удалось не только приостановить резкое повышение смертности тылового населения, но и добиться ее сокращения» [11, с. 16]. Историк, тем не менее, вслед за В.Б. Жиромской отмечает прерывистый, «мерцающий» во времени характер демографического перехода в России и ее регионах. Нам представляется, что проблема датировки стартового момента требует дальнейшего обсуждения в контексте разработки внутренне непротиворечивой теории демографической трансформации Азиатской России на протяжении последних полутора веков.

Достижению этой цели будет способствовать тот факт, что в постсоветский период ученые уточняют или пересматривают многие сложившиеся ранее в науке представления: о масштабах и роли механического притока переселенцев и естественного прироста населения на востоке страны [12; 13, с. 18–20], поселенчес-

ких и субрегиональных масштабах демографического развития [14, с. 18–21, 38–40, 55–57, 67–69, 89–94; 15; 16], особенностях социально-демографической истории коренных народов Сибири [17], роли политического фактора в трансформации народонаселения России и Сибири [18; 19] и пр. Накапливается опыт использования современных подходов при исследовании новых сложных проблем. Речь идет об особенностях демографического поведения переселенцев на местах выхода к западу от Урала и в Сибири [20], роли женщин в аграрных миграциях на восток страны [21], календарном распределении демографических событий в регионе [22], об экономическом, демографическом и социокультурном строе деревенской семьи и семейного двора – важнейших ячеек и физического, и социального воспроизводства населения [23; 24; 25]. На рубеже 1990–2000-х гг. появились работы, претендующие на роль этапных в деле изучения социально-демографического развития деревни и города Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.

В качестве этапных задумывались труды А.Н. Сагайдачного, в 2000 г. защитившего докторскую диссертацию и издавшего монографию по обсуждаемой теме [26]. Сильная сторона этих штудий – привлечение большого массива метрических церковных книг и первичных бланков Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., что расширяет возможности историко-демографических исследований (прежде они велись в основном на базе вторичных статистических данных). Историк составил и проанализировал реляционные электронные базы данных о совокупности демографических событий и состояний за полвека – с 1863 по 1914 г. Однако значение трудов А.Н. Сагайдачного оказалось ослабленным по ряду причин: а) автор пренебрег многими работами предшественников, ряд его выводов, по существу, продублировал уже имевшиеся в литературе положения; б) не обоснован выбор для анализа нескольких селений Тарского и Змеиногорского округов (уездов), поэтому выводы нельзя распространить на сельское население всей Западной Сибири; в) неоправданным оказался подход, при котором демографические аспекты процесса воспроизводства населения рассматриваются только на базе первичных источников. Думается, что в истории наиболее продуктивным является комплексное использование любых доступных источников.

Работой действительно обобщающего характера можно признать монографию В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова, подводящую итоги серии работ этих авторов по городской истории Западной Сибири конца имперского периода. Демография городов по большинству позиций здесь сопоставлена с деревенскими реалиями, ранее выявленными, в частности, автором данной статьи [27, с. 67–101].

В исторической этнографии на современном этапе проявляется живой интерес к ряду сюжетов, имеющих прямое отношение к интересующей нас теме. Некоторые из этих сюжетов получили определенную

разработку в предшествующие периоды развития историографии, иные же были только намечены для изучения в периоды «оттепели» и «перестройки».

В обобщающем труде по этнографии русского народа, впервые изданном в 1997 г., подведены итоги изучения в досоветскую, советскую и частично постсоветскую эпохи широкого круга вопросов, касающихся развития семьи как социальной ячейки, семейного и общественного быта, духовной культуры и народных знаний, традиционной народно-медицинской практики (см. [28, гл. 12–18]). Авторы соответствующих глав – В.А. Александров, А.В. Буганов, И.В. Власова, М.М. Громько и другие – интегрировали в свои тексты некоторую часть фактического и теоретического материала о соответствующих сторонах социальной и культурной жизни русских крестьян Сибири, взятого из исследований этнографов-сибиреведов и относящегося, в частности, к концу имперского периода.

Оценивая труды этнографов, имеющие программный или монографический характер, отметим появление относительно новых стратегий изучения крестьянской семьи и иных сельских сообществ в России. Н.Л. Пушкарева в этносоциальном ключе и в духе гендерного подхода выявляет роль матери и специфику социализации мальчиков и девочек в традиционной русской крестьянской семье [29; 30]. М.М. Громько инициировала и возглавила изучение роли религии и православной церкви в народном быту и, в частности, в регулировании брачной и семейной жизни, в деле социализации подрастающих поколений. Представители соответствующего научного направления работают по единой программе, строят сбор и анализ историко-этнографических материалов по схеме: православный канон – церковная практика – народный обычай (см., напр.: [31; 32; 33]). Следует приветствовать стремление восполнить огромный пробел в изучении нравственных основ культуры и образа жизни народа, который образовался за годы советской власти в результате запрета на все, что связано с религией. Однако, как нам представляется, позиция «воцерковленного ученого» несет в себе и опасность переоценки глубины знания крестьянством православного канона и стремления строго придерживаться его в повседневной жизни. Обе названные стратегии реализуются пока в основном на материалах Европейской России, с привлечением лишь небольшого круга историографических и источниковедческих работ по Сибири интересующего нас периода.

Расширился круг историко-этнографических работ, выполненных в региональном и локальном разрезе восточных окраин России, посвященных семье и родовым кланам различных категорий крестьянства. Ю.В. Аргудяева, Н.А. Миненко, Е.Ф. Фурсова, Л.В. Явнова и другие исследователи анализируют правовые, структурные, конфессиональные и бытовые характеристики родственных ячеек в деревне, безусловно, влиявшие на их демографическую и социализирующую функции (см., напр.: [34; 35; 36; 37]). Г.В. Любимова впервые рассмотрела сибирское крестьянское сообщество (взя-

тое в календарно-праздничных состояниях) в возрастном разрезе, тоже значимом в деле воспроизводства поколений сельских жителей [38].

Этнографическим студиям, посвященным традиционным формам культуры и быта русских сибиряков, прежде часто недоставало глубокого осмысления той непростой судьбы, которая ждала традицию в условиях начавшейся на рубеже XIX–XX вв. модернизации общества, включавшей формирование личностного начала, секуляризацию культуры и общественного сознания, процессы урбанизации, демографического перехода и пр. К сожалению, этот недостаток проявляется и на современном этапе, хотя происходят и отрядные подвижки. Примером может быть диссертационное исследование Е.А. Коляскиной, защищенное в 2010 г. [39]. Ею выявлено немало изменений образа женщины в представлениях русских Алтая, а также реального положения женщин в обществе и семье, проявившихся в субрегионе во второй половине XIX – первой трети XX в. Распространялись представления о допустимости регулирования рождаемости, о необходимости ограничить участие беременных женщин в тяжелом труде, либерализовалось сексуальное и брачное поведение, ослабевал стереотип этнокультурной эндогамии и т. д. Фиксируя такие инновации, диссертантка в то же время считает, что весь исследуемый период – это «время относительно стабильного функционирования традиционной (доиндустриальной) культуры у русских, проживавших в сельской местности» Алтая [39, с. 8]. Нам же представляется, что более адекватная оценка ситуации могла бы выглядеть так: в изучаемую эпоху имела место историческая динамика, появились признаки начального этапа модернизации общества и культуры. Ведь при безусловном доминировании традиции происходили трансформация и частичная дезорганизация гендерных аспектов традиционной картины мира, устоявшихся форм брачного, сексуального, детородного, социализирующего поведения.

К этнографической проблематике по своему предметному полю примыкают *этнопедагогика* и *история семейной педагогики*. В теоретическом плане эти направления в 1990–2010-х гг. получили ускорение через издание серии учебных пособий по народной педагогике (авторы – Г.Н. Волков, И.С. Кон, Л.Н. Бережнова с соавторами, Г.В. Недзелковская), отразивших современное представление об объекте изучения этой субдисциплины, предлагающих начинающим ученым ее исследовательский инструментарий. В трудах Т.И. Березиной в центре внимания находится трудовое воспитание крестьянских детей в Сибири конца имперского периода, в общем виде рассматриваются и иные направления семейной социализации (см., напр.: [40]). В результате получила развитие характеристика объективных социально-экономических и субъективных (коренящихся в картине мира крестьянства) условий протекания процесса трудового воспитания подрастающих поколений, а также конкретных форм их приобщения с педагогической целью к производственным усилиям родительской семьи. Труды Т.И. Березиной

отличает использование письменных источников разного вида; учет социальной дифференциации крестьянства на рубеже XIX–XX вв., сказывавшейся и на целях, средствах, способах, результатах воспитания детей; стремление смоделировать использование традиционных народных знаний и опыта в практике организации жизни современной школы.

В новейшей сибирской историографии развиваются и некоторые другие направления, полезные для разработки интересующей нас темы. Назовем историю медицинской и санитарно-гигиенической культуры народа [41; 42], которая определяла важные характеристики режима воспроизводства населения (заболеваемость, смертность, продолжительность жизни). Отметим также историю начального образования и культуры чтения (см., напр.: [43; 44, с. 158–169, 237–247; 45]), ведь школа и книга в изучаемый период становились важными инновационными средствами социализации детей и молодежи. Актуальным представляется, кроме того, изучение ментальности, общественного самосознания, региональной идентичности сибиряков (см., напр.: [46]), потому что содержание этих сфер выступало и мощным фактором воспроизводства сельского населения, и одним из его средств, и индикатором его результативности.

Реализуя междисциплинарный подход, автор настоящей статьи в 1990-х – начале 2010-х гг. стремился внести посильный вклад в изучение процесса возобновления сельского населения Сибири в конце имперского периода. Осуществлялась теоретико-методологическая «отладка» инструментария исследовательских усилий. В 1992 г. автором защищена докторская диссертация, ее положения были опубликованы в научной монографии. Серия трудов посвящена характеристике условий и факторов воспроизводственного процесса, а также его организационных форм, главной из которых являлось демографическое и социализирующее поведение брачной пары, крестьянской семьи, сельского сообщества. Охарактеризованы ключевые параметры естественного и механического движения сельского населения, с дифференциацией его по ряду социальных категорий и в сравнении с городским населением по всем регионам Азиатской России. Основной материал наших студий по рассматриваемой тематике вошел в подготовленную к печати монографию. Она призвана подвести промежуточные итоги многолетней работы автора и его многочисленных коллег по изучению демографической и большого сегмента социокультурной истории русского села.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009.
2. Зверев В.А. Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992.
3. Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993.
4. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

5. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1.
7. Миронов Б.Н. Историческая социология России: учеб. пособие. СПб., 2009.
8. Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153.
9. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000.
10. Гончаров Ю.М. Начальный этап демографического перехода в городах Западной Сибири // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 2009. С. 109–121.
11. Исупов В.А. К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 12–16.
12. Пронин В.И. Население Сибири 1897–1917 гг.: основные этапы и источники роста // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 102–104.
13. Миграции населения Азиатской России, конец XIX – начало XXI в. Новосибирск, 2011.
14. Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997.
15. Свищев П.А. Народонаселение Зауралья конца XIX – начала XX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1997. Вып. 20. С. 193–219.
16. Зверев В.А. Старт модернизации: демографические процессы в городах и селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006. С. 57–72.
17. Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. (60-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.). Улан-Удэ, 2001.
18. Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 84–101.
19. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. Новосибирск, 2000.
20. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006.
21. Нагорная М.А. Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье в России (последняя четверть XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012.
22. Зверев В.А. Сибирский демографический календарь: субрегиональные и поселенческие варианты // Государство и общество Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2008. С. 96–112.
23. Зверев В.А., Ильиных В.А., Мамсик Т.С. Крестьянское хозяйство (двор) // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 199–202.
24. Семья крестьянская / В.А. Зверев, В.А. Ильиных, И.Б. Карпунина, Т.С. Мамсик // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 61–65.
25. Зверев В.А. Семейно-дворовый строй в селениях Западной Сибири конца XIX в.: демографический аспект // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2010. Вып. 1. С. 76–94.
26. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000.
27. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. 2-е изд., доп. Барнаул, 2007.
28. Русские. М., 2005.
29. Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в русской традиционной культуре (X–XIX вв.). М., 2003.
30. Пушкарёва Н.Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. М., 2003. С. 4–27.
31. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
32. Православие в народной жизни: программа сбора полевого этнографического материала. М., 2000.
33. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: итоги этнографических исследований. М., 2001.
34. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX – начало XX в.). М., 1997.
35. Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Право и обычай в крестьянской семье: (Урал и Сибирь в XVIII–XIX вв.). Челябинск, 1998.
36. Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И., Фурсова М.В. Род и семья у старообрядцев-поморцев Новосибирской обл. (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2002.
37. Явнова Л.А. Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.
38. Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири, XIX – начало XX в. Новосибирск, 2004.
39. Коляскина Е.А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010.
40. Березина Т.И. Педагогическая культура русского сибирского крестьянства (1861–1917). Новосибирск, 1998.
41. Волохина И.В. Народная медицина русских Омского Прииртышья (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2005.
42. Караваева Е.В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011.
43. Зверева К.Е., Зверев В.А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 2013.
44. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. Т. 1.
45. Тимофеева Ю.В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2012.
46. Андросов Б.Е. Традиционное самосознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в. Красноярск, 2004.

Статья поступила
в редакцию 04.04.2014

УДК 94(47).083

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

**ГОРОДСКАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: galinakoop@yandex.ru

В статье анализируется информационный потенциал источников по истории дореволюционной городской потребительской кооперации. Автор анализирует такие виды источников, как нормативно-законодательные, делопроизводственные документы органов власти и кооперативных организаций, труды и доклады кооперативных съездов, доклады и сочинения кооперативных деятелей, информационно-статистические издания. Указанные материалы содержатся в центральных и местных государственных архивах и периодической печати. Это распорядительная документация городских дум и управ, донесения и рапорты полицейских чинов, ходатайства, протоколы общих собраний, уставы и отчеты кооперативов. Взятые в совокупности, они дают представление о правовых и социально-экономических условиях хозяйственной и культурной деятельности кооперативов, характере и эволюции их взаимоотношений с властью, участии в преодолении продовольственного кризиса. Делопроизводственные документы отличаются точностью в фиксации фактов. Справочно-статистические источники имеют важное значение для систематизации сведений о кооперации. Труды кооперативных съездов, доклады, сочинения и записки деятелей сибирской кооперации предоставляют разнообразный материал для изучения вопросов кооперативной идеологии и практики.

Материалы периодической печати существенно расширяют и детализируют представления о городской потребительской кооперации Сибири. Особое значение они имеют для изучения потребительской кооперации в русле концепта гражданского общества, позволяя из наблюдений современников извлекать совокупность определенных ценностей, мотиваций, ментальных установок, способов мышления и образцов поведения, характерных для инициативных и рядовых участников кооперативного движения в сельской и городской среде.

Разрозненный и фрагментарный характер источниковой базы темы предполагает необходимость комплексного использования информационного потенциала всех видов источников.

Ключевые слова: исторический источник, нормативные акты, делопроизводственные документы, периодическая печать, гражданское общество, потребительская кооперация, Сибирь.

В гуманитарных исследованиях в настоящий период в центр внимания все больше выдвигается субъект исторического действия, не тождественный государству, а изучение государства как субъекта истории проводится во все более широком культурном контексте по сравнению с национально-государственной историей¹. Это определяет актуальность изучения в исторической ретроспективе такой важной ветви кооперативного движения, как потребительская кооперация. Задача статьи состоит в выявлении комплекса исторических источников и их информационного потенциала для изучения городской потребительской кооперации Сибири в начале XX в.

Нормативно-законодательные документы являются отправным источником для изучения истории потребительской кооперации в силу того, что она подлежала строгой правительственной регламентации. Это разработанные центральными и местными органами власти нормативные и законодательные акты, имеющие юридическую силу. В Полном собрании за-

конов Российской империи нашли отражение только два вида ассоциаций – кредитные (и ссудо-сберегательные) и производительные артели, руководствовавшиеся Положениями (законами) «О мелком кредите» (от 1 июня 1895 г. и 7 июня 1904 г.) и «Об артелях трудовых» (от 1 июня 1902 г.). Все остальные виды кооперативных объединений действовали на основе нормальных (образцовых) уставов, которые утверждались Комитетом министров, а позднее – соответствующими ведомствами, публиковались в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» и также имели силу законодательных актов. Потребительские общества действовали на основании VI главы I части X тома Свода законов (приложение 1 – «Положение о товариществах»). Порядок возникновения потребительских обществ был предусмотрен статьей 443 Устава об общественном призрении (Свод законов, том 13), в соответствии с которой эти общества действовали на основании уставов, утверждаемых начальником по делам местного хозяйства МВД². Нормальный (образцовый) устав потребительских обществ был ут-

¹ «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // URL: hse.ru/data/2011/11/02 (дата обращения: 01.03.2014).

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. ДПО. 1916. Д. 16. Л. 67.

вержден 13 мая 1897 г. [1, с. 78–79]. Сопроводительные циркуляры МВД предоставляли губернаторам право утверждать уставы, тождественные нормальному, открывать, контролировать и закрывать потребительские общества [2, с. 25], определяли порядок действий учредителей по открытию потребительского общества, регулировали членский состав в отношении политических, служащих правительственных учреждений и железных дорог, определяли порядок наблюдения за деятельностью кооперативов. Циркуляр МВД от 7 октября 1908 г. устанавливал новую редакцию § 65 нормального устава потребительских обществ, которые теперь закрывались по распоряжению министра внутренних дел [2, с. 33].

В целом в законодательстве по вопросам кооперации не было создано единого правового поля. Кооперативный закон, провозгласивший явочный порядок открытия обществ и судебный порядок их закрытия, упорядочивал ее организационную структуру и значительно расширял рамки деятельности на основе самоуправления и инициативы, был принят Временным правительством после Февральской революции 20 марта 1917 г.

Правоустанавливающие документы позволяют определить место потребительской кооперации в общественно-политической системе, изменения по отношению к ней правительственного курса в годы Первой мировой войны, выявить механизм административного контроля и опеки, сущность цензуры права на общественную деятельность, судить об объективных возможностях развития гражданского общества в имперской России.

Уставы кооперативов, утвержденные государственными органами (МВД, а с 1897 г. – губернаторами) приобретали силу нормативных документов, исходящих от кооперативных организаций. Сохранившиеся уставы городских и сельских потребительских обществ Сибири составляют особую группу нормативных источников, анализ которых позволяет выявить основные параметры деятельности кооперативных организаций – дату учреждения, состав учредителей и членов, величину и количество паев, порядок распределения прибыли, полномочия руководящих органов и общих собраний членов, процедурные нормы внутреннего демократического устройства. К нормативным документам относятся также инструкции кооперативных организаций, созданные на основе нормативных документов правительственных органов и призванные регламентировать повседневную кооперативную работу.

До февраля 1917 г. существовало ведомственное подчинение и регулирование отдельных видов кооперативов. Потребительские общества подводились под разряд общепользовательных учреждений, носящих благотворительный и вспомогательный характер, и находились в ведении Министерства внутренних дел, в котором приписывались к хозяйственному департаменту по отделу народного здоровья и общественно-призрения.

В соответствии с ведомственной принадлежностью формировались архивные фонды различных министерств, содержащие нормативные и *делопроизводственные документы центральных и местных органов власти и кооперативных организаций*. В Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург) документация по потребительским обществам разрозненно хранится в ряде подразделений Департамента общих дел МВД (Ф. 1284), Главного управления по делам местного хозяйства МВД (Ф. 1288), Министерства торговли и промышленности (Ф. 23). Переписка по конкретным вопросам влекла формирование комплексов делопроизводственной документации, исходящей от кооперативной общественности, губернских властей и министерских чиновников. Это ходатайства о разрешении потребительских обществ, кооперативных съездов и союзов, уставы и отчеты кооперативов, резолюции и постановления министров, освещающие различные стороны кооперативной жизни.

В системе Министерства внутренних дел одно из центральных мест занимал Департамент полиции, стоявший во главе политического и уголовного сыска, его материалы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва, ГАРФ, Ф. 102). Относящиеся к кооперации документы отложились в фондах его Особого отдела и 4-го делопроизводства, занимавшихся наружным наблюдением за политическим направлением деятельности легальных обществ. Материалы Департамента полиции представлены докладами, политическими обзорами, аналитическими записками и справками губернаторов и начальников губернских и областных жандармских управлений, составленными на основе агентурных донесений и содержащими вкрапления кооперативной тематики. Поскольку составителей интересовали, прежде всего, вопросы политической благонадежности кооперативной среды, документы представляют ценность для характеристики неторговой стороны кооперативной работы, связанной с активностью политических партий. Также они ценны сведениями о масштабах развития кооперативного движения в губерниях, информацией об обстоятельствах учреждения кооперативов, их количественном и социальном составе, хозяйственной и культурно-просветительной деятельности, влиянии ссылок, повестке общих собраний, приводимыми характеристиками кооперативных лидеров. Особенностями делопроизводственных документов полицейского ведомства являются точность в фиксации фактов и отсутствие тенденции к переоценке значимости и размаха кооперативного движения. Отчеты потребительских обществ за 1915–1919 гг. отложились в ГАРФ в фонде Главного управления налогов и сборов Министерства финансов Российского правительства (Ф. Р–146).

После предоставления губернаторам в 1897 г. права утверждать на местах уставы потребительских обществ кооперативная документация стала откладываться в архивах губернских органов управления (губернских правлений и канцелярий, казенных па-

лат, городских дум, полицейских управлений) а также фондах кооперативных союзов, местных отделов Московского общества сельского хозяйства и агрономических организаций, отделениях Московского народного банка. Сегодня она доступна для исследователей в Государственных архивах Томской (фонды Томского губернского управления – Ф. 3, Томской казенной палаты – Ф. 196), Омской (фонды Западно-Сибирского управления – Ф. 3, Омской городской думы – Ф. 30, Союза кооперативных объединений Западной Сибири «Центросибирь» – Ф. 151, Омского жандармского управления – Ф. 270), Новосибирской (фонды Новониколаевской городской управы – Ф. Д-97, Союза сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт» – Р-51), Иркутской (фонды Иркутского жандармского управления – Ф. 600, Управления Забайкальской железной дороги – Ф. 72, Иркутской городской управы – Ф. 322) областей, Республики Бурятия (фондах Верхнеудинского общества потребителей «Экономия» – Ф. 236, «Прибайкальского торгово-промышленного товарищества кооперативов – Ф. 228, жандармского управления – Ф. 381, городской управы – Ф. 10) Забайкальского (фонды Областного союза Забайкальских кооперативов – Ф. 35, Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги – Ф. 173, Читинского отделения Московского народного банка – Ф. 347, Забайкальской областной управы – Ф. 1) и Красноярского (фонд Енисейского губернского союза кооперативов – Ф. Р-127) краев.

Материалы этих фондов, представленные распорядительной документацией городских дум и управ, донесениями и рапортами полицейских чинов, ходатайствами, связанными с развитием торговой и неторговой деятельности потребительских обществ, протоколами общих собраний, уставами и отчетами, детализируют и расширяют представления о хозяйственной и культурной деятельности кооперативов, характере и эволюции их взаимоотношений с властями, участии в борьбе с продовольственным кризисом.

Для исследования широкого круга вопросов кооперативной идеологии и практики, развития демократических процедур важное значение имеет изучение *трудов и докладов* кооперативных съездов [3, 4, 5], *докладов, сочинений и записок* деятелей сибирской кооперации (Н. А. Рожкова, Д. И. Голенищева-Кутузова, А. А. Байкалова, инструкторов Закупсбыта)³.

Систематизации сведений о развитии кооперации способствуют *справочно-статистические источники* – опубликованные списки потребительских организаций, кооперативные календари, ежегодники, памятные книги губерний, справочно-статистические сборники, которые содержат сведения по губерниям и уездам о наличии потребительских обществ и краткие описания их деятельности⁴ [6, 7, 8]. В «Ежегодниках

Московского союза потребительских обществ» приводятся сравнительные данные по процентному охвату кооперацией населения Сибири и других регионов страны, обзорные статьи специалистов об основных тенденциях в развитии городской и рабочей кооперации [9, 10].

Разноплановые материалы центральных и местных исторических архивов и справочно-статистических изданий в то же время недостаточно репрезентативно освещают все аспекты темы. В потребительской кооперации не велось такого учета, как в кредитной кооперации, в отношении которой осуществлялись государственное финансирование, содействие и контроль, статистический учет и документирование деятельности. Менее всего оказалась обеспеченной источниками городская кооперация Сибири. Известный исследователь сибирской кооперации В. Махов писал: «Больше, чем в какой бы то ни было другой области, недостаток материалов дает о себе знать в области сведений о городской и в особенности рабочей кооперации в Сибири. Ни организационные отделы сибирской потребительской кооперации, ни кооперативная печать в прошлом не уделяли этому отряду кооперативов достаточного внимания. Даже такого учета числа кооперативов, который велся для сельской кооперации, для городской кооперации не велось» [11, с. 101]. В. Махов охарактеризовал свой замечательный очерк о городской и рабочей кооперации как «беглую характеристику по имеющимся очень неполным данным» [11, с. 110]. Он отмечал, что недостаток сведений заставлял судить о городской кооперации подчас лишь гадательно, и опирался на сведения по 25 городским потребительским обществам и 37 балансов за 1915–1918 гг. Специалисты по кооперации неоднократно указывали на то, что полного учета числа и численности потребительских кооперативов не ведется, отчеты о деятельности и ответы на анкетирование присылает ничтожная часть обществ⁵. Таким образом, история большинства из более чем 100 кооперативных организаций в городской и рабочей среде в Сибири в этот период [12, с. 243–258] недостаточно и неравномерно обеспечена источниками.

Кроме того, архивные материалы, имеющие в большинстве чиновничье-канцелярское происхождение, существенно отличаются от живой информации кооперативной общественности. Поэтому изучение потребительской кооперации дореволюционной Сибири требует дополнения архивных источников обширными материалами периодической печати⁶. Не являясь особым видом исторических источников, пе-

³ См.: Известия Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. 1917. № 2. С. 11 и др.

⁶ Наибольший интерес представляют центральные («Союз потребителей», «Объединение», «Вестник кооперации», «Общее дело» и др.) и местные («Самодетельность потребителя» (Красноярск), «Иркутский кооператор», «Кооперативное слово» (Чита), «Известия Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги» (Чита), «Лучи» (Омск) и др.) кооперативные издания.

³ См.: Доклад Н. А. Рожкова о Забайкальской потребительской кооперации // Утро Сибири. 1916. 28 февр. и др.

⁴ Свод статистических данных о потребительских обществах России. СПб., 1905.

риодика сама содержит в себе источники всех видов [13, с. 46–47]. В журналах и газетах публиковались и комментировались нормативно-законодательные документы, делопроизводственные кооперативные материалы (отчеты по операциям, общим собраниям и съездам), описывались различные события кооперативной жизни, приводились статистические данные, печатались доклады кооперативных деятелей. Присущий аналитическим и обзорным материалам периодической печати субъективный авторский подход, основывавшийся не только на идейно-мировоззренческих убеждениях и партийной принадлежности, но и на приверженности тому или иному обществу потребителей, кооперативному союзу, виду кооперации, проявлялся подчас в антиправительственной, антирыночной и антисоветской направленности, идеализации кооперативного движения, абсолютизации его социотерапевтической функции. В то же время отличительные черты публикаций периодической печати, обусловленные авторской точкой зрения и заключающиеся в синтезе нарратива, фактологической составляющей, элементов обобщения и анализа, субъективного взгляда на событие «со стороны» и «изнутри» и эмоционального напряжения позволяют получить хронологические «срезы» эпохи со всем богатством и разнообразием исторического материала.

Авторы рассматривают кооперацию с демократических позиций как важнейшее современное общественно-экономическое движение, показывают причины его развития, социально-экономические и политико-правовые условия деятельности, обстоятельства возникновения потребительских обществ, их организационное устройство, хозяйственную и культурно-просветительную деятельность. Особое значение материалы периодической печати имеют для изучения «тонких структур» внутригородской коммуникации, процессов в социуме, которые не получили формализованного выражения или каким-то образом прослеживаются по документальным источникам. Уникальное значение имеют материалы периодической печати для изучения кооперации в контексте становления гражданского общества, позволяя из наблюдений современников извлекать совокупность определенных ценностей, мотиваций, ментальных установок, способов мышления и образов поведения, характерных для инициативных и рядовых участников кооперативного движения в сельской и городской среде.

В целом источниковая база темы представляется разрозненной и фрагментарной. Отсутствуют какие-либо массовые источники по отдельным сюжетам или периодам. Вместе с тем представленные источники, дополняя друг друга, охватывают проблематику избранной темы хронологически и территориально, позволяя решать основные исследовательские задачи по изучению процессов самоорганизации общества – от совокупности единичных моментов проявления гражданской инициативы – до вполне структурированных действий объединений и ассоциаций, по анализу характера и динамики их взаимоотношений с обществом и властью, уровня гражданской культуры и ответственности, вклада в решение социально-экономических проблем и поддержание общественного консенсуса и стабильности. Комплексное изучение различных видов источников позволяет использовать их информационный потенциал для изучения многообразной деятельности городской потребительской кооперации Сибири в начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нормальный устав потребительских обществ // Кооперация. Страницы истории: в 3 т. М., 1998. Т. 1, кн. 3. С. 78–90.
2. Меркулов А. В. Как организовать и вести потребительное общество. Текст, законы, уставы, инструкции. Пг., 1914.
3. Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений в Москве 16–21 апреля 1908 г./ Труды, изданные Бюро Московского союза потребительских обществ. М., 1908.
4. Протоколы съезда кооперативов Томской губ. 1–4 марта 1915 г. Томск: Изд. журн. «Сибирское сельское хозяйство», 1915.
5. Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда 2–12 января 1916 г. в г. Омске. Омск, 1916 г.
6. Список всех потребительских обществ России как действующих, так и закрывшихся на 1 января 1912 г. СПб., 1912.
7. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 г. СПб., 1910.
8. Календарь сибирской кооперации на 1917 г. Томск, 1916.
9. Ежегодник Московского союза потребительских обществ (МСПО). М., 1912 г. Вып. 2; 1914 г. Вып. 4. М., 1916.
10. Ежегодник Московского союза потребительских обществ (МСПО). Вып. 4 за 1914 г. М., 1916.
11. Махов В. Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития. Новониколаевск: Сиб. Отд-ние Центросоюза, 1923. 241 с.
12. Запорожченко Г.М. Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири. 1864–1917 гг. / отв. ред. А. А. Николаев. Новосибирск, 2004. 260 с.
13. Рышков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2012. № 3. С. 44–51.

Статья поступила
в редакцию 14.03.2014

УДК 902.03.29

Л.К. ОСТРОВСКИЙ

**РЕПАТРИАЦИЯ ОПТАНТОВ, БЕЖЕНЦЕВ И ВОЕННОПЛЕННЫХ
ИЗ СИБИРИ В ПОЛЬШУ (1921–1924 гг.)**

канд. ист. наук,
Новосибирский государственный
архитектурно-строительный
университет (Сибстрин),
г. Новосибирск,
e-mail: leo-ostrovskij@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности процесса репатриации беженцев, оптантов и военнопленных в Польшу после заключения в 1921 г. мирного договора в Риге между Советской Россией и Украинской Советской Социалистической Республикой, с одной стороны, и Польшей – с другой. Репатриация поляков из Сибири находится среди таких тем, которые не получили достаточного освещения в отечественной и польской историографии. Целью исследования является конкретно-историческая характеристика репатриации беженцев, оптантов и военнопленных из Сибири в Польшу. Архивный фонд Центрального управления по эвакуации населения Наркомата внутренних дел РСФСР позволяет составить представление о количестве польских беженцев и военнопленных на территории Сибири, о ходе их эвакуации на родину. На основе новых архивных документов, в том числе анкет, поступивших в оптационный отдел польского представительства в Новониколаевске, автор анализирует социальный и национальный состав репатриантов, их материальное положение, деятельность польского представительства по делам репатриации. Среди оптантов преобладающей социальной группой были крестьяне. Национальный состав оптантов отличался значительной пестротой. В статье показано влияние хозяйственной разрухи в стране на процесс репатриации граждан Польши из Сибири.

Анализ источников показывает, что репатрианты страдали от голода, холода и эпидемий. Расстройство железнодорожного движения на территории России привело к тому, что процесс репатриации затягивался. Как свидетельствуют источники, восстания крестьян, недовольных политикой «военного коммунизма», также являлись фактором, который препятствовал репатриации. Делается вывод, что репатриацию поляков на родину партия большевиков и их польские союзники стремились использовать в своих политических интересах. Архивные материалы позволяют определить политические цели большевиков и польских коммунистов, которые стремились превратить репатриантов, настроенных против революции, в сторонников революции.

Ключевые слова: репатриация, беженцы, оптанты, военнопленные, польское представительство, смешанная комиссия, Сибирь.

Актуальность темы исследования продиктована важностью российско-польских отношений XIX – начала XX в. в истории обеих стран. Без изучения российско-польских отношений указанного периода невозможно воссоздать целостную и достоверную картину прошлого как России, так и Польши. Впервые в отечественной историографии характеристика репатриации поляков на родину в начале 1920-х гг. дана в работе П. Н. Ольшанского [1]. Свидетельством значительного расширения диапазона изучаемых проблем по истории сибирско-польской проблематики в последние годы стало появление работ по истории польских беженцев [2] и военнопленных [3].

В 1926–1927 гг. вернувшиеся из Сибири на родину поляки организовали «Союз сибиряков». Членами этого союза были и ветераны польских вооруженных формирований, действовавших в Сибири в 1918 – 1920 гг. Воспоминания последних легли в основу работы С. Беганского [4]. Однако репатриация поляков из Сибири находится среди тем, которые не получили достаточного освещения в отечественной и польской историографии.

12 октября 1920 г. был подписан договор о перемирии между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой, а в феврале следующего года – протокол о продлении перемирия и соглашение о репатриации. Массовая репатриация поляков на историческую родину проходила в 1921–1924 гг., а вопросами эвакуации на территории Сибири ведал Сибэвак (Сибирская комиссия по эвакуации), полномочия которой распространялись на Омскую, Томскую, Семипалатинскую, Алтайскую, Енисейскую и Иркутскую губернии¹.

Соглашение о репатриации между советскими республиками и Польшей было подписано в Риге 24 февраля 1921 г. После подписания обе стороны обязывались приступить к репатриации всех заложников, гражданских пленных, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов².

Для соблюдения соглашения о репатриации были утверждены две смешанные комиссии: одна в Москве

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 186. Л. 66.

² Там же. Оп. 2. Д. 186. Л. 102 а.

и одна в Варшаве. В компетенцию смешанной комиссии входило выявление лиц, подлежащих репатриации, наблюдение за их регистрацией, оказание материальной помощи. Смешанные комиссии должны были предъявлять в соответствующие центральные учреждения списки лиц, подлежащих репатриации. Соглашение предусматривало, что в числе первых транспортов должны были возвращаться гражданские пленные, интернированные и заложники³.

После подписания 18 марта 1921 г. в Риге мирного договора между Советской Россией и Польшей все лица польской национальности, проживавшие на территории России, получали право оптировать гражданство Польши.

Представительство Польши по делам оптации и репатриации начало работу в Новониколаевске 27 мая 1921 г., на него возлагались функции по осуществлению на территории Сибири статьи VI мирного договора между РСФСР и Польшей по вопросу оптации лиц, проживавших в губерниях Сибири в гражданство Польши.

В сентябре 1921 г. в Сибирь прибыло представительство Польши по делам оптации и репатриации во главе с К. Гинтовт-Дзевалтовским. Подписание мирного договора, который предусматривал возможность оптации польского гражданства, вызвало среди поляков Сибири рост настроений за возвращение на родину. Так, представитель Польбюро при губкоме РКП (б) в Томске Булянда в письме от 6 мая 1921 г. отмечал, что «почти вся сибирская колония желает возвращаться». Речь шла о крестьянах-переселенцах из Виленской, Гродненской, Витебской и Седлецкой губерний, которые «как один хотели вернуться в родные края»⁴. 16 февраля 1922 г. было объявлено о начале приема заявлений от оптантов, а 1 октября 1923 г. прием заявлений был прекращен. Оптация проводилась иностранным отделением вместе с польским представительством. Представительство Польши по делам оптации на территории Сибири работало до начала февраля 1924 г., когда продолжался прием в польское гражданство.

Право на выбор польского гражданства имели: бывшие граждане Российской империи, достигшие 18 лет, которые были записаны в книги постоянного народонаселения Царства Польского или в местной гмине, деревне, которые в то время входили в состав Польши (на 30 апреля 1921 г.); лица, достигшие 18 лет, которые находились на территории России или Украины и могли доказать свое происхождение от участников борьбы за независимость Польши в 1830 – 1865 гг. или являлись потомками тех лиц, кто не дальше как в третьем поколении проживал на территории бывшей Речи Посполитой⁵.

После подписания Рижского договора и соглашения о репатриации начался сам процесс репатриации.

Сибирское представительство польской репатриационной комиссии в Новониколаевске в течение 1921–1922 гг. зарегистрировало 58 329 чел., но из них право на репатриацию получили только 25 386 чел [4, с. 74]. Лицо, желавшее оптировать польское гражданство, должно было подать заявление с приложением документов, доказывающих право на оптацию. Заявление о выборе польского гражданства должно было подаваться консулу или другому представителю правительства Польши в течение года, начиная с 30 апреля 1921 г., а для лиц, проживавших на Кавказе и в азиатской части России, этот срок продлевался до 15 месяцев.

Автором данной статьи изучены анкеты, поступившие в оптационный отдел польского представительства в Новониколаевске в 1921–1922 гг. Всего нами обработано 4119 анкет. Среди польских оптантов жители села составляли 71,8 %, а остальные – это жители городов, поселков и железнодорожных станций. Больше всего заявлений на оптацию польского гражданства принято от сельских жителей Томской губернии (из 75 сельских населенных пунктов). В целом по Сибири заявления поступили из более 200 сельских населенных пунктов.

Среди оптантов были представители разных социальных и профессиональных групп. По роду занятий из 4119 авторов анкет наибольшую группу составляли хлебопашцы, их насчитывалось 2639 чел., или 64 %. Вторую по численности социальную группу образовали домохозяйки, которые в своем большинстве тоже принадлежали к крестьянским семьям. Чуть больше 5 % приходилось на долю служащих, которые работали как на государственных, так и частных предприятиях. Доля рабочих среди оптантов составляла более 4 %, а ремесленников была немного меньше.

Установить национальность оптантов не всегда удается, так как зачастую в графе «национальность» указана та или иная конфессиональная группа. В числе желавших оптировать польское гражданство были не только поляки, но и белорусы, украинцы, немцы, чехи – в основном крестьяне, переселившиеся в Сибирь в конце XIX – начале XX в. Доля поляков среди оптантов достигала 70 %, на втором и третьем местах находились русские и белорусы. Доля русских составляла чуть больше 6 %, белорусов – почти столько же, украинцев – 3 %⁶.

Репатриацию поляков на родину партия большевиков и их польские союзники стремились использовать в своих политических интересах. СДКПиЛ вела агитацию против отъезда рабочих и крестьян в Польшу. Вместе с тем следует отметить, что когда начался процесс репатриации, то польские коммунисты, занимавшие важные посты в губэваках (губернская комиссия по эвакуации), стремились отправить в Польшу как можно больше большевистских агитаторов [5, с. 244]. Большевики делали ставки на то, что польские народные массы, занимавшие контрреволюционные позиции, по прибытии в Польшу поменяют свою позицию и станут сторонниками революции.

³ Там же. Оп. 3. Д. 186. Л. 102 в.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 245. Л. 13.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 147. Л. 122.

⁶ ГАНО. Ф. Р-1. Оп.3. Д. 170. Л. 131.

В докладе Польбюро Омска, зачитанном П. Микляшовым 24 сентября 1921 г. на собрании польских коммунистов, ставилась задача – немедленно приступить к агитации среди отъезжающих беспартийных масс. В выступлениях на собрании звучали предложения выслать в объятия «Панской Польши» рабочую и менее обеспеченную массу. В то же время не дать возможности уехать из советской России «негодному элементу», т. е. буржуазии. Чтобы препятствовать отъезду обеспеченных поляков в Польшу, польские коммунисты Омска приняли решение – назначить в губэвак своих людей в составе 9 чел.⁷

К началу 1920-х гг. значительную часть польского населения Сибири составляли беженцы. Установить точное число беженцев-поляков сложно. С одной стороны, в Сибири польскими организациями было зарегистрировано около 11 тыс. беженцев. С другой стороны, начальник административного отдела Центрэвака Ястребов в своем письме в Варшаву 26 октября 1921 г. сообщал, что общее количество польских беженцев в Сибири составляет около 300 тыс. чел.⁸

К моменту, когда началась репатриация беженцев в Польшу, в Советской России царил разруха. В начале 1920-х гг. голод охватил около 40 губерний страны. По данным советских властей, в феврале 1922 г. в стране голодало до 13 млн чел. Крестьяне, возмущенные политикой продовольственной разверстки, поднимали восстания. Крупнейшее по числу участников восстание вспыхнуло в Западной Сибири. Таким образом, эвакуация польского населения проходила в сложных условиях. О том, что беженцы сталкивались с серьезными препятствиями при выезде на родину, сообщал 6 мая 1921 г. в своем письме один из лидеров польских коммунистов Томска – Булянда. По его словам, половина беженцев не имели «беженских документов», а губэвак не регистрировал на выезд тех, кто не имел документов за 1914–1916 гг.⁹

В августе 1921 г. в Москву поступило письмо из Тюменской губернии от начальника губэвака с просьбой «о немедленной разгрузке беженцев и эмигрантов Тюменской губернии». В письме отмечалось, что Тюменская губерния «переживает ужасный кризис без продовольствия», в Ишимском и Ялуторовском уездах поля уничтожены «бандитами». Беженцы из деревень Тюменской губернии переселялись и скапливались в городах, требуя отправки на родину. В губернии насчитывалось на то время 18 тыс. польских беженцев. Регистрация беженцев не была завершена, отсутствовали сведения из 17 волостей Ялуторовского и 8 волостей Ишимского уездов, где «находились банды». Местные власти выражали опасения, что репатриация беженцев может затянуться до зимы, «а 75 % беженцев раздеты и разуты»¹⁰.

Крайне тяжелым было положение беженцев в Ишиме. В 1921 г. тяжелое положение с продовольствием на территории Ишимского и Ялуторовского уездов было усугублено распоряжением Ленина о вывозе хлеба из ссыльных пунктов данных двух уездов в центральные районы страны [6, с. 584]. В результате население этих уездов, в том числе беженцы, было обречено на голод. В октябре 1921 г. группа польских беженцев более месяца ожидала отправки. В телеграмме в Омск уполномоченного Павловского 24 октября 1921 г. говорилось о тяжелом положении детей, которые мерзли и голодали¹¹.

Местные власти в августе 1921 г. сообщали из Тюмени в Центроэвак, что в губернии часто наблюдаются случаи, когда беженцы и военнопленные не успевают погрузиться в эшелоны из-за болезней. С другой стороны, из-за обширности территории Тюменской губернии проживавшие в деревнях беженцы несвоевременно получали известия об отправке и прибывали на станции после того, как эшелон уже отправился¹². Польская делегация обратилась с просьбой в смешанную комиссию о перемещении польских репатриантов, проживавших в отдаленных местах, поближе к железнодорожным станциям, где они могли ожидать транспорт для отправки на родину.

За октябрь 1921 г. из Новониколаевска отправилось три эшелона с польскими репатриантами по 1300 чел. в каждом¹³. В октябре 1921 г. польская делегация дала согласие на отправку транспортов с репатриантами из Омска, Петропавловска, Барабинска и Семипалатинска¹⁴.

По данным Сиббюро, к январю 1922 г. «беженские массы в значительной части прошли Новониколаевск и главным образом задержались в Омске». В течение января 1922 г. предполагалась отправка санитарных поездов из Томска, Новониколаевска и Барнаула¹⁵. Как сообщалось в телеграмме из Новониколаевска уполномоченного Центроэвака в Сибири Баевского, к январю 1922 г. в некоторых городах вдоль Сибирской железной дороги «имеет место скопление репатриантов», главным образом поляков. Данная ситуация объяснялась неудачными распоряжениями властей. В результате «скоплений» в Канске оказалось до 2000 репатриантов, в Красноярске до 1000 военнопленных и 1000 беженцев, в районе Анжеро-Судженска и Тайги – около 1000 чел., в Бийске – до 1000, Омске – около 2000, Петропавловске – 4000 чел. Причем «пробка» в Петропавловске расценивалась как «наиболее нуждающаяся». Беженцы в Петропавловске находились в наихудших условиях. Из 4000 польских беженцев, около 1000 не имели жилья, находились «под голым небом». Ежедневно от тифа и холеры умирало 10 – 15 чел., всего до ухода эшелона погибло 40 % беженцев¹⁶.

⁷ Центр документации новейшей истории Омской области (далее – ЦДНИОО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 485. Л. 13 – 13об.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 60. Л. 289.

⁹ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 245. Л. 13, 17.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 186. Л. 221.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 251. Л. 277.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 265. Л. 199.

¹³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1534. Л. 15.

¹⁴ Там же. Д. 492. Л. 128, 258.

¹⁵ Там же. Д. 1566. Л. 2; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 25. Л. 10.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 288. Л. 316.

Дорога на родину для польских репатриантов была тяжелой, так как зачастую эшелоны не были оборудованы и пассажиры страдали от холода. В пути эшелоны с репатриантами простаивали неделями, они не были оборудованы, так как железнодорожники отказывались отпускать печи, доски и дрова¹⁷. Репатрианты испытывали трудности с одеждой и продовольствием. Так, второй польский эшелон отправился из Иркутска 28 сентября 1921 г. 13 октября эшелон достиг станции Татарская, откуда комендант эшелона Краснов отправил телеграмму в Омск, где отмечал, что эшелон не имеет зимнего оборудования. Эшелон следовал с большими остановками на станциях, а «питпункты» не снабжали репатриантов продовольствием¹⁸.

Вследствие расстройств железнодорожного движения в России первые два транспорта преодолели путь в течение месяца, 4-й эшелон из Красноярска на станции Орша стоял 16 дней, а 5-й из Иркутска находился в пути 3 месяца. В лучшем случае эшелоны находились в пути примерно по 20–25 суток¹⁹.

Среди массы польских репатриантов значительную часть составляли военнопленные. После победы Февральской революции в России возникли союзы и объединения польских военных. Создаются такие союзы и в сибирских городах (Омске, Новониколаевске, Томске, Иркутске), причем в Томске и Новониколаевске они возникли в апреле – мае 1917 г. Летом 1918 г. польские организации приступили к формированию собственных военных формирований из солдат и офицеров русской армии и военнопленных из армий Германии и Австро-Венгрии. В январе 1919 г. из польских военных частей была создана единая 5-я дивизия польских стрелков. Польские части принимали участие в военных операциях против партизан на территории Западной Сибири, а после занятия частями Красной Армии Омска 5-я дивизия вынуждена была прикрывать отступление белых. 10 января 1920 г. польские части сложили оружие, и большинство солдат и офицеров оказались в тюрьмах и лагерях на территории Сибири.

В плену на территории Енисейской губернии, по данным Польшюро, оказалось около 10 тыс. польских солдат и офицеров 5-й дивизии²⁰. Тяжелые условия жизни в концентрационных лагерях привели к массовой гибели пленных. Таким образом, от болезней погибло гораздо больше польских солдат и офицеров, чем в результате военных действий. По сведениям В. Рэзера, из 10 тыс. польских солдат и офицеров, попавших в плен, на родину возвратилось около 5800, а свыше 4 тыс. либо погибли в советском плену, либо по иным причинам не вернулись в Польшу [7, с. 128].

После заключения мирного договора в Риге польские военнопленные получили возможность вернуться

на родину. Польская делегация в смешанной комиссии по делам репатриации представляла сведения российско-украинской делегации о лицах, которые действительно являлись польскими военнопленными. Данная процедура была необходима для регистрации в местных учреждениях, отвечавших за эвакуацию пленных. Польских военнопленных из лагерей, расположенных в Барнауле, Абакане и других городах Сибири, направляли в Красноярск, откуда они выезжали на родину. Делегация Польши настаивала на более быстрой регистрации польских пленных в Сибири и отправке в Польшу, которая началась в июле 1921 г.²¹

Первая группа польских военнопленных отправилась в Польшу из Красноярска 1-м эшелоном 14 августа 1921 г., она состояла из 1200 чел.²² 2-й эшелон прибыл в Москву 26 октября, в нем находилось 960 пленных с семьями, всего – 1253 чел. 3-й эшелон, в котором находилось 1176 чел., вышел из Красноярска 4-го октября, а 4-й – 6-го октября²³.

Имели место случаи задержки отправки и неудовлетворительных условий эвакуации. 5-й эшелон из Красноярска из 1158 военнопленных был загружен 31 октября, две недели стоял на станции. 8 октября прибыл в Омск, где был задержан на 7 суток из-за отсутствия дров. По сведениям польской стороны, эшелон шел до Москвы 7 недель и здесь был задержан [8, с. 379].

К концу 1921 г. была репатрирована на родину основная масса польских беженцев. В дальнейшем наряду с беженцами велась репатриация опантов, которая продолжалась до осени 1923 г. [1, с. 26]. Репатриация польских военнопленных была проведена в течение 1921–1922 гг.

После подписания договора о перемирии между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой и соглашения о репатриации были созданы условия для репатриации опантов, беженцев и военнопленных. Массовая репатриация поляков на историческую родину происходила в 1921–1924 гг. Эвакуация польского населения осуществлялась в сложных условиях, в России царили голод и разруха, что создавало репатриантам серьезные трудности.

Репатриацию поляков на родину большевики и их польские союзники стремились использовать в своих политических интересах. Польские коммунисты полагали, что с помощью своих сторонников в Польше можно будет вести подпольную работу и партия большевиков сможет произвести в Польше революционный переворот.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ольшанский П.Н.* Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924. М.: Наука, 1974. 285 с.
2. *Носкова В.Н.* Польские беженцы в Тарском уезде в период Первой мировой войны // Поляки в социокультурном простран-

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 60. Л. 347об.

¹⁸ Там же. Оп. 4. Д. 251. Л. 248.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 492. Л. 448; ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 25. Л. 56.

²⁰ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 487. Л. 12.

²¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 492. Л. 123.

²² Там же. Л. 109.

²³ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 60. Л. 289.

стве сибирской деревни: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск – Тара, 7–10 августа 2009 г.). Омск, 2012. С. 107–112.

3. Костюшко И.И. К вопросу о польских военнопленных 1920 года // Славяноведение. 2000. № 3. С. 45–62.

4. Biegański S. Repatrjacja jeńców 5-j dywizji syberyjskiej // Polacy na Syberji. Szkic historyczny. Warszawa, 1928. S. 69–76.

5. Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Syberji (1915–1921). Kraków, Lublin: Gebetner i Wolf, 1922. 6, 253 s.

6. Шишкин В.И. Западно-Сибирский мятеж // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. I. С. 582–584.

7. Рэзмер В. Польские военнопленные в большевистском плену в Сибири в 1920–1922 гг. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов Междунар. науч. конф. Иркутск, 2001. С. 127–129.

8. Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы). Документы и материалы / Публикацию подг. д-р ист. наук И.И. Костюшко. М.: Российская академия наук, Ин-т славяноведения, 2004. 403 с.

Статья поступила
в редакцию 09.04.2014

УДК [(94:39):001.891] (=554)

А.А. СУЛЕЙМАНОВ

ЮКАГИРСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1959 г.

Научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск
e-mail: alexas1306@mail.ru

Автором на основе анализа архивных данных и опубликованного источникового материала реконструирована история проведения Юкагирской комплексной экспедиции – важнейшей академической инициативы в истории научного изучения одного из древнейших этносов Российской Арктики. В исследованиях в рамках данной экспедиции принимали участие сотрудники Института этнографии, Института языкознания и Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР. В статье представлена характеристика методики экспедиционных изысканий, которая включала проведение археологической разведки и раскопок, опросов и интервьюирования местного населения; наблюдение за современной хозяйственно-бытовой практикой, сбор и анализ архивного, соматологического и серологического материалов. Определены и показаны основные направления, результаты и география исследований, охвативших значительную часть северо-восточных районов Якутии и Магаданскую область. Работы участников экспедиции позволили внести существенный вклад в выявление и изучение археологических памятников исследуемой территории; получить сведения о традиционных занятиях и образе жизни древних юкагиров, их физико-антропологических характеристиках, фольклоре, языке и его диалектологических особенностях, а также рассмотреть современную лингвистическую и этнокультурную ситуацию, хозяйственную деятельность и происходящие этнические процессы. Отмечено значение проведенных исследований для формирования современного научного представления о юкагирах, а также для подготовки квалифицированных научных кадров.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Академия наук СССР, юкагиры, коренные народы Севера, академические экспедиции.

В текущем году исполнилось 55 лет одной из интереснейших инициатив в истории научного изучения коренных народов Российской Арктики в XX в. – Юкагирской комплексной экспедиции Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР.

Ко времени проведения экспедиции юкагиры являлись одним из наиболее малочисленных этносов среди всех коренных народов Северо-Востока СССР. По данным Переписи населения 1959 г., в Советском Союзе проживало всего 442 юкагира, в том числе 419 на территории Якутии и Магаданской области¹.

Несмотря на имеющиеся сведения о древнейшем происхождении народа, ареале его жизнедеятельно-

сти в прошлом и его месте в этнической истории Сибири, в научных знаниях о юкагирах к концу 1950-х гг. оставалось большое количество «белых пятен». Экспедиции В.И. Иохельсона 1895–1897 и 1901–1902 гг. по-прежнему являлись единственными изысканиями, в ходе которых предпринималась попытка рассмотреть все стороны жизни этноса – его язык, историю, культуру, быт, социальные отношения [1; 2, с. 178]. Полученные В.И. Иохельсоном сведения, при их уникальности и огромной ценности, постепенно устаревали, а с развитием научной мысли некоторые из разработанных ученым теоретических положений потребовали серьезных уточнений и корректировок. Последующие исследования участников Верхоянского отряда Якутской комплексной экспедиции 1927–1929 гг., Н.И. Спиридонова, членов экспедиции Охотско-Колымского краеведческого музея 1939 г. и И.С. Гурвича в 1951 г.

¹ Всесоюзная перепись населения 1959 года // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (дата обращения: 18.02.2014).

были посвящены изучению отдельных сюжетов – хозяйственной деятельности, традиционных обрядов, одежды, мифологии, фольклора юкагигов, происходящих у них этнических процессов.

Организации Юкагирской комплексной экспедиции (ЮКЭ) значительно способствовало вышедшее 16 марта 1957 г. постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». Вскоре после его опубликования руководство Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения (ИЯЛИ ЯФ СО) АН СССР выступило с инициативой проведения комплексных исследований в местах компактного проживания юкагигов. Инициатива получила поддержку со стороны Якутского филиала СО РАН, профинансировавшего исследование [3, с. 6], и ведущих профильных учреждений страны – Института этнографии и Института языкознания АН СССР, которые согласились выделить для участия в работе экспедиции своих научных сотрудников.

В состав экспедиции в результате вошли как признанные специалисты, так и исследователи, которые не так давно начали свою научную карьеру. Ее руководителем и начальником археологического отряда был назначен канд. ист. наук, директор ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР З.В. Гоголев. Научным руководителем и начальником этнографического отряда экспедиции был канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР И.С. Гурвич. Лингвистический отряд возглавлял канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР Е.А. Крейнович. Вместе с ними в исследованиях приняли участие И.М. Золотарева (Институт этнографии АН СССР), К.И. Горохов, М.Я. Жорницкая, А.Н. Лаптев и С.А. Федосеева (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР)².

Отдельно следует сказать о научном руководителе экспедиции. И.С. Гурвич (1919–1992 гг.) являлся ведущим специалистом по этнографии народов Северо-Востока Сибири. Его кандидатская диссертация (1949 г.) была посвящена оленёкским и анабарским якутам. В 1951–1954 гг., будучи тогда сотрудником ИЯЛИ ЯФ АН СССР, И.С. Гурвич проводил исследования в десяти северных районах Якутии; им были изучены различные стороны жизнедеятельности русских старожилов, северных якутов, чукчей, эвенков, эвенков и юкагигов.

Согласно программе изысканий главными задачами ЮКЭ являлись: реконструкция истории хозяйственной деятельности, культуры и быта юкагигов; изучение языка и физической антропологии данного народа с целью выяснения его этногенеза; анализ происходящих этнических процессов; исследование современного хозяйства и культуры юкагигов с последующей разработкой рекомендаций по улучшению положения населения северных районов Якутии³. Иссле-

дованиями, за исключением современной территории Чукотского автономного округа, были охвачены все районы компактного проживания юкагигов: Нижнеколымский, Аллаиховский и Верхнеколымский районы Якутской АССР, а также Среднеканский район Магаданской области (здесь изыскания ограничивались только работами И.С. Гурвича).

Из Якутска – отправного пункта экспедиции – до места исследований, а также из одного района в другой участники экспедиции добирались воздушным путем. Внутри районов они использовали местные транспортные средства – собак, оленей, лошадей, моторные лодки, катера и ветки⁴. При этом отряды работали в основном независимо друг от друга.

Этнографический отряд экспедиции, в состав которого, помимо И.С. Гурвича входили К.И. Горохов, М.Я. Жорницкая и И.М. Золотарева, начал свою работу в апреле 1959 г. в Нижнеколымском районе. Здесь были проведены изыскания в пос. Нижние Кресты (будущий Черский), селах Колымское, Туустах-Сен, Андрюшкино, Походск и Нижнеколымск и на некоторых рыбалках. Во второй половине июня – июле ученые работали в населенных пунктах Полярное (Русское Устье), Котенко и Ойотунг, оленеводческих стадах, рыбалках и заимках Аллаиховского района. Исследования в Верхнеколымском районе проводились в с. Нелемное во второй половине июля – первой декаде августа. Завершились полевые работы в конце августа в с. Балыгычан Среднеканского района Магаданской области⁵.

Методика работы исследователей включала проведение подробных опросов местного населения и особенно старожилов (одному из интервьюеров было 104 года [4, с. 78]), изучение местного архивного материала, а также анализ современной хозяйственно-бытовой практики, как юкагигов, так и соседствующих с ними русских старожилов, чукчей, эвенков и якутов⁶.

Прежде всего, ученые стремились выяснить представление информантов о традиционных занятиях древних юкагигов и выявить следы самобытной юкагирской культуры в жизни и быту названных этносов, культурные связи которых значительно переплелись за годы совместного проживания на одной территории. В ходе изысканий были определены основные и подсобные отрасли хозяйства предков тундренных юкагигов⁷; выявлены достаточно информативные особенности устройства юкагирских жилищ, одежды, охотничьих и погребальных обрядов. В частности, сравнил юкагирские и эвенские обычаи, исследователи установили такие отличительные черты, как сожжение юкагирами на

⁴ Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (далее – ИЭА) РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Л. 43.

⁵ Там же. Л. 42; Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 27–373.

⁶ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 27–54.

⁷ Тундренные юкагиры – одна из двух основных локальных групп юкагигов, проживающая в Нижнеколымском районе Якутии (самоназвание «вадулы»); вторая группа – лесные юкагиры («одулы»), сосредоточена в Верхнеколымском районе Якутии и Среднеканском районе Магаданской области.

² Архив Якутского научного центра Сибирского отделения РАН (ЯНЦ СО РАН). Д. 359. Л. 5.

³ Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202. Л. 3.

специальных помостах останков диких оленей, а также костей и шкуры оленя, везшего тело умершего к месту захоронения. Данные факты, напоминавшие практику трупосожжения, которая существовала у ряда коренных народов Арктики, сходство способов охоты и элементов традиционной одежды юкагиров и нганасан, позволили И.С. Гурвичу сделать вывод о существовавших ранее тесных контактах между юкагирскими и нганасанскими родами и наличии до прихода русских в тундровых и лесотундровых районах севера России цепи охотничье-оленьеводческих племен⁸. В конце 1980-х гг. выводы И.С. Гурвича о родстве юкагиров и нганасан были подтверждены О.Л. Посух в результате анализа генетико-демографических данных [5, с. 11].

Работа исследователей с местным населением, анализ похозяйственных списков показали «далеко зашедший» здесь процесс смешения юкагиров с эвенами и чукчами, особенно усилившийся в конце 1940–1950-х гг. Данный процесс привел к метисации практически всех юкагиров, подавляющее большинство которых ко времени экспедиции было распределено по смешанным семьям. Однако основным языком коммуникации в этих семьях являлся юкагирский⁹.

В колхозе «Турваургин» (с. Колымское) участники отряда проанализировали также лингвистическую ситуацию. Проведенный с этой целью опрос, которым были охвачены 306 чел., свидетельствовал о широком распространении явлений двуязычия и многоязычия – более четверти респондентов владели 3, 4 или 5 (русский, чукотский, эвенский, юкагирский или якутский) языками¹⁰.

Любопытными представляются наблюдения ученых о влиянии коллективизации на социальные процессы. В Нижнеколымском районе она привела, по их мнению, к интенсивному обмену культурными ценностями – восприятию чукотских приемов выпаса оленей юкагирами и эвенами, чукотской мужской одежды русскими, эвенами, юкагирами и якутами, эвенской женской – чукчами и т.п. («Можно видеть эвена в чукотской кухлянке, якутских торбазах, эвенской шапке, в темных синих очках, едущего на нарте русского типа, запряженной собаками, при современных часах, бинокле и даже с китайским термосом в багаже»)¹¹. В Верхнеколымском районе исследователи установили, что последствиями коллективизации стали значительная утрата лесными юкагирами этнической самобытности, навыков традиционных занятий охотой и рыболовством, а также обезлюдивание берегов рек Рассоха и Коркодон. Причинами этих явлений ученые назвали форсированное переселение промыслового населения в крупные поселки и переход к новым отраслям хозяйствования (животноводство, огородничество), значительно менее рентабельных в условиях Севера, чем традиционные промыслы¹².

Характеризуя состояние современного хозяйства юкагиров, участники экспедиции выявили такие изменения, как укрупнение стада оленей, строительство инфраструктурных объектов (корали, страховые ледники), развитие инструментария рыболовов, в распоряжении которых оказались моторные лодки, капроновые сети и неводы, а также появление новых предметов быта (радиоприемники, кровати-раскладушки, эмалированная посуда и т.п.). Вместе с тем было установлено, что в целом техника оленеводства и ведения охоты осталась практически неизменной¹³.

На основании полученных данных И.С. Гурвич подготовил докладную записку «О положении юкагиров, эвенов, чукчей, русских старожилов ряда районов Якутской АССР и Магаданской области» в которой нашли отражения сведения об основных социально-экономических проблемах и соответствующие рекомендации по повышению уровня жизни местного населения¹⁴.

Работы этнографического отряда в Аллаиховском, Нижне- и Верхнеколымском районах были направлены на изучение еще нескольких проблем. В ходе бесед с местными жителями К.И. Горохов собирал сведения о родоплеменной принадлежности их предков, путях кочевий и расселении по старым административным единицам древних юкагирских родов¹⁵. М.Я. Жорницкая занималась изучением традиционных танцев и игр русских старожилов, юкагиров, эвенов и чукчей¹⁶.

Важное место в работе экспедиции заняли физико-антропологические исследования, организованные И.М. Золотаревой. Они состояли, главным образом, в сборе соматологического и серологического¹⁷ материалов в Аллаиховском, Нижне- и Верхнеколымском районах.

В ходе изысканий были обследованы 159 юкагиров, а также представители чукчей, эвенов и якутов¹⁸. По итогам работы И.М. Золотарева составила характеристику строения лицевого скелета и мягких частей лица, цвета глаз, волос и кожи, роста участников исследования, распространенности у них определенных групп крови [4, с. 154–192; 6, с. 48–52].

Ранее материалы о физическом типе юкагиров собирали только Д.Л. Иохельсон-Бродская в 1901–1902 гг. [1, с. 51–61] и участники экспедиции Охотско-Колымского краеведческого музея в верховья Колымы в 1939 г.¹⁹ Исследования И.М. Золотаревой, опирающиеся на более современную методику и сильную эмпирическую базу, позволили ей прийти к выводу, что юкагиры стоят особняком среди антропологических типов северо-востока России и относятся к байкаль-

¹³ Там же. Л. 22–25.

¹⁴ Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 38. Л. 44–130.

¹⁵ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 54–67.

¹⁶ Там же. Л. 73–89.

¹⁷ Соматология – исследование антропологических признаков человеческого тела; серология – изучение различных свойств и особенностей крови.

¹⁸ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202. Л. 30.

¹⁹ Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 27. Л. 3–4.

⁸ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202. Л. 6–10.

⁹ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 38–39.

¹⁰ Там же. Л. 39–42.

¹¹ Там же. Л. 40–41.

¹² АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202. Л. 18–19.

скому типу²⁰. Данный вывод подтверждал концепцию происхождения юкагиров, которую сформулировал в начале 1950-х гг. крупнейший советский антрополог Г.Ф. Дебеч на основе изучения небольшой краниологической серии, в настоящий момент антропологическая принадлежность этноса к байкальскому типу в научном мире не вызывает сомнений.

Лингвистический отряд ЮКЭ был самым малочисленным и включал всего двух участников – Е.А. Крейновича и А.Н. Лаптева²¹.

Начальник отряда Е.А. Крейнович (1906–1985 гг.) являлся на тот момент фактически единственным крупнейшим специалистом по юкагирскому языку, в СССР. Именно языку юкагиров были посвящены защищенная в 1949 г. кандидатская диссертация исследователя и опубликованная им в 1958 г. монография. При этом Е.А. Крейнович прекрасно разбирался также в нивхском и кетском языках; ему принадлежат работы «Фонетика нивхского языка», «Глагол кетского языка», «Нивхгу (Загадочные обитатели Сахалина и Амура)». Остается только предполагать, сколько еще этот выдающийся ученый мог бы сделать для отечественной науки, не проведя почти 17 лет в колымских лагерях и енисейской ссылке [7].

В период с 3 мая по 27 июня участники лингвистического отряда проводили исследования в с. Колымское среди тундренных юкагиров, а с 1 июля по 19 августа – в с. Нелемное среди лесных юкагиров. Всего ими было подробно опрошено 7 информантов [3, с. 7].

Результаты проделанной в ходе экспедиции работы и последующего скрупулезного анализа собранных данных, которые Е.А. Крейнович аккумулировал в монографии «Исследования и материалы по юкагирскому языку», позволили ученому установить ряд ключевых характеристик и особенностей синтаксиса, морфологического строя и фонетики юкагирского языка. Впервые в истории науки осуществив глубокий анализ грамматики двух диалектов тундренных и лесных юкагиров, Е.А. Крейнович отметил их значительные лексические расхождения, а также различия в звуковом строении и внутренней структуре целого ряда слов. Кроме того, исследователь осветил проблему генетической принадлежности юкагирского языка, основу которого он отнес к уральской языковой семье [3, с. 3–272].

Лаборант лингвистического отряда юкагир А.Н. Лаптев, помимо помощи Е.А. Крейновичу в сборе необходимого материала, также составил уникальную рукописную коллекцию из 80 фольклорных текстов – юкагирских сказок, рассказов, легенд, преданий и загадок²².

К исследованиям археологического отряда, наряду со штатными членами экспедиции З.В. Гоголевым и С.А. Федосеевой, были дополнительно привлечены топограф А.Г. Степанов и один рабочий²³. Этот отряд приступил к исследованиям позже всех – с июня,

когда началось оттаивание почвы. В ходе экспедиции ученые посетили Аллаиховский, Нижне- и Верхнеколымский районы. При этом специализированные археологические исследования ранее проводились только в последних двух – в 1946 г. на их территории работала Колымская экспедиция А.П. Окладникова, в Аллаиховском же районе такие изыскания были организованы впервые.

В низовьях Колымы археологи произвели разведку в окрестностях населенных пунктов Колымское, Андрушкино, Походск и Нижние Кресты. В местности Старый город, где в XVII–XVIII вв. располагался Стадунский острог, ими был составлен план этого исторического памятника, а в береговой осыпи найдены фрагменты вооружения и предметов быта²⁴. В конце июня – июле ученые работали в Аллаиховском районе. Основной целью исследований были поиски в окрестностях с. Полярное чандалов – древних деревянных жилищ-полуземлянок, известных по работам путешественников и исследователей XVIII – начала XX вв. Принадлежность данных сооружений к какой-либо древней культуре вызывала вопросы, однако имелось мнение, что их строениями являлись древние юкагиры [8, с. 28].

Свою работу участники отряда начали с опроса местных жителей, что позволило выяснить местонахождение чандалов, а также записать предания об обитателях данных жилищ и их материальной культуре [4, с. 86–90]. По итогам опроса ученые приступили к обследованию сооружений. Удалось обнаружить целые поселения, которые насчитывали до 40 чандалов, располагавшихся на возвышенностях по берегам мелких протоков. В ходе изысканий была произведена съемка местности, составлено описание планировки обнаруженных поселений и конструкции чандалов²⁵. Основываясь на полученных данных, исследователи пришли к выводу, что в этих сооружениях проживали «пешие», т.е. оседлые, юкагиры, которые упоминались в документах XVII в. и исчезли ко времени заселения края русскими²⁶.

Другим важным результатом работы археологического отряда ЮКЭ в Аллаиховском районе стало открытие в 20 км от с. Ойотунг, расположенного в низовьях Индигирки, Бурулгинской стоянки неолитического человека. В ходе ее раскопок ученые обнаружили значительное количество каменного инвентаря (около 300 отщепов из сланца и халцедона, 8 скребков, 23 резца, 3 ножа и 36 наконечников стрел) и костного материала²⁷.

В Верхнеколымском районе исследования археологов носили рекогносцировочный характер. Здесь, как и ранее во время изысканий А.П. Окладникова, не было обнаружено никаких следов древнейших культур человека²⁸.

²⁰ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 50–53.

²¹ Там же. Л. 5.

²² Там же. Д. 34; Д. 35; Д. 36.

²³ Там же. Д. 356. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 359. Л. 8, 103–142.

²⁵ Там же. Л. 18–21.

²⁶ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202. Л. 11–14.

²⁷ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 361. Л. 10–14.

²⁸ Там же. Л. 8–9.

Наряду с рассмотренными выше работами участники экспедиции произвели запись на аудионосители образцов юкагирской речи, юкагирских, чукотских и эвенских танцевальных напевов и песен; засняли на киноплёнку танцы, езду на оленях и собаках, процесс строительства чума, а также различные бытовые сцены из жизни местного населения²⁹.

Примечательно, что ни до, ни после Юкагирской комплексной экспедиции в местах компактного проживания юкагиrow исследований такого масштаба, с привлечением ведущих специалистов, не проводилось. Именно работам ее участников мы обязаны многим из современных представлений о юкагиrow, включая сведения об их этногенезе, истории, языке, культуре и хозяйственной деятельности. Внимание ученых к различным этническим группам позволило создать широкую панораму жизни местного населения, что нашло отражение в трех фундаментальных монографиях и десятках научных статей (см. например: [3; 4; 9]). Экспедиция открыла большой научный путь И.М. Золотаревой, признанному впоследствии специалисту в области физической антропологии коренного населения Северной и Центральной Азии, М.Я. Жорницкой, ставшей крупнейшим специалистом по этнохорографу-

фии народов Севера, и С.А. Федосеевой, автору многочисленных археологических открытий на северо-востоке России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск, 2005. 666 с.
2. *Ширина Д.А.* Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725 – 1917 гг. Новосибирск, 1994. 281 с.
3. *Крейнович Е.А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982. 304 с.
4. *Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М. и др.* Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975. 244 с.
5. *Посух О.Л.* Генетико-демографическое изучение популяций звенов и юкагиrow Якутии: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 1991. 16 с.
6. *Золотарева И.М., Башлай А.Г.* Серологические исследования в Якутии // Советская этнография. 1968. № 1. С. 46–55.
7. *Роон Т.П., Сирина А.А.* Е.А. Крейнович: жизнь и судьба ученого // Репрессированные этнографы. М., 2003. Вып. 2. С. 47–77.
8. *Зензинов В.М.* Старинные люди у холодного океана. М., 1914. 134 с.
9. *Гурвич И.С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. 276 с.

Статья поступила
в редакцию 31.03.2014

УДК 94(47)“1945/1990”

А.А. ДОЛГОЛУК

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: dolgalal@mail.ru

В статье оценивается современная историографическая ситуация изучения развития строительной отрасли в Сибири зарубежными учеными. Выявлены проблемы, которые привлекли их наибольшее внимание. Проанализировано 30 иностранных публикаций, в которых в той или иной мере затрагивалась исследуемая тематика. Иностранцами авторами прослеживалась взаимосвязь капитального строительства с экономической политикой по реализации в Сибири крупных программ общегосударственного значения. Показано негативное влияние ведомственности на сдерживание инвестиционного процесса. В качестве основных факторов развития производительных сил региона ученые определяли военно-стратегические и экспортные интересы, стремление страны получить недостающие сырье и материалы, готовую промышленную продукцию и т.п.

Большой интерес проявлен иностранцами к созданию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Ими оценивается его значимость для России и мировой экономики. Другой важной проблемой, привлекавшей внимание ученых, является масштабное энергетическое строительство на великих сибирских реках – Енисее и Ангаре. Прослеживается взаимосвязь сооружения гидроэлектростанций и создания крупных промышленных узлов и территориально-производственных комплексов.

При изучении истории формирования строительных трудовых коллективов зарубежные специалисты рассматривали такие вопросы, как использование на стройках принудительного труда, оценка его масштабов, источники и формы комплектования рабочих кадров. Они обращали внимание на труд заключенных, переселенцев, военнопленных и интернированных. Из форм пополнения чаще исследовались такие, как орнабор, общественный призыв, направление в тресты выпускников вузов, техникумов и профессионально-технических училищ.

Ключевые слова: зарубежная историография, капитальное строительство, формы пополнения кадров, строители, Сибирь, освоение территорий.

²⁹ Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Л. 46.

Строительная отрасль – одна из ведущих сфер материального производства. Однако в отечественной историографии исследованию развития этой отрасли уделялось намного меньше внимания, чем промышленности и транспорту. В то же время многие зарубежные исследователи часто обращали свое внимание на капитальное строительство в нашей стране, в том числе в ее отдельных регионах. Однако пока не существует ни одной крупной работы, специально посвященной развитию строительной отрасли в Сибири. При этом во многих публикациях затрагивались различные аспекты данной проблемы. В настоящей статье предпринята попытка показать вклад иностранных исследователей в ее изучение.

Анализ зарубежных публикаций свидетельствует о значительном разнообразии мнений и выводов их авторов по поводу государственной политики освоения природных ресурсов Сибири, а также инвестиционного процесса в этом регионе. Например, американские ученые В. Моут и Т. Шабад, как и советские историки, отмечали взаимосвязь нового капитального строительства в Сибири с экономической политикой руководства страны по реализации здесь крупных региональных программ общегосударственного значения. К ним они относили такие, как создание Урало-Кузнецкого комбината, освоение уникальных гидроэнергетических ресурсов Енисея и Ангары, формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и хозяйственное освоение зоны Байкало-Амурской магистрали [1, с. 140].

Некоторые авторы справедливо отмечали негативное влияние на процесс хозяйственного освоения региона ведомственности, создающей диспропорции в развитии индустриальной и социальной сфер в Сибири. Об этом в своей книге «Сталинская командная экономика» писал английский советолог Т. Данмор [2, с. 98]. Он отмечал, что министерствам было удобнее вести капитальное строительство в европейских районах СССР. Здесь не требовалось дополнительных затрат на создание производственной и социальной инфраструктур. Как следствие, ведомства очень часто пересматривали свои инвестиционные программы в ущерб восточным районам.

В ряде работ говорится о том, что ускоренное развитие Сибири в послевоенные годы определялось потребностями народного хозяйства СССР в природных ресурсах региона, а также в его промышленной продукции. В то же время такие авторы, как В. Конолли, П. Дибб, Э. Стенли, Д. Хузон, в качестве причин ускоренного наращивания инвестиционной деятельности в Сибири выделяли также экспортные интересы СССР, стремление страны получить финансовую выручку от продажи за рубеж нефти, газа, леса и других материалов [3, с. 46, 47; 4, с. 13; 5, с. 69, 94, 113; 6, с. 124, 125]. Гораздо реже эти и другие авторы обращали внимание на основную причину – каждая из крупных общегосударственных инвестиционных программ была направлена на освоение отдельных территорий, на их превращение в новые индустриальные центры страны.

К вопросу о взаимоотношениях центра и регионов, включая Урал, Сибирь и Дальний Восток, зарубежные исследователи вернулись в 1980-е и последующие годы, когда им стали доступны советские архивы. Теперь они смогли более аргументированно показать как процесс перераспределения капитальных вложений в СССР в разные исторические периоды, так и влиявшие на него различные факторы. В частности, авторы отмечали возрастание доли восточных районов в общей сумме инвестиций, упоминали о существовавшей в стране практике обеспечения новостроек трудовыми ресурсами [7; 8; 9].

В ходе анализа сибирской экономики зарубежные ученые особо пристальное внимание уделяли развитию нефтяной и газовой промышленности, а также электроэнергетике. Их интерес вполне объясним. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс создавался с беспрецедентной скоростью. Капитальные затраты на обустройство, эксплуатацию месторождений, сооружение нефте- и газопроводов, развитие других транспортных коммуникаций, создание новых населенных пунктов, в том числе и городов, росли стремительно. Это позволило превратить Север Западной Сибири в главную нефтяную, а затем и газовую базу РСФСР и СССР. На основании анализа зарубежной литературы можно говорить об очевидных успехах в освоении сибирской нефти, которые поначалу многими учеными и специалистами воспринимались скептически. Например, Т. Армстронг правильно оценивал необходимость огромных инвестиций для успешного освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. Он считал, что Советский Союз, с учетом отдаленности и неразвитости в хозяйственном отношении северных районов Тюменской области, был не в состоянии обеспечить грандиозный проект достаточным количеством инвестиций, а, следовательно, и крупномасштабную добычу нефти [10, с. 18]. Вскоре многие западные исследователи – В. Конолли, Т. Шабад, Л. Дайнес и др. – изменили свои взгляды [11, с. 260; 12, с. 17]. Более того, отдельные авторы с восторгом отнеслись к советскому опыту формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Так, американский специалист Дж.С. Джордж оценивал развитие Тюменского Севера во второй половине 1960-х гг. как «индустриальный взрыв». Он обратил внимание на сложности ведения в регионе инвестиционной деятельности, что было обусловлено отсутствием дорог, заболоченностью местности, суровостью природно-климатических условий, дефицитом кадров, необходимых для ведения крупномасштабного строительства [13, с. 50, 54].

Большой интерес у зарубежных авторов вызывала тема гигантского энергетического строительства в Сибири в послевоенные годы. Гидроэлектростанции на Ангаре и Енисее в период их сооружения посещали помимо делегаций из социалистических стран политики, инженеры, журналисты из развивающихся и капиталистических государств. Поначалу в западной прессе высказывалось много скептицизма о возможностях Советского Союза построить самые мощные для того

времени станции. Однако со временем некоторые изменили свое мнение.

Для многих советологов стало очевидным, что роль и значение крупных сибирских ГЭС не ограничивается лишь производством электроэнергии. Они становились катализатором индустриального развития слабоосвоенных в хозяйственном отношении районов. Одной из первых такой вывод сделала В. Конолли [3, с. 79]. И действительно вокруг мощнейших гидроэлектростанций возникали крупные промышленные узлы. Некоторые из них со временем переросли в территориально-производственные комплексы, такие как Братско-Усть-Илимский или Саянский. В первую очередь возведение ГЭС сопровождалось возведением энергоемких предприятий. Американский сибиревед Т. Шабад заметил, что в Сибири были построены самые мощные алюминиевые заводы (Иркутский, Братский, Красноярский, Саянский). Их общая мощность составила более половины от суммарной по СССР [14, с. 143].

Позицию Т. Шабада и В. Конолли разделяли не все советологи. Например, Т. Армстронг и Д. Хузон не хотели замечать высокой эффективности возведенных в Сибири крупнейших гидроэлектростанций, производящих дешевую электроэнергию. Они считали, что Советский Союз строил самые высокие для того времени плотины исключительно из честолюбивых амбиций, негласно соревнуясь в этом отношении с другими странами, в том числе с США [10, с. 23; 6, с. 85]. Конечно же, нельзя полностью игнорировать идеологическое и политическое значение сооружения одних из крупнейших в мире Братской, Красноярской, Саяно-Шушенской и Усть-Илимской гидроэлектростанций. Они наряду с некоторыми другими крупными объектами стали символами индустриальной мощи страны «победившего социализма», свидетельствовали о больших достижениях СССР в капитальном строительстве, машиностроении и в некоторых других сферах.

Зарубежные сибиреведы не обошли своим вниманием и проблему формирования трудовых коллективов строительных организаций. В этом плане их более всего интересовали вопросы социальных источников и форм пополнения трестов рабочими кадрами. В те годы, когда концепция «принудительного труда» в советской историографии почти не затрагивалась, иностранные исследователи, наоборот, ее активно разрабатывали, однако не всегда объективно. Они справедливо отмечали широкие возможности для сибирской экономики в использовании труда заключенных и спецпереселенцев в 1930–1950-е гг. Не имея возможности работать с соответствующими архивными фондами, зарубежные авторы приводили данные о численности этих «спецконтингентов», зачастую различающиеся между собой в несколько раз.

По мнению автора, умалять значение принудительного труда в хозяйственном освоении Сибири в середине XX в. не следует, хотя нельзя считать его ведущим фактором экономического прогресса региона, как его оценивали Т. Армстронг, Х. Солсбери [10,

с. 25; 15, с. 167]. В целом доля принудительного труда в сибирской экономике не достигала и десятой части. Однако на отдельных крупных стройках, прежде всего на сооружении транспортных коммуникаций, действительно использовались десятки тысяч представителей различных «спецконтингентов». Полярная магистраль возводилась преимущественно заключенными. На строительстве железной дороги Тайшет – Братск к ним добавились японские военнопленные.

Правительству страны было удобно использовать такую «рабочую силу» на подобных стройках из-за ее мобильности. В этом отношении были правы американцы Т. Шабад и В.Л. Моут, когда они оценивали подневольные трудовые ресурсы миллионами человек (в начале 1950-х гг. – более 5 млн. – А. Д.). Эти авторы писали, что заключенные использовались на территориях с суровыми природно-климатическими условиями, в которые, по их мнению, привлечь десятки тысяч добровольцев было просто невозможно. Они отмечали и такое качество «спецконтингентов», как возможность быстро передислоцировать большие массы людей с одного места на другое [1, с. 14].

Учитывая факт наличия в Советском Союзе многотысячных контингентов заключенных, спецпереселенцев и других категорий, английский советолог Р. Хатчингс писал, что он не представляет себе крупномасштабного индустриального строительства в Сибири на основе свободного труда [16, с. 293]. Такое утверждение не верно даже для периода 1930–1955 гг., когда в СССР существовала широкая сеть лагерей и спецпоселений. Уже с 1956 г. численность «спецконтингентов» стала быстро сокращаться. Поэтому для второй половины XX в. указанный вывод в принципе не верен. Уже на строительстве Братской и Красноярской гидроэлектростанций труд заключенных использовался в ограниченных размерах, как и на сооружении важнейших объектов закрытых городов: Томск-7, Красноярск-26, Красноярск-45 и на многих других стройках. С 1955 по 1970 г. численность вольнонаемных строителей выросла в 2 раза и достигла 657 тыс. чел. [17, с. 148]

Некоторые из сибиреведов откровенно предвзято интерпретируют сущность такой массовой формы пополнения строительных коллективов, как общественный призыв. Разброс в ее оценках достаточно большой. Одни из авторов видели причины приезда молодых людей на новостройки в поиске приключений, другие – в конфликте поколений и т.п. Пожалуй, наиболее реакционную позицию занимал Х.Э. Солсбери. Он бездоказательно утверждал, что большая часть юношей и девушек поехала в восточные районы под давлением государственных структур, а также потому, что молодые люди «были несчастны и разочарованы жизнью и искали любую новую альтернативу скуке», которую они испытывали на прежнем месте [15, с. 138]. На самом деле, как свидетельствовали данные социологических обследований, причины приезда были совсем другие. Например, среди приехавших на строительство Усть-Илимской и Саяно-Шушенской

гидроэлектростанций примерно трое из четырех указывали в качестве основных причин желание участвовать в большом и важном деле, в стремлении повысить свою рабочую квалификацию [18, с. 187; 19, с. 106].

Большой интерес иностранные исследователи проявляли к изучению вопроса использования принудительного труда в СССР, в частности в Сибири. Одной из первых работ, заложившей основу данному направлению, стала книга Д. Далина и Б. Николаевского «Принудительный труд в Советской России». В этой книге, вышедшей в США [20] в 1949 г., т.е. тогда, когда численность содержащихся в ГУЛАГе приблизилась к своему наивысшему значению, были сделаны попытки охарактеризовать советскую лагерную систему, провести периодизацию в развитии сети исправительно-трудовых лагерей в СССР, в изучении географии ее размещения.

Несколько позднее аналогичные сюжеты были представлены в публикациях С. Шварца, Б. Яковлева, А. Бурцова, А. Ноува [21; 22; 23]. Однако для проведения глубокого и объективного анализа авторам работ явно не хватало источников. К тому же появление этих книг преследовало не только научные, познавательные цели, но также решение определенных политических и идеологических задач. Поэтому в них было много неточностей, неверных оценок и выводов. Начиная с середины 1980-х гг. как для российских, так и для зарубежных историков стали доступны ранее закрытые материалы. Поэтому уже вскоре появились новые работы иностранных авторов [24; 25; 26; 27; 28].

Во всех этих работах ученые из США, Великобритании, Германии и других стран на основе большого массива ранее секретных архивных фондов ОГПУ, НКВД, МВД СССР раскрывают масштабы и структуру лагерной экономики. Изучаются методы организации и стимулирования принудительного труда, оценивается его эффективность. Большое внимание уделяется выявлению особенностей использования труда различных «спецконтингетов» в восточных районах, где они занимали особенно высокую долю в общем трудовом балансе, в частности на сибирских стройках.

Взросшая доступность архивных источников, включая опубликованные документы, позволила иностранным историкам начиная с 1980-х гг. вновь обратиться к проблемам положения военнопленных в СССР [29; 30; 31; 32; 33]. Во многих этих работах затрагивалась вопросы правового положения, трудового использования военнопленных и интернированных, в том числе на сибирских стройках. Наибольшее внимание уделялось таким аспектам, как условия и организация труда, его стимулирование, эффективность, продолжительность рабочего дня.

Таким образом, зарубежные исследователи внесли свой вклад в освещение истории развития строительной отрасли в Сибири. Они значительно расширили палитру взглядов на государственную инвестиционную политику СССР и методы формирования трудовых коллективов. Объектами их наиболее пристального внимания являлись крупнейшие проекты, имеющие

общегосударственное значение, такие как ангаро-енисейская программа, формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, сооружение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shabad T., Mote V.L.* Gateway to Siberian Resources (the BAM). Wash.: Halsted Press Book, 1977. 189 p.
2. *Dunmor T.* The Stalinist Command Economy: The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945–53. L., 1980. 364 p.
3. *Conolly V.* Siberia today and tomorrow. A study of economic resources: problems and achievements. Glasgow, 1975. 248 p.
4. *Dibb P.* Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects. N. Y.: Praeger. 1972. 167 p.
5. *Stenley E.J.* Regional Distribution of Soviet Industrial Manpower. 1940–1960. N. Y.; Wash., 1968. 218 p.
6. *Hooson D.J.* The Soviet Union: People and Regions. L., 1966. 215 p.
7. *Harris J.R.* The Grate Ural regionalism and the evolution Soviet System. N. Y.: Ithaca, 1999. 236 p.
8. *Lewing M.* Russia / USSR / Russia. The drive and drift of a superstate. N. Y.: New Press: Distributed by W.W. Norton and Co, 1995. 329 p.
9. The transformation of state socialism. System change, Capitalism or something else? / ed. D. Lane. Palgrave MacMilan, 2007. 378 p.
10. *Armstrong T.* Soviet northern development, with some Alaskan parallels and contrasts. Fairbanks: University of Alaska. ISEGR. 1970. 237 p.
11. *Conolly V.E.* Beyond the Ural. Economic development in Soviet Asia. L.: Oxford Univ. Press, 1967. 420 p.
12. *Dienes L., Shabad T.* The Soviet energy system: resource use and policies. Wash.: V.H. Winston and Sons, 1979. 461 p.
13. *George G.S.* Siberia – the New Frontiers. N. Y.: David McKay Co. Inc., 1969. 234 p.
14. *Shabad T.* Siberia and the Soviet Far East: policies in energy and raw materials sectors: a commercial assessment // Regional development in the USSA. Brussels, 1979. P. 132–150.
15. *Salisbury H.E.* To Moscow – and beyond. A reporter's narrative. L.: Michael Joseph, 1960. 301 p.
16. *Hutchings R.* Soviet economic development. Oxford: Basil Blackwell, 1971. 322 p.
17. *Долголюк А.А.* Сибирские строители в 1946–1970 гг. Новосибирск, 2013. 476 с.
18. *Алексеев В.В.* Электрификация Сибири. Историческое исследование. Новосибирск, 1976. Ч. II: 1951–1970 гг. 272 с.
19. *Зубков К.И.* Современная буржуазная историография индустриального развития Сибири (1950–1980-е гг.). Новосибирск, 1990. 162 с.
20. *Dallin D.F., Nicolaevsky B.* Forced Labor in Soviet Russia. New Haven, 1947. 107 p.
21. *Schwarz S.* Russia's Soviet Economy. 2nd ed. N. Y., 1954. 682 p.
22. *Яковлев Б., Бурцов А.* Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен, 1955. 287 с.
23. *Nove A.* The Soviet Economy: An Introduction. L., 1961. 328 p.
24. *Конквест П.* Большой террор: в 2 т. Рига: Ракстниекс, 1991. 416 с. + 432 с.
25. *Bacon E.* The GULAG at War: Stalin's Forced Labor System in the Light of the Archives. L., 1994. 190 p.
26. *Bardach J., Kathleen G.* Man. Is Wolf To Man: Surviving the Gulag. Berkely: Univ. of California Press, 1999. 392 p.
27. *Kuromiya H.* Stalin's Industrial Revolution. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. 392 p.
28. *Mochulsky A., Vasilevich F.* Gulag Boss: A Soviet Memoir. Translated and edited by Deborah Kaple. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2011. 229 p.

29. Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion: 1941–1956. Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen: Klartext-Verl., 2000. 417 s.

30. Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion, 1941–1956. Wien; München; Oldenburg, 1995. 269 s.

31. Карнов В.В. Бранці Сталіна. Сибірське інтернування японської армії. (японською мовою) / пер. Рьодзі Нагасе. Хоккай-до, 2001. 373 с.

32. Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. München, 1986. 359 p.

33. Overmans Rüdiger. Soldaten hinter Stacheldraht. Deutsche Kriegsgefangene des Zweiten Weltkriegs in Zusammenarbeit mit Ulrike Goeken. Haidi; Berlin: München Propylaen Verlag, 2000. 385 s.

Статья поступила
в редакцию 27.02.2014

УДК 069

Е.А. ВОРОНЦОВА

МУЗЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
научный редактор Государственного
литературного музея (ГЛМ),
г. Москва
e-mail: eworonzowa@mail.ru

Цель статьи – привлечь внимание к теоретико-методологическим вопросам, важным для понимания места музея в системе информационного обеспечения исторической науки, а именно: музей как один из базовых элементов информационной инфраструктуры исторической науки; структурирование и систематизация музейных фондов с учетом нужд науки; собрания в литературных музеях как источник информации для историка литературы и культуры; использование информационных технологий с учетом специфики коммуникации научного и музейного сообществ (взаимосвязи и взаимоотторжения); репрезентация информационного потенциала музеев и т.д.

Автор подходит к информационному обеспечению как со стороны технологий, так и с учетом содержательного наполнения. Музей и наука рассматриваются как партнеры, включенные в информационный процесс каждый по-своему и необходимые друг другу в процессе добывания, сохранения и репрезентации информации. Исторической науке нужны информационные ресурсы музея, его экспозиции (как площадки для репрезентации научного знания обществу), причем наиболее востребованы информационные ресурсы исторических музеев. Музею историческое знание необходимо для научного обоснования принципов комплектования, систематизации и каталогизации фондов, повышения информационной отдачи музейных собраний, создания экспозиций и выставок, отвечающих требованию репрезентативности.

Очертив круг вопросов теории и методологии как исторической науки, так и науки о музее (музееведения), значимых для совершенствования научных оснований информационного обеспечения и исторической науки, а также деятельности музеев, автор констатирует: потенциал их полезности друг другу использован пока недостаточно; в информационном обществе информационное обеспечение стало еще более значимым фактором развития исторической науки, и возросшая роль коммуникации и репрезентации информации потребовала от музея облегчить историкам доступ к своим собраниям, прибегнув наряду с традиционными к инновационным способам.

Ключевые слова: историческая наука, информационное обеспечение, информационный ресурс, музей, исторический музей, музееведение, исторический источник, музейный предмет, репрезентация, научные коммуникации.

Для понимания теоретико-методологических проблем, связанных с эффективным взаимодействием исторической науки и музея как информационных партнеров, актуальным представляется обсуждение, в том числе на профильных конференциях¹, следующих вопросов: музей как базовый элемент информационной

инфраструктуры исторической науки; музейное собрание как информационный ресурс этой науки, структурирование и систематизация музейных фондов с учетом ее нужд; технологии извлечения информации из музейных предметов в прошлом–настоящем–будущем; репрезентация информационного потенциала музеев; специфика коммуникации научного и музейного сообществ.

Исследование музея как элемента системы информационного обеспечения исторической науки для автора является «возвратом» (термин Тойнби) к проблеме сосуществования в информационном поле ис-

¹ 29 сентября – 3 октября 2014 г. в Новосибирске, в Институте истории Сибирского отделения РАН в рамках II Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» под руководством автора статьи планируется работа секции «Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки».

торической науки и музея (после 15-летнего «ухода») [1, с. 8–16; 2, с. 214–215; 3, с. 249–251; 4, с. 231–235; 5, с. 235–251; 6, с. 218–226; 7, с. 221–225], но теперь – со стороны исторической науки [8, с. 487–505; 9; 10].

Информационное обеспечение исторической науки (определение см.: [8, с. 488, сн. 6]) изначально входило в число базовых факторов, определявших ее развитие, управление ею, ее самоорганизацию и саморегуляцию на основе саморефлексии. При таком подходе на первый план в деятельности по приращению научного знания выходят смысл, а технологии логично занимают место формы. От того, что профессионалы думают о «своей» науке и ее задачах, зависит, какую информацию и как они ищут, анализируют [см.: 11; 12; 13; 14; 15]; от адекватности информационного обеспечения решаемым исследовательским задачам, эффективности научных коммуникаций, полноценности кооперации усилий производителей, хранителей и потребителей научной информации, системности актуализации информационного потенциала исторических источников (в музее – музейных предметов) зависит развитие самой науки по восходящей или нисходящей линии.

Функции музея и науки как социальных институтов обусловили и их необходимость друг для друга, и автономность. Ориентированная на формирование научной картины мира деятельность по поиску, сбору, анализу информации имела следствием ее аккумуляцию в информационных ресурсах, в том числе в музейных собраниях. Вместе с тем музей, одна из основных функций которого – функция документирования, прежде всего предназначен для сохранения (путем изъятия из среды бытования с целью передачи последующим поколениям) и репрезентации (обществу, конкретной «страте», субъекту) не информации как таковой, а историко-культурного наследия – культурных и природных объектов, осознаваемых как ценность.

Историческая наука и музеи, документирующие процесс развития человечества, являются самостоятельными, высокоорганизованными системами. Они тесно связаны, отчасти наложены друг на друга, каждая по-своему включены в информационный процесс. Общее в акте их коммуникации – освоение познающим субъектом всего массива накопленной и осмысленной информации и достижение им на этой основе понимания природы, общества, своего места в мире. Специфика коммуникации определяется тем, что историческая наука выступает в роли поставщика информации, добываемой из исторических источников, и одновременно потребителя информации, хранимой музеем, а музей – в роли «хозяина» необходимого исторической науке информационного ресурса и институции, аккумулирующей информацию и актуализирующей культурное наследие в форме музейного предмета, коллекции, музейного собрания.

В информационном обеспечении своей деятельности каждая из этих институций нуждается в другой. Исторической науке нужны сам музей (место комму-

никации познающего субъекта и источника информации), музейные собрания (информационные ресурсы, в которых происходит специфическое взаимодействие источников как музейных предметов, дающее исследователю материал для умозаключений), постоянные экспозиции и сменные выставки (площадка для репрезентации научного исторического знания всему обществу, что особенно важно в процессе обучения новых поколений исследователей. Уникальность музея заключается в том, что здесь в процессе передачи (трансляции) знаний к силе слова (вербальная составляющая) добавляются сила изображения (визуальная составляющая), сила звука (аудиосоставляющая), сила соприкосновения с трехмерным предметным рядом (тактильная и пространственная составляющие).

Музею историческое знание, полученное в результате научной деятельности, необходимо: для научного обоснования принципов комплектования, систематизации и каталогизации фондов (в условиях постоянного нарастания скорости поступления и объема информации, разнообразия меж- и полидисциплинарных связей, качественных изменений субъекта информационного процесса – потребителя информации); формирования структуры музейных собраний, оптимальной с точки зрения повышения их информационной отдачи; создания экспозиций и выставок, отвечающих требованию репрезентативности. Правильно и в полной мере примененное научное знание помогает музею оставаться востребованным обществом, а на современном этапе востребованность – это вопрос выживания всех социокультурных институтов.

Взаимодействие научных дисциплин из комплекса исторических наук и разных групп музеев характеризуется разной теснотой взаимосвязей и специфическими чертами. Исторической наукой в лице ее субъектов (историков) наиболее востребованы в качестве информационных ресурсов собрания группы исторических музеев [16, с. 233–237]: это – музеи общеисторические (документируют историю человечества во всем ее разнообразии и на всем протяжении); по региональной и локальной истории (в России – историко-краеведческие музеи); археологические; этнографические; по истории науки и конкретных областей научного знания.

Взаимодействие субъекта процесса исторического познания и необходимых ему информационных ресурсов, хранимых в государственных музеях (в России это – музеи системы Министерства культуры РФ, в настоящее время не относящиеся к учреждениям науки), регулируется государством с помощью законодательства. Другой механизм регулирования – практика допуска исследователей к музейным фондам и репрезентации музейных собраний данной категории пользователей, имеющей специфику. Так, историкам для решения исследовательских задач недостаточно музейных экспозиций по истории, и даже оцифровка музейных коллекций не снимает этой проблемы.

Несколько иначе осуществляется вышеуказанное взаимодействие в музеях, находящихся в систе-

ме науки. По принципу принадлежности это – ведомственные, а по основной выполняемой функции – научно-исследовательские музеи, обеспечивающие жизнедеятельность науки (в том числе исторической) как самовоспроизводящейся и саморазвивающейся системы (отсюда большее внимание к фондам). Ее потребностями и было вызвано появление и развитие данной разновидности музеев, ими оно определяется и по сию пору. Этим музеям принадлежит важная роль в информационно-справочном обеспечении науки, в актуализации научного знания и в обеспечении нормального течения процесса научного познания. Тесная связь с организацией-учредителем способствует системному пополнению собрания наиболее информативными музейными предметами.

Значимый аспект проблемы информационного обеспечения и исторической науки, и деятельности музеев – его научные основания. И здесь мы выходим на вопросы теории и методологии исторической науки и науки о музее (музееведения). Потенциал их полезности друг другу использован еще недостаточно. И пока это в большей мере движение от исторической науки к музееведению: «Связь музееведения с кругом исторических дисциплин (историей, археологией, этнографией и др.) несомненна. Важными направлениями музееведческих исследований являются исследования по истории музееведения и истории музейного дела. Конечно же, для установления закономерностей развития музея и музейного дела музееведение использует тот арсенал средств, которым располагает историческая наука. В свою очередь, результаты, полученные музееведением в этих областях, обогащают историю» [3, с. 250].

Особого внимания заслуживает вопрос о взаимоотношениях музееведения с источниковедением, специальными и вспомогательными историческими дисциплинами. Подходя к музейному предмету как средству научного познания, эмоционального освоения мира и коммуникации, музееведение рассматривает отношения, в которые музейные предметы вступают в процессе формирования музейного собрания. Это накладывает существенный отпечаток на оценку музейного собрания как информационного ресурса. Применение такого подхода к историческому источнику способно увеличить информационный потенциал и конкретного источника, и их совокупности.

Говоря об информационных ресурсах как факторе информационного обеспечения исторической науки на современном этапе, нельзя обойти вопрос о роли в этом плане исторической и музейной информатики. Следствием бурного развития исторической информатики, генетически связанной с источниковедением и применением количественных методов в исторических исследованиях, было формирование массива разнообразных электронных баз данных и даже информационных систем [17, с. 6–17; 18, с. 147–150; 19, с. 3–22; 20; 21, с. 151–161].

Важным направлением в рамках этой дисциплины стало изучение природы, специфических черт и

информационного потенциала документов, изначально возникающих в цифровой форме и существующих в сети Интернет. Симбиоз исторической науки и информатики сделал возможным переход последней от внешней экспансии к интенсивному развитию в сфере исторического знания. Достигнутая с помощью исторической информатики большая доступность информации оказала влияние на постановку исследовательских задач и организацию исторических исследований. Во взаимных отношениях музееведения и музейной информатики такого пока не произошло. Музейная информатика по-прежнему в большей мере сосредоточена на адаптации информационных технологий к нуждам описания музейных предметов и воспроизведения их изображений, одной из самых значимых для нее задач является унификация структуры такого описания (см.: [22, с. 36–39; 23]). Мне не известны площадки, на которых представители исторической и музейной информатики собирались бы специально для обсуждения общих для них задач.

В репрезентации и трансляции информации, в анализе текстов, отражающих саморефлексию исторической науки и музееведения и являющихся результатом рефлексии историков и музееведов в поле их профессиональной деятельности, особую роль играет историография. Предшествующая историография для исследователя – точка отсчета для работы собственной мысли, для выдвижения собственных идей в отношении конкретных проблем, исторической науки и музееведения как целостностей [см.: 11; 12; 13; 14, с. 18–40]. При таком взгляде на эту дисциплину логичным представляется предположение об исторической экспозиции как особом типе историографического исследования. Справедливо ли оно, покажут дальнейшие исследования.

К сожалению, историографических трудов, посвященных тем проблемным полям, где переплетаются интересы науки об истории и науки о музее, крайне мало. Первой такой «ласточкой» был сборник «Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев» [24], представляющий собой результат творческого содружества ГИМ, сектора музейной энциклопедии Российского института культурологии и исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Рассмотрению проблемы исторических экспозиций в контексте современного состояния исторической науки соответствовала и структура сборника, включающая разделы: I. «Национальная идея, нравственный идеал, ответственность историка и экспозиционера»; II. «Поиски концепции: историческая наука и музейное дело России»; III. «Историческая экспозиция: проблемная ситуация, поиски и находки». Близкими по «идеологии» можно считать сборники «Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период» [25] и «Роль музеев в формировании исторического сознания» (разделы «Исторические экспозиции в региональном и национальном контексте» и «Современный музей: между обществом и наукой» [26]).

С наступлением информационной эпохи информационное обеспечение стало еще более значимым фактором развития исторической науки: количественное наращивание информации способствовало обретению научным знанием иного качества; возросли скорость создания и движения информации, изменились способы ее получения и методы работы с нею; информационные сети придали информационному полю глобальный характер; технические возможности, процессы интеграции позволили мобилизовать на решение исследовательских задач потенциал всей науки. «Формирование новой информационной среды (маштабных информационных ресурсов и информационной инфраструктуры) привело к появлению принципиально новых возможностей работы с информацией» [8, с. 492] в музее, к существенным трансформациям его функций. Возросла роль коммуникации и репрезентации информации, что потребовало от музея облегчить историкам доступ к музейным собраниям, используя наряду с традиционными также инновационные способы (информатизации и виртуализации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова Е.А. Историческая наука и музей: «нам не жить друг без друга» // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. М., 2002. С. 8–16.
2. Воронцова Е.А. Диалог культур в музее // Третий Международный философский симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток-Запад»: тез. докл. и выст. М., 1997. С. 214–215.
3. Воронцова Е.А. Музееведение в системе наук // Музейное дело России / под ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М., 2003. С. 249–251.
4. Воронцова Е.А. Музейное источниковедение // Музейное дело России / под ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М., 2003. С. 231–235.
5. Воронцова Е.А. Классификация музеев // Музейное дело России / под ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М., 2003. С. 235–251.
6. Воронцова Е.А. Ведомственные музеи: задачи управления и нормативного регулирования // Культура российской провинции: век XX – XXI века: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Калуга. 23–26 мая 2000 г. Калуга, 2000. С. 218–226.
7. Воронцова Е.А. Музеи в системе науки // Культурные миры: Материалы науч. конф. «Типология и типы культур: разнообразие подходов (20–22 марта 200 г., Москва)». М., 2001. С. 221–225.
8. Воронцова Е.А., Гарскова И.М. Информационное обеспечение российской исторической науки в информационном обществе: современное состояние и перспективы // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 5. С. 487–505. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9811.
9. Бородин Л.И., Воронцова Е.А., Мироненко С.В. Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 572–577.
10. Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сб. материалов Междунар. науч. конф., посв. 150-летию открытия для публики Чертковской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. (в печати).
11. Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005.
12. Савельева И.М., Полетаев А.В. История в пространстве социальных наук // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 3–15.
13. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. М., 2008.
14. Согрин В.В. Перестройка в исторической науке и диалог с зарубежной историографией // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989. Вып. 1. С. 18–40.
15. Рашковский Е.Б. Смыслы в истории: исследования по истории веры, познания, культуры. М., 2008.
16. Фролов А.И., Игумнова Т.Г. Исторические музеи // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. С. 233–237.
17. Аникеев И.А., Покасов В.Ф. Историческая информатика в России и за рубежом // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 6–17.
18. Бородин Л.И. Историко-ориентированные тематические сайты: источниковедческие аспекты разработки контента // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 147–150.
19. Бородин Л.И. Историческая информатика: этапы развития // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 3–22.
20. Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. Геттинген, 1994.
21. Гарскова И.М. Источниковедческие проблемы исторической информатики // Российская история. 2010. № 3. С. 151–161.
22. Ноль Л.Я. 30 лет информатики в российских музеях // Музей. 2007. № 1. С. 36–39.
23. Ноль Л.Я. Информационные технологии в деятельности музея: учеб. пособие. М., 2004.
24. Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / Идея – Е.А. Воронцова; сост., науч. ред. – Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина. М., 2002.
25. Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период. СПб., 2009.
26. Роль музеев в формировании исторического сознания: Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 25–28 апреля 2011 года). Материалы и доклады. М., 2012.

Статья поступила
в редакцию 21.04.2014

УДК 908

А.В. КИСЕЛЕВ

РОЛЬ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ XVIII в. В СТАНОВЛЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Значимость отечественного краеведения в сохранении и воспроизводстве социокультурных ценностей актуализирует проблемное поле методологической и историографической рефлексии изучения родного края. Отечественное краеведение располагает обстоятельной историографией, но процесс зарождения краеведческого знания России и его теоретико-познавательные основания не получили еще достаточного освещения, в том числе монографического.

В статье на основе геоисторического подхода анализируется роль академических экспедиций XVIII в. в становлении отечественного краеведения и значение онтологически-познавательной стратегии историко-краеведческих исследований этого периода. Необходимость комплексного исследования страны подвигнула реформаторский гений Петра Великого к созданию Санкт-Петербургской Академии наук, которая стала основным истоком новой русской науки. Становление отечественного краеведения происходило в формате главного исследовательского проекта академического сообщества – составление генеральной карты державы. Центральное место в естественно-исторических изысканиях заняла восточная окраина – Сибирь, для обследования которой направлялись Камчатские экспедиции.

Монадология Г.В. Лейбница и логико-математические принципы гносеологии Х. Вольфа стали теоретико-методологическим основанием для экспедиционных изысканий, которые реализовали на территории восточной окраины концепцию геоисторического познания отдельных областей, т.е. краеведческое исследование. Локальный геоисторический параметр приобрел академический статус и общегосударственный характер в ходе Второй Камчатской экспедиции и наиболее целостно проявился в историко-краеведческих исследованиях Г.Ф. Миллера и С.П. Крашенинникова.

Рожденная в «недрах» Санкт-Петербургского академического сообщества историко-краеведческая практика унаследовала классические научные и научно-организационные принципы высшего учреждения России.

Ключевые слова: краеведение, Академия наук, методология, логико-математическая модель, монадология, школа эрудитов, Сибирь, Вторая Камчатская экспедиция.

Действенным механизмом, обеспечивающим стабильность цивилизационного развития России в условиях глобального мира, выступает отечественное краеведение, исключительный опыт которого в сохранении и воспроизводстве социокультурных ценностей на локальном уровне актуализирует проблемное поле методологической и историографической рефлексии изучения родного края.

Отечественным краеведением вопрос о начале изучения местного края осознан в период «золотого десятилетия» (1917–1929 гг.), он связывался с первыми научными изысканиями Санкт-Петербургской Академии наук [1]. В советском краеведении историографическая тема представлена сжатыми очерками [2], и только активно развивающееся краеведческое движение в конце XX в. возобновляет осмысление своего опыта [3,4,5]. О традиции тесной взаимосвязи изучения родного края и академической науки говорил патриарх возрождающегося краеведческого движения академик С.О. Шмидт, который подчеркивал исключительную роль таких виднейших ученых середины XVIII в., как В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер, М.В. Ломоносов, в обретении, закреплении и распространении краеведческих знаний [6]. Краеведческая историография в настоящий период представлена исследованиями методологической направленности, а также трудами, посвященными развитию исторического краеведения в конкретном регионе в XVIII–XX вв. [7,8,9].

Отечественная историческая наука, располагающая всесторонним анализом творческого наследия Российской академии наук и первых академиков, рассматривала краеведческий подход вскользь, не отрицая при этом научного значения местной исторической проблематики и необходимости ее серьезного изучения [10,11,12]. Историографическая ситуация локального познания стала изменяться с восстановлением доброго имени и признанием основополагающего вклада в научное открытие Сибири академика Г.Ф. Миллера [13,14], пристальный интерес которого к «яснейшему знанию мест» положил «начало русских участных историй» [15]. Именно академик Герард Фридрих Миллер впервые в отечественной исторической науке употребил термин «местная история» [16]. Он является автором первого опубликованного научного описания Москвы [17,289] и цикла статей по истории Коломны, Можайска, Рузы, Звенигорода, Дмитрова и т.д. [18].

Продуктивно краеведческие знания XVIII в. осмыслены с позиций хронологического подхода отечественной географической наукой, становление которой происходило в русле региональной концепции В.Н. Татищева [19]. Актуализирует первичные историко-краеведческие изыскания проблемное поле вспомогательной исторической дисциплины – историческая география, локализация которой исторического процесса восходит к историографии школы эрудитов XVII–XVIII вв., составлявших выверенные

работы по местной истории графств, княжеств, провинций, городов [20].

Итак, отечественное краеведение располагает обстоятельной историографией, но процесс зарождения краеведческого освоения пространства России и первые достижения краеведческой мысли, ее теоретико-познавательные основания еще не получили монографического рассмотрения. Историографический опыт свидетельствует о результативности геоисторического подхода, преодолевающего монополию классического историописания на «время», вытесняющее пространство. Современная гуманитаристика должна компенсировать «утерю» социального пространства возвращением в исследовательское поле пейзажа, ландшафта, территориальности [21].

В предложенной статье анализируется роль академических экспедиций XVIII в. в становлении отечественного краеведения, рассматривается статус онтологически-познавательной стратегии историко-краеведческих исследований этого периода на основе геоисторического подхода, эвристический потенциал которого может быть полноценно раскрыт только в формате цивилизационной парадигмы. «Цивилизация» носит не абстрактный, а конкретно-исторический характер, поскольку осмысливает социокультурный локальный объект в единстве пространственных и временных параметров, которые преодолевают границу «природа–культура».

Необходимость комплексного исследования страны с ее обширными и мало изученными территориями, при крайней ограниченности интеллектуальных сил, рационально изучающих Книгу Природы, подвигнуло реформаторский гений Петра Великого к «экстремальному» решению. Он не стал ждать нового отношения к научному знанию и просвещению, а начал «сверху», пригласив европейских ученых в создаваемую им организационную структуру «для произведения наук» – Академию художеств и наук в Санкт-Петербурге [22, с. 6]. Задуманное Петром I и получившее от него первый импульс, академическое сообщество оправдало надежды монарха уже в XVIII в., став «основным источником, – как отмечал академик С.И. Вавилов, – новой русской науки. Почти все, что было достигнуто в области науки в России в XVIII веке, непосредственно или косвенно исходило из Петербургской Академии» [23, с. 40–41]. Роль Академии в становлении и развитии науки была решающей. Но значение Академии наук, единственного непрерывно существующего государственного института России с 1724 г., как подчеркивает С.С. Илизаров, в полной мере до настоящего времени все еще не оценено [17, с. 45].

Становление отечественного краеведения происходило в формате главного исследовательского проекта Санкт-Петербургского академического сообщества – приобретение всестороннего знания о внутренних территориях России, благодаря пространственно-историческому описанию (природа и население) и составлению ландкарт местностей, уездов, губерний, концентрированным итогом которых являлось со-

ставление генеральной карты державы – «заветной мысли Петра I».

Центральное место в естественно-исторических изысканиях заняли «погруженные в глубокий мрак» восточные окраины – Сибирь, для обследования которой направлялись Камчатские экспедиции. Академик С.П. Крашенинников писал: «Его величеству угодно было, чтобы вся его империя точно была исследована, и потому его величество не оставил отправить и в самые отдаленные пределы своего владения знатной экспедиции, которая известна под именем Камчатской..., понеже не одна была Камчатская экспедиция» [24]. (В состав Первой Камчатской экспедиции 1725–1730 гг. ученые не входили, поскольку Петербургская Академия находилась в стадии формирования). Организованная совместно Сенатом и Академией Вторая Камчатская, или Великая Северная экспедиция, 1733–1743 гг. включала знаменитый «академический отряд» из профессоров, адъюнктов и студентов, решавших задачу всестороннего изучения внутренних областей Восточной Сибири, и особенно районов, примыкающих к Тихому океану. Воспринято было намерение», писал академик Г.Ф. Миллер, «собрать известия... о возможном описании Сибири, а особливо Камчатки, по точному их положению, по натуральному земному состоянию и по обитающим в них народам» [25, с. 18]. В определенном смысле российская наука – история, география, этнография, и естествознание в целом – родились в многолетних и многотысячеверстных экспедиционных маршрутах [17, с. 41–42].

Именно деятельность первых петербургских академиков положила начало широкомасштабному, комплексному изучению окраин, отдельных местностей. Их энциклопедичность исходила из господствующего в Германии учения Г.В. Лейбница о монадах как множественных деятельных субстанциях, обладающих неповторимой индивидуальностью и самостоятельностью. Концепция монады, требующая внимания к индивидуальности, определила познавательную стратегию изучения локальных культур, изучения местной истории [26, с. 204–205]. (Г.В. Лейбниц выступил сам как историк места герцогов Брауншвейгских). Утверждению и распространению научной программы Г.В. Лейбница среди немецкой интеллектуальной элиты (например, профессор И.Б. Менке – саксонский историограф, наставник Г.Ф. Миллера) способствовал его ученик – последовательный лейбницианец и «философский кумир» во всей Европе и России Христиан Вольф, логико-математические принципы которого выступили теоретико-методологическим основанием экспедиционных исследований. Классический рационалистический стиль монадологии, локализованный научными изысканиями в ходе Сибирской экспедиции, позволил реализовать на территории восточной окраины концепцию геоисторического познания отдельных областей, уездов, т.е. по сути краеведческое исследование.

В оформлении академического статуса научно-исследовательской практики поместного изучения исключительное значение имели три гносеологические

установки Вольфа: первая рассматривала опыт в качестве основного метода получения данных о природе («природой» именуется все сущее, включая человека: все, что можно подвергнуть опытному изучению и тем самым рационально объяснить). «То, что основано на опыте, – подчеркивал Х. Вольф, – можно исследовать» [27]. Опытное знание, соединенное с математической логикой (математика считалась воплощением высокого стандарта научности, истинности знания), понималось как тщательное наблюдение явлений в естественных или в искусственных условиях, фиксация этих условий, упорядочение качественно описанных фактов и очевидных количественных соотношений. «Ясность возникает из наблюдений различного в многообразном, а темнота, – указывал Христиан Вольф, – из недостатка этого наблюдения» [27]. Стремление к знанию первичного основания бытия определило универсальную познавательную стратегию – точное доказательное исследование конкретного в конкретных условиях места и времени. Гносеологически опыт «выходил» на локализацию познавательного процесса, т.е. опытное знание требовало (и требует) поместного изучения, которое достигалось экспедиционным путем; вторая фундаментальная установка – пространственно-временное понимание мира. «Вещи в мире связаны друг с другом во времени, поскольку они связаны друг с другом и в пространстве». В мире, отмечал Х. Вольф, все связано друг с другом в пространстве и времени [27]. Этот реальный познавательный конструкт (пространственно-временной – геоисторический подход), определив единство территориальных параметров и исторического времени в исследованиях академиков, создал фундаментальную научно-познавательную основу (методологию) собственно историко-краеведческой практики, которая реализовывалась единством исторической и географической науки; третья гносеологическая установка, познание частей целого. Мир есть целое, состоящее из частей, расположенных по порядку, поэтому изучать необходимо все по порядку. Истина, как подчеркивал Вольф, есть порядок, а греза – беспорядок. Но мы не способны все обозреть, мы не видим настоящее целиком, следовательно, необходимо рассмотреть часть в отдельности «само по себе» [27]. Познавательная логика Х. Вольфа требовала пространственно-временное исследование державы начинать с «предела», т.е. уезда как части целого – России. Таким образом, третий гносеологический конструкт реализовывал собственно историко-краеведческий потенциал геоисторического подхода, при котором опытное познание конкретной территории обретало действительный смысл и становилось объектом научных изысканий.

Краеведческое направление «академического отряда» наиболее ярко и целостно проявилось в исследовательской практике Г.Ф. Миллера и С.П. Крашенинникова, научные изыскания которых в познания «предела» – края положили начало краеведческому освоению пространства России. Капитальный труд Г.Ф. Миллера «История Сибири» и классический труд С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»

методологически объединяет локальный принцип пространственно-временного подхода к восточной окраине, реализованный методикой стационарного и экспедиционного способа поместного изучения. В исследовательской практике концептуальное единство достигалось программой-инструкцией, разработанной «профессорской свитой», главным образом Г.Ф. Миллером. Программа-инструкция «академического отряда» выполняла методологическую функцию историко-краеведческого познания, поскольку, во-первых, заключенное в ней единство территориальных и исторических параметров выступало в качестве теории геоисторического подхода к восточной окраине как объекту исследования; во-вторых, локальный принцип, реализуемый методическим инструментарием, создавал предметное поле изучения – местный природно-исторический ландшафт, содержание которого определялось «вопросными пунктами» инструкции; в-третьих, пространственно-временная концепция, геоисторический подход, локальный принцип, и методика стационарного изучения составляют структурные компоненты средства познания, т.е. метода. Но если Герард Фридрих Миллер геоисторически охватывает весь обширный Сибирский край, потратив десять лет, и используя при этом по существу весь потенциал «академического отряда», то Степан Петрович около четырех лет, по анкетам академиков, один изучал территориальные и временные параметры только одной Камчатки. Научные изыскания С.П. Крашенинникова логически продолжали и хронологически завершали историко-краеведческую практику руководимого Г.Ф. Миллером «академического отряда».

Таким образом, структурно-организационное своеобразие нового атрибута российской государственности – Санкт-Петербургской академии, ее направленности на первоочередные государственные задачи, решаемые логико-математическим методом вольфианской метафизики, определило локальное геоисторическое направление познавательной деятельности академического сообщества. Их многолетние экспедиционные обследования и монографические труды обеспечили становление российского исторического краеведения, предопределив в значительной степени будущее развитие отечественного изучения края. Рожденная в «недрах» Санкт-Петербургского академического сообщества историко-краеведческая практика унаследовала классические научные и научно-организационные принципы высшего учреждения России. В методологическом отношении комплексный подход исторического краеведения продолжает традицию универсального направления исследований петербургских академиков, которые воспринимали мир как единое целое, состоящее из различных частей. Последняя выступила в качестве основополагающего принципа краеведческого познания – взаимосвязь истории страны (целое) и края (часть). Академический приоритет первоисточника, акцент на фактический и документальный материал приобрел статус методической доминанты в историко-краеведческих изыска-

ниях. Полифункциональность Санкт-Петербургской академии (решающей научно-исследовательскую и прикладную задачу и выполняющей одновременно образовательную и воспитательную функции, как система профессиональной подготовки ученых), локализованная экспедиционной практикой первых петербургских академиков, стала существенной, неотъемлемой чертой историко-краеведческой деятельности, которая сочетает обучающие, воспитывающие и развивающие функции. Мощь дидактического потенциала академической экспедиции состояла в организации «образовательного процесса» в условиях живой, конкретной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения края // Краеведение. 1928. № 3. С. 129–140.
2. Милонов Н.П. Советское историческое краеведение к 50-летию Октября и перспективы его развития // Уч. зап. М., 1967. Т. 198: Методика преподавания истории, вып. 3. С. 3–26.
3. Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. 85 с.
4. Кацюба Д.В. Историческое краеведение в школе и в вузе. Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1994. 336 с.
5. Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. М.: Археогр. комиссия РАН, 1998. 240 с.
6. Шмидт С.О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.; РГГУ, 1997. С. 153–166.
7. Орешина М.А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения / под ред. Г.И. Зверевой. М.: МГИУ, 2000. 196 с.
8. Штергер М.В. Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX в. (по материалам Тобольска и Омска): автореф. дис. канд. ист. наук: Омск, 2003. 24 с.
9. Пашиков А.М. Историческое краеведение Карелии конца XVIII – начала XX в. как социокультурное и историографическое явление: дис. д-ра ист. наук: М., 2011. 678 с.
10. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII век (первая половина). М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 2. 361 с.
11. Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1987. 222 с.
12. Пеитич С.Л. Русская историография XVIII в. Л.: Ленингр. ун-т, 1965. Ч. 2. 343 с.
13. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 240 с.
14. Элерт А.Х. Герард Фридрих Миллер и научное открытие Сибири // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие: Материалы Междунар. симп. – Екатеринбург: «Волот», 2006. Ч. 1. С. 15–28.
15. Письмо № 251. И.Д. Шумахеру 30 марта 1749 г. // Татищев В.Н. Научное наследство. Записки, письма. 1717–1750 гг. / отв. ред., авт. вступ. ст. и примеч. А.И. Юхт. М.: Наука, 1990. Т. 14. С. 343.
16. Миллер Г.Ф. О памятниках древности татарской, найденных в могильных холмах близ Абаканского и Саянского острогов // Истории Сибири. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. 1. С. 503–505.
17. Илизаров С.С. Москва в науке и культуре России XVIII века: дис. д-ра ист. наук: М., 2004. 521 с.
18. Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М. 1996. С. 375–415.
19. Александровская О.А. Становление географической науки в России в XVIII в. М.: Наука, 1989. 232 с.
20. Яцунский В.К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV–XVIII вв. М.: АН СССР, 1955. 333 с.
21. Историческая география: пространство человека: человек в пространстве: Материалы XXIII Междунар. науч. конф. М., 27–29 января 2011 г. / отв. ред. М.Ф. Румянцева; Рос гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, М.: РГГУ, 2011. 498 с.
22. Алферов Ж.И., Колчинский Э.И., Троп Э.А. Предисловие // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв.: исторические очерки / отв. ред. академик Ж.И. Алферов. СПб.: Наука, 2003. 605 с.
23. Вавилов С.И. Академия наук СССР и развитие отечественной науки: Доклад на Общем собрании Академии наук 7 ноября 1949 г. // Вестник АН СССР. 1949. № 2. С. 38–53.
24. Неопубликованное «Предисловие» к «Описанию земли Камчатской» // Крашенинников С.П. Описание земли Камчатской. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л.: Изд-во Главсевморпуть, 1949. С. 87–89.
25. Предисловие академика Миллера Г.Ф. к первому изданию 1755 г. // Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки в изложении по подлиннику и под редакцией Н.В. Думитрашко, Л.Г. Каманина. М.: Изд-во ОГИЗ, 1948. 292 с.
26. Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / отв. ред. Л.П. Репина; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2007. 499 с.
27. Вольф Христиан. Метафизика // Христиан Вольф и философия в России / ред.-сост.: В.А. Жучков. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. С. 231, 261, 281, 256.

Статья поступила
в редакцию 04.04.2014

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)“1919/1920”

А.Л. ПОСАДСКОВ

**«ОСВЕДКАЗАК» И ЕГО НАЧАЛЬНИК ПОЛКОВНИК Ф.И. ПОРОТИКОВ:
К ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В БЕЛОЙ АРМИИ СИБИРИ
(1919–1920 гг.)**

д-р ист. наук, профессор,
ГПНТБ СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

Документы, восстанавливающие картину устройства и функционирования Осведомительного отдела Сибирского казачьего войска (Осведказак), подобранные его начальником – казачьим полковником Ф.И. Поротиковым, найдены в Государственном архиве Забайкальского края. Для Ф.И. Поротикова они были оправдательным материалом на военном суде.

Документы показывают, что Осведказак был создан 5 августа 1919 г., но начал действовать 22 июня 1919 г., когда стала выходить газета «Сибирский казак». Штат Осведказака состоял из 107 сотрудников. Ареал его действия включал Западную Сибирь, которая была разбита на 26 районов, во главе каждого стоял казачий офицер, имевший опыт военной пропаганды. Начальник Ф.И. Поротикова атаман Сибирского казачьего войска П.П. Иванов-Ринов аттестовал руководителя Осведказака как «талантливого офицера и горячего патриота», «яркого неподкупного общественного деятеля».

Как выяснилось, работа Осведказака состояла в издании и распространении в казачьих частях на фронте и поселениях в тылу антибольшевистской литературы Белого движения. Для продвижения литературы широко использовались информаторы – женщины, сестры милосердия, священники.

Структура Осведказака включала пять отделений: издательское, информационное (устная агитация), художественно-литературное, газетное (редакция газеты «Сибирский казак») и финансовое.

Отправляясь в эвакуацию на восток, Ф.И. Поротиков взял с собой 2 млн руб. для устной пропаганды. Прибыв в Читу, он, по распоряжению атамана Г.М. Семенова, использовал сотрудников Осведказака для выполнения тайных поручений атамана. 8 марта 1920 г. Осведказак был ликвидирован.

До этого в январе 1920 г. бывший начальник Главного управления по делам казачьих войск при штабе А.В. Колчака Б.В. Хорошкин затеял против начальника Осведказака травлю и судебное преследование, обвинив его в нецелевом использовании указанных 2 млн руб. Сторону Поротикова поддержал его начальник – генерал П.П. Иванов-Ринов. В результате судебное дело против Ф.И. Поротикова было закрыто.

Ключевые слова: печать, пропаганда, Сибирское казачье войско, Белая армия, Сибирь, осведомительные отделы Белого движения.

Издательская деятельность Белого движения в Сибири имеет сегодня представительную историографию. Примером первого крупного исследования осведомительной (т. е. пропагандистской) работы «белых» идеологов Сибири может служить монография Е.В. Лукова и Д.Н. Шевелева [1].

Среди прочего изучается и судьба главного военно-пропагандистского учреждения Белой армии на востоке России – Осведомительного отдела при штабе Верховного главнокомандующего (Осведверха). Однако о деятельности филиалов Осведверха – осведомительных отделов армий (осведармов), Степной группы армий (Осведстель) и Сибирского казачьего войска (Осведказак) говорится значительно меньше. Мешает отсутствие фактического материала. В архивных фондах войсковой управы Сибирского казачьего войска (в Государственном историческом архиве Омской области) и штаба Верховного главнокомандующего Белой армией Сибири А.В. Колчака (Российский государственный военный архив) сохранились лишь немногие документы, отражающие историю Осведказака.

Однако документация Осведказака сохранилась, и довольно полно. Большая папка бумаг обнаружилась в Государственном архиве Забайкальского края в фонде Главнокомандующего вооруженными силами Российской Восточной окраины атамана Г.М. Семенова¹. В Забайкалье эти документы привез, вместе с остатками Осведказака, его начальник

Однако документация Осведказака сохранилась, и довольно полно. Большая папка бумаг обнаружилась в Государственном архиве Забайкальского края в фонде Главнокомандующего вооруженными силами Российской Восточной окраины атамана Г.М. Семенова¹. В Забайкалье эти документы привез, вместе с остатками Осведказака, его начальник

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 16.

– полковник Сибирского казачьего войска Ф.И. Поротиков. Поскольку же эти письма, справки и отчеты фигурировали в качестве доказательств в военном суде против Поротикова, семеновские чиновники постарались сохранить их в недрах канцелярии атамана. Документы впервые дают возможность исследовать деятельность и значение Осведказака, узнать биографии его функционеров и понять масштаб активности этого военно-пропагандистского издательского учреждения.

Осведомительный отдел Сибирского казачьего войска – Осведказак, как трактуют документы, возник летом 1919 г. в Омске, он стал как бы «ведомственной» ветвью Осведверха, который под руководством полковника Генерального штаба Г.И. Клерже энергично развивал тогда свою деятельность. У истоков Осведказака находилась газета «Сибирский казак», выход которой стали готовить в июне 1919 г. под началом военного чиновника Е.М. Рудника (принятого на службу 22 июня)². 5 августа 1919 г. приказом № 503 по Сибирскому казачьему войску, подтвержденным приказом Верховного главнокомандующего А.В. Колчака, Осведказак был создан официально³. Его первой печатной продукцией стала газета «Сибирский казак». До ноября 1919 г. было выпущено 52 номера этого печатного органа. Газета, как и вся продукция Осведверха, рассылалась бесплатно по белым частям на фронте⁴.

В течение августа–октября 1919 г. формировался аппарат Осведказака. Начальником нового учреждения был назначен казачий полковник Флегонт Илларионович Поротиков – человек, судя по сохранившимся свидетельствам, волевой и самостоятельный. Давая позднее характеристику Ф.И. Поротикову, его начальник – атаман Сибирского казачьего войска генерал-лейтенант П.П. Иванов-Ринов писал: «Аттестую его как честного, талантливого офицера и горячего патриота... Как яркий, неподкупный общественный деятель, беспощадно преследовавший и врагов России, и просто преступников, пользовавшихся безвременьем для личных, часто корыстных целей, Поротиков имел и имеет много врагов и недоброжелателей»⁵.

Штат Осведказака состоял из 107 сотрудников, среди которых имелось 3 инструктора и 2 корреспондента центрального (омского) звена, 26 заведующих «районами» (т. е. районными отделениями в пределах дислокации Сибирского казачьего войска) и 65 районных информаторов. Кроме того, отдел принимал значительное количество внештатных служащих-информаторов на основании общих положений об осведомительных отделах⁶. Поротиков фактически единолично решал все вопросы своего отдела, свободно распоряжался отпущенными средствами. Он говорил: «Уполномочия мои вытекают из самого положения об осведомительных отделах, которым давалась широкая инициатива начальнику отдела по его усмотрению». Совершенно самостоятельно Ф.И. Поротиков направлял своих служащих в многочисленные командировки в армию, казачьи станицы, поселения «с

целью развозки всевозможной литературы, ... агитации и пропаганды»⁷. Начальник Осведверха Г.И. Клерже и 2-й генерал-квартирмейстер при штабе Верховного главнокомандующего генерал-майор П.Ф. Рябиков, в ведении которого находился Осведверх, не стеснялись Ф.И. Поротикова бюрократическими формальностями. «Фактическая работа в [осведомительных] отделах, – говорил Поротиков, – направлялась устно, главным образом совещанием при ... генерале Рябикове путем обмена мнениями»⁸.

Структура Осведказака состояла из пяти отделений: издательского, информационного (агитационного), художественно-литературного, газетного (редакции газеты «Сибирский казак») и финансового (бухгалтерии); кроме того, один из помощников начальника Осведказака заведовал хозяйственной частью⁹.

Основными задачами Осведказака являлись издание и массовое распространение агитационно-пропагандистской литературы. Издательством Осведказака ведал журналист В.В. Ветров, в его функции входило, по его же словам, «следить за точным и своевременным выполнением работ типографией, а также заботиться о приобретении [для нее] необходимых материалов»¹⁰. Полиграфическим заведением, о котором идет речь, была омская типография Союза кооперативов «Центросибирь».

Литературно-художественный отдел Осведказака представлял издательскому отделу тексты брошюр и листовок, а также оригиналы плакатов, над которыми трудились профессиональные художники. Плакаты выпускались в литографии «Центросибирь»¹¹. Отделом заведовал петроградский писатель-беженец Я.И. Аракин – член дореволюционного Союза русских писателей, поэтов и драматургов¹².

Ключевым для всей деятельности Осведказака было информационное (агитационное) отделение – самое многочисленное по составу. Информаторы-пропагандисты отделения, по словам Ф.И. Поротикова, осуществляли всю работу на местах «путем устной агитации и раздачи всевозможной литературы, художественных произведений, правительственных распоряжений и приказов»¹³. Заместителями Ф.И. Поротикова в этой работе были священники Д.В. Лавров и Г. Лобанов. Первый из них так описывал круг своей компетенции: «Я должен был получать в отделе литературу, рассылать ее по станицам, распространять и разъяснять ее населению, вести беседы с населением, призывать население к поступлению добровольцами в армию»¹⁴.

Видную роль в распространении литературы и устной агитации играли также информатор А.И. Поцелуев и корреспондент В.М. Ломакин (последний в 1920–1930-е гг. являлся известным общественным деятелем русской эмиграции в Китае)¹⁵ [2, с. 504–505].

⁷ Там же. Л. 63–63 об.

⁸ Там же. Л. 97.

⁹ Там же. Л. 77 об. – 78.

¹⁰ Там же. Л. 77–77 об.

¹¹ Там же. Л. 78–79.

¹² Там же. Л. 63; Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 1596. Л. 1–2, 11–15.

¹³ Там же. Л. 97.

¹⁴ Там же. Л. 68–68 об., 131, 134 об.

¹⁵ Там же. Л. 34–34 об.

² ГАЗК. Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 16. Л. 70, 119 об.

³ Там же. Л. 70.

⁴ Государственный архив Томской области. (ГАТО). Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 374. Л. 414.

⁵ ГАЗК. Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 16. Л. 146.

⁶ Там же. Л. 62–63.

В качестве информаторов-агитаторов Осведказака нередко выступали женщины. Две сестры – Валентина и Елена Ефремовы распространяли литературу по линии железной дороги от Омска до Новониколаевска, Анна Тиханова вела пропаганду и агитацию среди жителей окрестностей ст. Тайга¹⁶. С сентября 1919 г. в отделе в должности «сестры милосердия – информатора» работала Б.И. Михайлова. «Мне приходилось, – сообщала она, – ездить на фронт, увозить туда литературу, а оттуда привозить раненых»¹⁷.

Агитационная работа на фронте считалась приоритетной для Осведказака. По заданию генерала П.П. Иванова-Ринова отдел обслуживал на фронте два корпуса – вновь созданный Войсковой сибирского казачества и генерала В.И. Волкова. В октябре 1919 г., когда на фронте возникла тяжелая обстановка, атаман П.П. Иванов-Ринов потребовал отправить в казачьи части все силы Осведказака, которые можно было использовать как информаторов-агитаторов. Их обязанности в тылу были возложены на оставшихся сотрудников¹⁸.

Печатная деятельность, агитация и пропаганда в массах требовали значительных денежных средств. Первоначально сумму в 300 тыс. руб. выдал Осведказаку лично генерал П.Ф. Рябиков – куратор всей осведомительной работы в Сибири. Этот аванс был взят из секретного фонда на агитацию и секретные дела¹⁹. Но систематическая работа требовала постоянного финансового источника. И во круг вопроса о финансировании казачьей агитации развернулась жесткая борьба.

Осведказак рассматривался в военных кругах как пилотный проект. Он обслуживал лишь одно казачье войско – Сибирское. Но кроме такового на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока имелось еще восемь. Чрезвычайный съезд всех девяти казачьих войск, состоявшийся в Омске в сентябре 1919 г., пришел к выводу о необходимости создать крупный издательский отдел при Главном управлении по делам казачьих войск штаба Верховного главнокомандующего. «Предполагалось, – говорил казачий издатель В.В. Ветров, – учредить Осведомительное управление всех казачьих войск, с отделами в каждом войске; при центральном управлении издавать большую газету, которая являлась бы органом казачьей конференции, а на местах газеты в каждом казачьем войске»²⁰.

20 сентября 1919 г. проект такой организации при Главном управлении по делам казачьих войск и смета на ее функционирование были составлены и направлены Ф.И. Поротиковым, И.С. Шендриковым, А.П. Кузнецовым и другими в адрес главнокомандующего Восточным фронтом генерала М.К. Дитерихса. Генерал поддержал проект и распорядился испросить у Совета министров «в срочном порядке» кредит в 2 млн руб.²¹

Но в казенно-бюрократической системе управления белой Сибири «срочность» существовала лишь на бумаге. Проект общеказачьего издательства дошел до рассмотрения

на заседании Совета министров лишь 6 ноября 1919 г., за неделю до падения Омска. Помощник военного министра по казачьим делам генерал-майор Б.В. Хорошхин сообщил тогда казачьим атаманам, что Совет министров утвердил штаты общеказачьего Осведомительного управления, кроме центрального отдела, и соответственно этому разрешил отпуск средств по смете в усеченном виде – в сумме 1 млн 215 тыс. руб.²² Этому решению предшествовало двукратное (29 октября и 5 ноября) обсуждение данного вопроса в Совещании по делам печати при Управлении делами Верховного правителя и Совета министров²³.

Одновременно и независимо от этого (если верить Ф.И. Поротикову) в распоряжение Осведказака были отдельно перечислены 2 млн руб. Доказывая спустя полгода свою правоту, Поротиков писал: «Деньги 2 млн руб. отпущены мне после целого ряда ходатайств, как перед Осведверхом, так и Вторым генерал-квартирмейстером Ставки и Главнокомандующим Восточным фронтом на информацию, осведомление и издание газеты «Сибирский казак», а не на издательство при Главном управлении и в казачьих войсках»²⁴. Тем не менее Поротиков поделился этими средствами с другими казачьими войсками: по постановлению коллектива уполномоченных казачьей конференции он выдал Уссурийскому и Енисейскому казачьим войскам по 200 тыс. руб. каждому²⁵.

Между тем текущие события уже не давали казачьим делегатам возможности разбираться с тонкостями финансирования. Фронт стремительно катился к Омску. 29 октября 1919 г. полковник Ф.И. Поротиков был назначен заведующим эвакуацией всех членов семей казаков Сибирского казачьего войска, находившихся в Омске (кроме самих глав семейств) [3, с. 501–502]. На ликвидацию дел, сборы, оборудование железнодорожного состава Поротикову давалось всего 36 часов. Служащие Осведказака, которые собирались уехать из Омска как нестроевые казаки, трудились в поте лица. Но внезапно последовал приказ – оставить Осведказак в Омске до самого появления противника. Вместо эвакуации занятия в Осведомительном отделе были объявлены непрерывными. В итоге напряженной работы Поротикова и его соратников первый казачий эшелон с женами и детьми казаков, сопровождаемый минимальным количеством негодных к строевой службе мужчин отбыл 9 ноября 1919 г. на восток. С эшелонам уехали и некоторые сотрудники Осведказака – Я.И. Аракин, В.М. Ломакин, В.В. Ветров (старший в коллективе эвакуированных), священники Д.В. Лавров и Г. Лобанов²⁶.

12 ноября 1919 г., за два дня до занятия красными Омска, Ф.И. Поротиков завершил работу Осведказака и погрузил в дежуривший на станции второй казачий эшелон имущество и документацию своего учреждения, а также Войсковой управы и других ведомств и отделов Сибирского казачьего войска. В тот же день особая поверочная комиссия зафиксировала своим актом остаток денежных

¹⁶ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 1596. Л. 14 об., 18–18 об., 31.

¹⁷ Там же. Л. 73.

¹⁸ ГАЗК. Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 16. Л. 78, 144 об.

¹⁹ Там же. Л. 70 об.

²⁰ Там же. Л. 77.

²¹ Там же. Л. 9, 109–111.

²² Там же. Л. 37 об., 96–96 об.

²³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 15. Л. 66, 68.

²⁴ ГАЗК. Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 16. Л. 37 об.

²⁵ Там же. Л. 96 об.

²⁶ Там же. Л. 72, 78–78 об.

сумм отдела (1 млн 200 тыс. руб.), которые Ф.И. Поротиков, «считаясь с обстановкой эвакуации ... и зная условия, в каких должны оказаться служащие, взял с собой»²⁷. Два дня хаоса и напряженного ожидания закончились тем, что уже погруженный эшелон так и остался на станционных рельсах. Живописную картину событий пересказал сотрудник Осведказака В.Я. Бородавкин. «14 ноября 1919 г. в 4 часа утра (за 10 часов до вступления Красной армии в Омск. – А.Л.) выяснилось окончательно безнадежное положение нашего эшелона, – вспоминал он. – Было предложено каждому спастись как кто может. На станции начался грабеж, к грабителям примкнули солдаты. Члену войскового правительства А.В. Алчевскому удалось вывезти на лошадях канцелярию Войсковой управы, но ее в 12 верстах от Красноярска захватили красные. Остальные же канцелярии с их имуществом спасти не удалось, и они остались на ст. Омск. Мне лично удалось спастись на лошадях и приехать в Новониколаевск»²⁸. По-видимому, на лошадях вырвался из Омска и сам Ф.И. Поротиков, оставшийся на станции (с деньгами отдела) до последней возможности. Остальные служащие Осведказака, включая распространителей литературы сестер Валентину и Елену Ефремовых, остались на станции, судьба их не выяснена²⁹.

Ф.И. Поротиков и другие работники Осведказака, которым повезло выбраться из Омска, воссоединились с группой ранее эвакуированных в Новониколаевске. Документы фиксируют, что Поротиков находился здесь с 23 по 28 ноября 1919 г.³⁰ В это же время в городе были атаман Сибирского казачьего войска П.П. Иванов-Ринов, весь штаб А.В. Колчака и сам Верховный правитель. Обстановка еще не казалась необратимой, Колчак и его окружение лелеяли планы реванша. Ф.И. Поротиков, руководствуясь указаниями П.П. Иванова-Ринова, взялся было за продолжение работы Осведказака на новом месте. Из Новониколаевска Поротиков разослал деньги своим представителям в Барнаульском уезде, Томском районе, Семипалатинской губернии для продолжения агитации за добровольное вступление в Белую армию³¹.

Но события опрокинули иллюзорные надежды. П.П. Иванов-Ринов, пытаясь до последнего использовать потенциал Осведказака, приказал Ф.И. Поротикову отправляться с отделом в Красноярск, но не по железной дороге, а на лошадях по грунтовым дорогам, чтобы проводить по пути агитацию среди крестьян, собирать сведения об их настроениях и вербовать добровольцев³². Поротиков и его служащие честно проделали этот путь, аккуратно фиксируя все расходы за конные прогоны, ночевки в селах, авансы на агитацию и т. п. в бухгалтерском журнале. В Красноярск они прибыли накануне антиколчаковского восстания. Член казачьей конференции от Енисейского казачьего войска, редактор губернского офицiosa «Енисейский вестник» А.П. Кузнецов сообщил Ф.И. Поротикову о безнадежности положения. Вместе с работниками отдела Поротиков и

Кузнецов вновь пустились в дорогу – до Иркутска, где зреет восстание Политцентра.

Очутившись в Иркутске 29 декабря 1919 г., в самый разгар мятежа, Ф.И. Поротиков пытался и здесь повести агитацию в пользу Белого движения. Документация Осведказака содержит его счета «за пропаганду в Иркутске», «[В.М.] Ломакину за напечатание приказа атамана Семенова и распространение его в Иркутске во время восстания», «за перевоз литературы Осведомительного отдела на ст. Иркутск от [ст.] Иннокентьевской», «за распространение литературы» и т. п.³³ Отступая из Иркутска в семеновскую Читгу, Поротиков оставил в мятежном городе своего помощника подьесаула Д. Шишкина с заданием проводить агитацию в красном тылу. На расходы Шишкин получил 25 тыс. руб.³⁴ Позднее Ф.И. Поротиков, по согласованию с атаманом Г.М. Семеновым, отправил в Иркутск с неким совершенно секретным заданием от Семенова информатора отдела – прапорщика Плукиш, которому Поротиков выдал 50 тыс. руб.³⁵

В Иркутске Ф.И. Поротикову пришлось пойти и на расходы по поддержке, из гуманных соображений, тех представителей Сибирского казачьего войска, которые оказались посреди восстания без денег. Так, 12 тыс. руб. в счет будущего жалования было выдано известному в Сибири войсковому старшине А.Г. Грызову. Мотивом послужила, по объяснению Ф.И. Поротикова, «безвыходная острая нужда Грызова и его семьи, оставшихся без всяких средств в мятежном Иркутске»³⁶. Уже в Чите Ф.И. Поротиков помог жене войскового атамана Н.А. Ивановой-Риновой, ссудив ее деньгами до приезда мужа. Выражая благодарность за это, П.П. Иванов-Ринов позднее сообщал: «Когда я был отрезан большевиками в Красноярске, а семья моя была в Чите и считала меня погибшим, и находилась в бедственном положении, то полковник Поротиков выдал моей жене в счет содержания 50 тыс. руб.»³⁷. Денежные суммы выдавались в Чите и другим нищенствующим чинам Осведказака³⁸. По приезде в Читгу Ф.И. Поротиков нанес визит и сделал доклад о работе Осведказака лично Г.М. Семенову, который распорядился немедленно послать инструкцию всем оставленным в Иркутске агитаторам. Всего в «Восточную окраину» прорвались 12 сотрудников отдела³⁹.

Но вместо награды за труды Ф.И. Поротиков получил интригу со стороны военной бюрократии и обвинения в «нецелевом расходовании средств» от своих недоброжелателей из казачьей верхушки.

Все началось с того, что 13 января 1920 г. начальник Главного управления по делам казачьих войск Б.В. Хорошихин (уже бывший, поскольку такая должность в войске атамана Г.М. Семенова не предусматривалась) обратился к Ф.И. Поротикову с просьбой выделить из выданных ему денег 200 тыс. руб. представителю Амурского казачьего войска на «издательство и информацию». Поротиков, который

²⁷ ГАЗК. Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 16. Л. 44 об. – 45, 78 об.

²⁸ Там же. Л. 75–75 об.

²⁹ Там же. Л. 95.

³⁰ Там же. Л. 22.

³¹ Там же. Л. 13, 15.

³² Там же. Л. 75 об. – 76.

³³ Там же. Л. 31, 33, 95 об. – 96.

³⁴ Там же. Л. 48 об.

³⁵ Там же. Л. 16 об., 32 об., 43 об., 63.

³⁶ Там же. Л. 41 об.

³⁷ Там же. Л. 16 об., 145–145 об.

³⁸ Там же. Л. 44 об. – 45.

³⁹ Там же. Л. 59–59 об., 98–99.

имел сведения о получении Хорошхиным денег по решению Совета министров от 6 ноября 1919 г. на организацию общеказачьего издательства, отказался в категорической форме. 16 января он ответил «генерал-майору Уральского казачьего войска Хорошхину», указывая тем самым, что Хорошхин уже не занимал должности, которой подписывался.

Дерзость Поротикова в отношении своего недавнего начальника была беспрецедентной. Хорошхин немедленно организовал кампанию травли и судебного преследования своего оппонента. Он написал Поротикову официальное письмо: «Из отчета Вашего ... усматривается, что все расходы произведенные Вами не на ту надобность, на которую отпущены Вам эти деньги. Деньги были отпущены Вам на издательские отделы при Главном управлении казачьих войск; отделы эти нигде не сформированы, между тем деньги Вы израсходовали по своему усмотрению на надобности, не имеющие никакого отношения к издательскому делу... (извозчики, квартиры, авансы безответственным лицам, ненужные командировки и проч.)»⁴⁰. Ф.И. Поротиков настаивал на своей версии о том, что 2 млн руб. были выданы ему 8 октября 1919 г. не на организацию общеказачьего издательства, а только на нужды осведомительной работы в Сибирском казачьем войске. Б.В. Хорошхин вновь разразился угрозами: «Вы израсходовали 2 млн руб. неправильно, незаконно, за что и будете отвечать лично»⁴¹. «Компромат» на полковника Б.В. Хорошхин направил помощнику Г.М. Семенова по военной части генералу М.И. Афанасьеву. Последний 21 января 1920 г. приказал Поротикову «немедленно сдать 2 млн рублей»⁴². Остатки денег, привезенных Ф.И. Поротиковым в Читту, были изъяты, авансы, выданные А.Г. Грызову и П.П. Иванову-Ринову, удержаны из их жалования⁴³. В документах военных следователей замелькало слово «растрата».

Тенденциозность обвинений в адрес Ф.И. Поротикова была очевидной, и спустя два месяца его «дело» благополучно замяли. 2 апреля 1920 г. полковник обратился к атаману П.П. Иванову-Ринову с просьбой подтвердить перед следователями целесообразность командировок агитаторов Осведказака в «гущу крестьянства», а также тот факт, что агитационная работа в Омске и по пути к Ир-

кутску велась по его, атамана, прямому заданию. Тогда же атаман Г.М. Семенов наложил на письмо Поротикова резолюцию: «Полковника Поротикова не арестовывать»⁴⁴. Вызванный на допрос П.П. Иванов-Ринов дал Ф.И. Поротикову блестящую характеристику и заявил: «Полагаю, что привлечение полковника Поротикова к настоящему следствию состоялось в значительной мере по личным побуждениям бывшего начальника Главного управления казачьих войск генерала Хорошхина, имевшего основания быть недовольным деятельностью Поротикова в Омске, как задевавшей личность названного генерала»⁴⁵. 23 мая 1920 г. военный следователь Трубников принял по делу Поротикова изумительное решение: «Настоящее дело приостановить впредь до прибытия в Читту дел и денежной отчетности Осведомительного отдела Сибирского казачьего войска или до освобождения от Советской власти Западной Сибири»⁴⁶. Поскольку было очевидным, что ни то, ни другое состояться уже не могло, постановление означало фактически снятие с Ф.И. Поротикова всех обвинений. За полтора месяца до этого, 8 марта 1920 г., приказом по Сибирскому казачьему войску войсковой Осведомительный отдел был расформирован⁴⁷.

История Осведказака и его строптивного начальника проливает свет на многие аспекты внутренней жизни Белого движения Сибири. Персонификация событий Гражданской войны, как в данном случае, приближает историков к максимально адекватному пониманию сложного периода в судьбе Отечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. 184 с.
2. Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания. Новосибирск, 2012. 544 с. (История Сибири в воспоминаниях и дневниках).
3. Шудряков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М., 2004. Кн. 1. 748 с.

Статья поступила
в редакцию 04.04.2014

⁴⁰ ГАЗК. Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 16. Л. 37.

⁴¹ Там же. Л. 39–39 об.

⁴² Там же. Л. 6, 8.

⁴³ Там же. Л. 3, 6, 47, 98–99 об., 119 об. – 120

⁴⁴ Там же. Л. 59.

⁴⁵ Там же. Л. 146.

⁴⁶ Там же. Л. 135, 137.

⁴⁷ Там же. Л. 68 об.

УДК 94(47)“196/198”

В.Г. ИВАНОВ

АРХИВ ПОЭТА Е.П. ИОРДАНСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ И САМИЗДАТА СИБИРИ 1960–1980-х гг.

канд. филол. наук,
ГПНТБ СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail:desnos8@yandex.ru

Статья посвящена крупному источнику по истории неподцензурной печати и поэзии Сибири – архиву новосибирского поэта и деятеля самиздата Е.П. Иорданского. Дается анализ содержания архива, прослеживается история его издания, в связи с деятельностью Сокурской школы поэтов, группы «Левая Сибирь», творчеством известного поэта российского «андеграунда» А.В. Маковского. На основе его рукописей, сохранившихся в архиве, Е.П. Иорданский принял участие в подготовке первого сборника стихов А.В. Маковского, который, как известно, вел работу с молодыми авторами и сформировал вокруг себя круг талантливых поэтов. Е. Иорданский до сих пор следует его принципам оценки стихов. Подход Маковского к каждому из молодых поэтов был сугубо индивидуальным, что в период ученичества имеет особое значение. Основное внимание при этом он уделил наличию новизны, ведь чувство новизны в поэзии тесно связано с восприятием самой жизни поэтом.

Сам Маковский был широко известен в андеграундных кругах России, был важной фигурой неподцензурной поэзии. В этом смысле Сокурская школа и группа «Левая Сибирь» не были полностью закрытыми группами, они вполне вписываются в традиции развития подобных объединений, таких как знаменитая «Лианозовская школа», группа «Хеленуктов», и др. Несмотря на различные стилевые подходы к работе со словом, можно установить точки сближения и отталкивания между этими группами. Известная дистанцированность Сокурской школы вызывает определенные трудности в дальнейшей публикации материалов архива, поскольку различные системы оценок и отбора стихов сохраняются у публикаторов Маковского и его наследников до сих пор. В данном случае противоречия в отношении к публикации текстов особенно явны, поскольку их суть лежит в программных принципах Маковского, в стремлении Иорданского их сохранить, а это может привести к консервации архива.

Ключевые слова: поэзия, андеграунд, самиздат, Сибирь, личный архив, Е. П. Иорданский, А. В. Маковский, литературное движение 1960–1980-х гг., литературные группы.

Разработка истории книжной культуры Сибири предполагает обращение к широкому кругу источников, в том числе таких, которые не находятся на государственном хранении. В этой связи значение приобретает выявление крупных личных хранилищ – архивов, коллекций, книжных и документальных собраний, материалы которых могут быть использованы в целях воссоздания полной объективной картины литературно-издательского процесса истекших десятилетий. Одним из значительных источников по истории печатного и рукописного литературного андеграунда Сибири 1960–1980-х гг. является личный архив новосибирского поэта и деятеля самиздата Е.П. Иорданского.

Евгений Павлович Иорданский создал обширный архив сибирского самиздата. Самодельные книги, составляющие значительную часть архива, перепечатывались по рукописям, брошюровались, сшивались и переплетались в картонно-тканевом переплете с аппликациями, коллажами и получали шифрованные заглавия. Архив Е. Иорданского существует уже 53 года. Из частных архивов Сибири он может быть отнесен к одному из уникальных.

Архив разделен на несколько разделов. Рукописный отдел составляют несколько тысяч страниц рукописей, в

том числе поэтов А. Маковского, О. Волова, А. Денисенко, В. Веркутиса и др. В рукописном варианте существует и произведение Е.Иорданского «Дневник жизни», в котором описаны его встречи с поэтами и художниками.

Машинописный отдел насчитывает приблизительно 30 тыс. машинописных страниц, сброшюрованных в более чем 50 томов формата А4 и А5. Содержание этих фолиантов неоднородно. Здесь и самиздат, которым Е. Иорданский занимался в советское время, перепечатки редких, зачастую запрещенных к распространению произведений; это и машинописные копии произведений поэтов его круга.

Аудиоотдел составляют более 2 тыс. часов интервью, авторской декламации и творческих бесед круга друзей поэта, а также аудиоальбомы их произведений. Кроме того, это более тысячи часов видеозаписей событий культурной жизни: авторских вечеров, дискуссий и дружеских бесед. Видео снималось в нескольких городах страны – преимущественно в Иркутске, Новосибирске и Москве.

Кроме того, архив содержит ряд фотографий, которые делались в течение всей жизни поэта. Отдельный корпус представляют собой компьютерный и оцифрованный отдел рукописей и документов. Наконец, архив содержит подбор-

ки газетных и журнальных публикаций, а также раритетов: это старые фотографии и письма начала XX в., интервью с людьми, известными в российском масштабе.

По словам Е. Иорданского, особый всплеск издательской активности поэтов-«неформалов» приходится на 1986–1989 гг. Евгений Иорданский, а также художник и поэт Олег Волов организовали свою «тусовку». Она просуществовала до мая 1990 г. В Нарымском сквере тогда было место, где собирались политики. В противовес политикам поэты и художники организовали свою художественную площадку. О. Волов устраивал выставки плакатов, а Е. Иорданский еженедельно выступал там и привозил туда свои машинописные сборники, рассказывал о поэтах, которые были опубликованы в этих книгах, распространял их произведения среди интересующихся читателей. Оставшиеся экземпляры затем брошюровались и переплетались в отдельные тома.

Под одним переплетом можно было найти сочинения авторов, которые сегодня фигурируют не только в самиздате, но и в престижных сборниках столичных издательств, в антологиях «Самиздат века» [1] и «Русские стихи 1950–2000 годов» [2, 3]: поэтов Михаила Степаненко (1945–2013), Александра Денисенко, Анатолия Маковского (1933–1995?) и др. В ряде переплетенных сборников содержалась христианская и гражданская лирика, в частности, стихи А. Хоренко, В. Алексиевского и др. Сборники печатались по 7–8 экз., сколько в состоянии была напечатать машинка.

Хорошо иллюстрируют модели поведения в этом открытом сообществе единомышленников стихи поэта Сергея Волка:

Если есть чего поесть,
Где поспать, кому попеть,
Было бы чего прочесть –
Это, слава богу, есть.

Я вообще люблю тусовки –
Сбросив потные кроссовки,
Забираешься на нары,
(Иль диван под звон гитары),

Наполняешь кружку чаем,
(Мы за чаем не скучаем –
Что за чаем-то скучать,
С чаем главное – начать!)

Начали? Ну, слава Богу,
Разговоры понемногу,
Песни, споры, снова чай
Кто-то бросил невзначай <...>

В то время у группы Иорданского возникла идея – выпустить самиздатский журнал «Нарымский сквер», чтобы печатать стихи тех, кто посещал «тусовки» в Нарымском сквере. Это было связано с активным антикоммунистическим движением. Иорданский отпечатал на машинке подборку «Кремлевский апокалипсис» в двух тетрадах, с прилагающейся вступительной статьей. В этом сборнике подобрана гражданская, демократическая лирика как известных, так и

малоизвестных поэтов. Среди них Виктор Петров, двухтетрадный сборник которого был отпечатан в 1989 г. Е. Иорданский обозначил два полюса существования гражданской лирики: канон и новые реалии, и в 1980-е гг. одним из образцов для нее оставались стихи П. В. Шумахера, чьи произведения вошли, в частности, в самиздатский сборник «Кремлевский апокалипсис», и перепечатки из серии «Библиотеки поэта» [4]. Модели развития новой гражданской лирики целиком определялись каноном демократической лирики XIX в., с учетом новых реалий и нового словаря времен перестройки.

Так, используя старые приемы, внося в них новую особенность, Виктор Петров – один из авторов сборников Иорданского – показывает реалии той эпохи, в которых за рифмами-заменителями легко угадывались крамольные слова.

Мы – сыны равнины дикой
Мы враги кривых путей
Мы идем к мечте великой
Под веселый свист полевого ветра

Наше право за границей
Широко блюдут послы
Это все ведь нам не снится
вот куда идут осторожные люди <...>

В это же время к Иорданскому приезжала группа поэтов из Свердловска – Александр Коэнов, поэт-песенник Андрей Вох (Вохмянинов)¹, выпустивший несколько дисков. В своем подходе эти поэты, с одной стороны, следовали классическим образцам, а с другой – вырабатывали новый взгляд на творчество.

После знакомства с Анатолием Владимировичем Маковским Евгений Иорданский создает так называемую сокурскую группу поэтов. Отношение в среде андеграунда к этой группе было противоречивым. Иван Ахметьев отделяет сокурскую группу от группы «ЛЕС» (Левая Сибирь)², созданной А. Маковским, куда входили такие поэты, как И. Овчинников, А. Денисенко, П. Степанов, Н. Шипилов, Ж. Зырянова и др. Публикация поэтов этой литературной группы на сайте «РВБ. Неофициальная поэзия» появилась благодаря существованию двухтомного самиздатского собрания Е. Иорданского. Основу первого сборника А. Маковского «Заблуждения» [5] также составил печатный и рукописный архив Е. Иорданского. Книга вышла в издательстве «Мангазея», выпускавшем одноименный альманах и книги поэтов в в начале 1990-х гг. под редакцией Владимира Берязева. Тогда свет увидел целый ряд сборников: А. Денисенко, Ж. Зыряновой и группы молодых на то время поэтов С. Михайлова и Ю. Пивоваровой.

С точки зрения Е. Иорданского, предмет описания диктует язык описания. Это свойство было характерно для многих поэтов объединения «ЛЕС», но особенно прояви-

¹ Андрей Вох. База данных «Авторская песня». [Электронный ресурс]. URL: http://www.bard.ru/html/Vohmjaninov_A.htm (дата обращения: 11.10.2013).

² Поэты группы «Левая Сибирь» на страницах «Антологии неофициальной поэзии». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rvb.ru/np/publication/contents.htm> (дата обращения: 8.10.2013).

лось у авторов второго ряда этой группы. Так, перу Виктора Петрова принадлежат прекрасные стихотворения о природе, в других случаях жизненные обстоятельства заставляли поэта писать о тяжелых и негативных ситуациях. В конце 1980-х гг. человеку, оставшемуся без работы, очень легко было оказаться в тюрьме. Цикл тюремных стихов также присутствует у Петрова. Биография недооцененного поэта написана Е. Иорданским и существует в его архиве. Судьба В. Петрова была трудной, он потерял работу в результате чрезвычайного происшествия на заводе, а затем, испытав целый ряд мытарств, едва не погиб при пожаре. Работал певцом в «Русском хоре», играл на домбре. «Выживаемость этого человека была потрясающей, его внешний облик мог меняться поразительным образом – он мог появиться в виде человека нищего и совершенно опустившегося, а мог явиться в новом костюме, в новом пальто, совершенно трезвым. Разрушение жизни соседствовало в нем с возрождением, и обвалы и крушения чередовались с периодами возвращения в социум», – свидетельствует Е. Иорданский. На стихи В. Петрова Е. Иорданский и К. Андреев написали несколько песен.

Маковский и Иорданский не видели необходимости разделять Сокурскую школу на две группы и в некотором смысле были едины в отношении взглядов на поэзию. Как говорит Е. Иорданский, он изучал «внутренние законы поэзии» Маковского, сложная, комбинаторная, поливариативная поэзия которого долгое время оставалась официально непризнанной, несмотря на относительную известность и даже «легендарность» поэта.

К представителям молодого поколения Сокурской школы принадлежит и Константин Андреев. У него, как и у многих поэтов, по словам Иорданского, есть жизненная, биографическая сторона, и есть поэтическая. И жизненные обстоятельства зачастую диктуют поэтическую составляющую. Поэзия может отставать, оказываться заброшенной, а затем возвращаться в жизнь ее творца после определенных переломов судьбы. Образцом для раннего творчества Андреева послужил Николай Заболоцкий. Под влиянием этих факторов им были созданы такие интересные произведения, как «Гербарий» и причудливое стихотворение о том, как герой последовательно отказывается умирать осенью, зимой, весной и летом и таким образом сохраняет себе жизнь в точках кризисного перехода.

Основным принципом работы поэтов этого направления («ЛЕС» – Сокурская школа) стал «тетражизм» (создание книжек-тетрадок стихов), понятие, отличающееся от «нетактизма» (обыгрывание слова «не такой») (А. Денисенко, Н. Шипилов). Разница состояла, по словам Иорданского, в отношении к жизни и в плотности связей с жизнью. Так, Петр Степанов непосредственно развивал идею «витавизма», своего рода науки жизневедения, наследующей модернистскому «жизнестроительству» и органическим теориям раннего авангарда.

Игровая терминология, построенная на шифре, была разработана также Иорданским, она выражалась, например, в замене суффикса «-изм» на придуманный поэтом суффикс «юзм». Среди слов, изобретенных на основе такой подмены терминов, появились «инженерюзм» и др. Суффикс использовался Иорданским в качестве аббревиатуры.

В частности, заглавная «ю» обозначала «юмор». И таким образом «инженерЮзм» – расшифровывался как «Интеллект, наука, юмор».

Знакомство Иорданского и Маковского датируется 1977 г., когда Маковскому было 44 года. Тогда же были сделаны первые аудиозаписи чтения поэта. Рукописи Маковского многократно терялись, не случайно последний изданный на данный момент сборник называется «Чемодан. Стихи из утраченного чемодана».

Поэт Анатолий Маковский родился в 1933 г. Во время войны оказался в Германии, после войны – в детдоме под Иркутском. Служил в армии, учился на мехмате МГУ, работал в Новосибирске. Первая книга стихов вышла в Новосибирске в 1992 г., с 1992 г. после смерти матери жил в Киеве, откуда часто приезжал в Москву. В августе 1995 г. последний раз уехал в Киев, после чего пропал без вести [6, с. 1].

Группа Маковского формирует единый круг тем. Главным стержнем тематики было противопоставление природы и культуры в том инносказательном смысле, что свободное существование и бытование поэзии возможно не только в официальной печати, но и в форме рукописного издания. Идея «тетражизма» состояла первоначально, в частности, в том, что Маковским полностью заполнялись школьные тетрадки, в которых приводились рукописные тексты с вариантами. Именно в таком виде опубликованными и представлял их себе Маковский. Поэтому вопрос текстологии и публикации этих вариантов требует особого подхода. Со стороны владельца архива Е. Иорданского и со стороны комментаторов и составителей группы И. Ахметьева в этом вопросе имеются разногласия.

Важным моментом в использовании поэтического языка являются стилевые границы. По словам Е. Иорданского, Анатолий Маковский не признавал существования таких границ, допуская употребление лексики совершенно разных слоев языка, включая высокую лексику, низовой и иронической пласты и направляя лексику этих слоев по нескольким разным векторам. Подобно тому как в разговоре Маковский, по свидетельству поэта Станислава Михайлова, мог поддерживать двухчасовую беседу по пяти направлениям, не путаясь ни в одном.

Примером отбора критериев, которые использовал Маковский при работе как со своими, так и с чужими текстами, может служить моностих О. Волова «Декабристы вышли на лед». В бессмысливающем и остраненном выражении здесь содержатся два мотива: это не только устойчивый мотив льда – замерзающей, холодной России, но и элемент комического обыгрывания: декабристы вышли на лед, как хоккеисты.

Евгений Иорданский сравнивает поэзию Маковского со своеобразным «деревом рек», где различные поэтические слои, влияния перетекают одно в другое, создавая подлинную органику звукописи и музыки. С точки зрения Иорданского, рифма Маковского консонантна. Рифмование по согласным является ключевой формой рифмы. И главным становится равновесие видения, смысла и звука. Тогда в стихах создается сложный многогранный, мозаичный образ.

В будущем Е. Иорданский планирует издавать Маковского «не так, как требует культура», а в том виде, как хо-

тел сам поэт, со всеми вариантами. В первые годы дружбы с Маковским Иорданский отпечатал 30 его машинописных тетрадок. Издавать эти тексты нужно подобно музыкальным вариациям, считает Иорданский. Это создает сложность с публикацией вариантов, которые ходили в разных списках.

Традиционную оппозицию «природа – культура» Е. Иорданский трактует так: процесс чтения зависит от пространства, где читаются стихи (например, в лесу или в комнате они могут прозвучать совершенно по-разному), или от прочтения через разное время. У каждой вещи есть свой «адрес». Подобным образом поступают создатели «Лесной библиотеки» Н. Байтов и С. Литвак³. Они также придерживаются точки зрения, согласно которой особым критерием для текстов является время года, когда они были написаны. Так, ими издаются альманахи, посвященный различным месяцам года. В серии вышли издания «Июль», «Февраль» и др.

Основания Сокурской школы и группы «ЛЕС» были заложены Анатолием Маковским. Он вел работу с молодыми авторами и сформировал вокруг себя круг талантливых поэтов. Е. Иорданский до сих пор следует этим же принципам. Как говорит Евгений Иорданский, «мастер спорта видит молодого спортсмена, но сразу может почувствовать в нем будущего гения». Анатолий Маковский никогда не различал по возрасту поэтов и мог, по выражению Иорданского, «подарить взгляд» на качество стихов, на отдельные строчки поэта, что в период ученичества бывает очень важным. Основным при таком подходе является поэтическое ощущение новизны, которое не заменишь штампами. И это чувство новизны в поэзии тесно связано с восприятием самой жизни.

По словам Иорданского, у Маковского свежесть взгляда на жизнь присутствовала во всем, и само присутствие новизны означало отказ от выхода в тираж, в штамп, в обыденность, ведь Маковский всегда особенно ценил *первобытность* любого явления.

Сохранность архива Иорданского предполагает, что строки не только известных авторов, но и забытых поэтов Новосибирска могут однажды прозвучать, пусть даже и в виде одного стихотворения. Абсолютным критерием стихотворного шедевра, с точки зрения Е. Иорданского, является единство смысловой ткани и ее музыкальность, интерес к фонике. Эти взгляды восходят к теории и практике русского футуризма. Так, представители группы «Гилея» также стре-

мились создать своего рода новое первобытное искусство. В этой связи интерес представляет факт, что у Е. Иорданского в архиве сохранилось свидетельство человека, лично знакомого с Алексеем Крученых.

Круг контактов, на основе которых формировался архив Е. Иорданского, достаточно широк – это, в частности, группа Владимира Строчкова и Александра Левина, при встречах с которыми ему удалось сделать значительное количество аудио- и видеозаписей. Для данной группы поэтов характерны сложные многослойные произведения, порой выстраивающиеся в несколько семантических рядов. Поэма «Большая Р.», опубликованная в сокращении в журнале «Юность» [7, с. 94–95], а затем полностью в книге В. Строчкова «Глаголы несовершенного времени» [8], – характерный пример такого разновекторного поэтического творчества. Важным здесь является тот факт, что содержание поэмы передать на словах бывает затруднительно, но его можно показать интонационно.

Несмотря на особый подход Иорданского к вопросу публикации своего архива, частично выраженный в стремлении к его консервации, именно благодаря его деятельности стали возможны публикации стихов Маковского, его книги «Заблуждения». В будущем архив Иорданского может послужить основой для выпуска ряда сборников стихов неподцензурных авторов 1960–1990-х гг. и вызвать живой интерес у литературоведов и исследователей книжной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самиздат века. М., 1997. 1052 с.
2. Русские стихи 1950–2000 годов. Антология (первое приближение): в 2 т. / сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010. Т. 1. 920 с.
3. Русские стихи 1950–2000 годов. Антология (первое приближение). В 2 т. / сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М., 2010. Т. 2. 896 с. (Культурный слой; Волшебный хор).
4. Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л., 1968. 784 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
5. Маковский А. Заблуждения. Новосибирск, 1992. 80 с. (предупреждение А. Денисенко).
6. Маковский А. Чемодан. Стихи из утраченного чемодана. М., 2006. 60 с.
7. Строчков В. Большая Р. // Юность. 1991. № 6. С. 94–95.
8. Строчков В. Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов. М., 1994. 416 с.

Статья поступила
в редакцию 14.04.2014

³ Лесная библиотека. Книга на свежем воздухе. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zverevcenter.ru/literature/lesnaja_biblioteka/lesnaja_kniga.html (дата обращения: 12.09.2013).

УДК 655.4/.5

Е.А. БАЗЫЛЕВА

КНИГОТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

канд. ист. наук,
ГПНТБ СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: bazyleva_ca@mail.ru

В статье представлена деятельность Императорского Русского географического общества в области книжной торговли. Рассмотрены пути реализации книжной продукции ИРГО – продажа книг на комиссионных началах, подписка и выписка печатной продукции, а также нестационарная почтово-посылочная форма книжной торговли. ИРГО распространяло периодические и продолжающиеся издания, отдельно изданные труды и картографические издания. Отмечается, что многотомные труды продавались как отдельными томами, так и полным комплектом. Имела место и такая своеобразная практика распространения изданий, как продажа по частям – отдельными оттисками статей. ИРГО занималось реализацией как собственных изданий, так и печатной продукции своих провинциальных филиалов. Показана специфика организации книжной торговли ИРГО, заключающаяся в открытии собственных книготорговых предприятий – книжных складов.

Развитие определенных книготорговых отношений подтверждается деятельностью ИРГО в сфере рекламы книжной продукции. В целях увеличения объемов продажи книжной продукции ИРГО практиковало обмен объявлениями, информирующими широкие круги обществу о выходе в свет изданий, о продаже и подписке на них. Другим видом рекламы книжной продукции ИРГО стали книготорговые списки. Важное значение имеет вывод автора о том, что печатная продукция ИРГО пользовалась популярностью и продавалась не только на территории Российской империи, но и за рубежом.

В заключение автор констатирует, что на развитие книготорговой деятельности ИРГО позитивное влияние оказал экономический подъем страны во второй половине XIX – начале XX вв., но военные и революционные события, повлекшие за собой ухудшение экономической конъюнктуры государства в целом, отрицательно сказались и в этом секторе книготорговли.

Ключевые слова: Императорское Русское географическое общество, история России, книжная торговля, книжная культура, печатная продукция.

Печатная продукция Императорского Русского географического общества¹ (ИРГО) распространялась преимущественно путем книгообмена и безвозмездной рассылки, однако ИРГО было вынуждено заботиться как о популяризации своих трудов, так и об окупаемости типографских расходов по их изданию, которые зачастую были довольно высоки. Платное распространение изданий определялось недостатком финансирования, способствовало информированию о деятельности общества и было направлено на удовлетворение потребностей конкретных лиц и учреждений, не обладавших, согласно Уставу ИРГО, правом на бесплатное получение трудов. Реализация книжной продукции ИРГО происходила путем продажи книг на комиссионных началах, подписки и выписки печатной продукции, зачастую применялась нестационарная почтово-посылочная форма книжной торговли.

Первый опыт сотрудничества с комиссионерами был неудачным. После выхода в свет поступили в продажу как первая, так и вторая книги «Записок РГО» (1846; 1847). 15 июля 1846 г. комиссионеру М. Д. Ольхину РГО было передано 350 экз. первой книги «Записок» для продажи по 60 коп. за экземпляр, из которых обществу причиталось 50 коп., а

10 коп. – М. Д. Ольхину². 3 сентября 1846 г. РГО получило от книгопродавца М. Д. Ольхина 25 руб. за проданные 50 экз.³ 22 ноября 1846 г. комиссионный магазин М. Д. Ольхина передал в РГО 32 руб. 50 коп. за 65 экз., при этом уведомил, что 20 экз. из них были высланы в московский магазин⁴. Впоследствии М. Д. Ольхин представил в РГО подробный отчет о реализации 350 экз. первой книги «Записок»: продано 180 экз. на сумму 90 руб., возвращено 170 экз.⁵

Себестоимость второй книги «Записок» обошлась РГО в 664 руб. 53 коп. Исходя из этого и учитывая 15-процентную уступку книгопродавцу, было решено продавать вторую книгу по 1 руб. 20 коп.⁶ 2 октября 1847 г. в совет РГО поступили уведомление попечителя Санкт-Петербургского учебного округа о сделанной им рассылке по учебным заведениям вверенного ему округа 70 экз. второй книги «Записок» и вырученные за них деньги – 84 руб.

Вторая книга «Записок» также продавалась через комиссионный магазин М. Д. Ольхина, однако в связи с его

² Архив Русского географического общества (далее – АРГО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10 (1846). Л. 4.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 39.

¹ Императорское Русское географическое общество с 1850 до 1917 г., Русское географическое общество (РГО) в 1845–1850 гг. и с марта 1917 г.

банкротством возникли проблемы с возвратом переданных на комиссию книг. 14 февраля 1848 г. РГО направило обер-полицеймейстеру квитанцию М. Д. Ольхина с целью получить обратно от книгопродавца книги (на продажу было передано 100 экз.) или деньги за них в сумме 96 руб. Обер-полицеймейстер перенаправил квитанцию в 1-й департамент Санкт-Петербургской управы благочиния Министерства внутренних дел⁷, который 11 июня 1848 г. уведомил РГО, что означенные книги, в числе прочего имущества, опечатаны и в связи с предъявленными к М. Д. Ольхину денежными претензиями от различных лиц и учреждений внесены в опись, поэтому могут быть возвращены обществу только после соответствующего распоряжения Санкт-Петербургского коммерческого суда⁸. Только 15 апреля 1850 г. в РГО поступило уведомление от администрации, учрежденной над именем и делами Санкт-Петербургского купца книгопродавца М. Д. Ольхина, о том, что согласно акту кредиторов, утвержденному Биржевым комитетом и Санкт-Петербургским коммерческим судом, после рассмотрения в совокупности всех поступивших претензий к М. Д. Ольхину иск РГО отнесен к разряду удовлетворяемых сполна. Общее собрание кредиторов состоялось 31 октября 1850 г., а передача имущества – через две недели после собрания⁹. Таким образом, РГО смогло вернуть непроданные книги почти через три года.

Интерес общественности к Географическому обществу с самого начала его деятельности был столь велик, что уже в 1849 г. пришлось выпустить второе издание первой и второй книг «Записок». Несмотря на это, в 1886 г. составители «Указателя к изданиям Императорского Русского географического общества и его отделов с 1846 по 1875 г.» отметили, что первые две книги и их второе издание из продажи давно уже вышли и составляют библиографическую редкость. В этом же указателе представлены сведения о цене первых тринадцати книг «Записок» РГО: кн. 1–5 – по 1 руб., кн. 6, 7 – по 1 руб. 50 коп., кн. 8 – 2 руб., кн. 9–12 – по 1 руб. 50 коп., кн. 13 – 1 руб. 75 коп. В 1849 г. издан первый том «Записок» РГО на немецком языке, в который вошли первая и вторая книги русского издания. Продавался «немецкий том» по цене 2 руб. [1, с. 3, 6].

И первое, и второе издание «Карманной книжки для любителей земледелия» (СПб., 1848; 1849) продавались по 1 руб. и на момент подготовки «Указателя к изданиям...» отсутствовали в продаже. Труды Уральской экспедиции «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой» (СПб., 1853; 1856) продавались по 2 руб. (т. 1) и 5 руб. (т. 2). К 1886 г. они также отсутствовали в продаже и в конце 1890-х гг. являлись уже библиографической редкостью.

Многотомные труды продавались как отдельными томами, так и полным комплектом. Например, семь томов «Трудов этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной императорским Русским географическим обществом. Юго-Западный отдел: Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским» (СПб., 1872–1878) продавались по цене 19 руб., а отдельно тома стоили от 2 руб. до 3 руб. 50 коп. Столь высокая цена

книг объясняется их значительным объемом (примерно от 400 до 1200 с.).

Некоторые издания ИРГО поступали в продажу не сразу после выхода в свет, а лишь через несколько лет. Так, изданные еще в 1872 и 1877 гг. два тома «Писцовых книг Московского государства. Ч. 1. Писцовые книги XVI века» в продажу не поступили из-за необходимости подготовки указателя и предисловия. Продажа началась в 1895 г. после выхода в свет указателя: оба тома – по 3 руб., а указатель – по 2 руб.

В продажу поступали и картографические издания ИРГО. Так, «Топографический межевой атлас Тверской губернии» (1853–1856) целиком продавался по цене 50 руб., тогда как каждый отдельный его выпуск по уездам – по 5 руб. 50 коп. Таким образом, приобретение отдельных двенадцати выпусков выходило дороже на 16 руб., чем стоимость атласа всей губернии.

Изданиями ИРГО зачастую торговали одновременно в нескольких магазинах, на комиссию в которые они поступали небольшими партиями. Так, согласно квитанции от 17 февраля 1915 г., петроградским книжным магазином товарищества А. С. Суворина «Новое время» на комиссию от ИРГО принято 10 экз. «Диалектологической карты русского языка в Европе» по цене 50 коп. с уступкой магазину 30 %¹⁰. Согласно расписке от 4 апреля 1916 г. 15 экз. этого же издания были приняты на комиссию торговым домом «А. Цинзерлинг и К^о, Б. Мелье и К^о» в Петрограде (с уступкой от номинальной цены 20 %)¹¹.

Печатная продукция ИРГО продавалась как на территории Российской империи, так и за рубежом. 18 ноября 1916 г. от петроградского книжного магазина товарищества А. С. Суворина «Новое время» поступил запрос в ИРГО с просьбой сообщить цену «Известий» за 1917 г. для продажи в России и за границу¹².

Имела место и такая своеобразная практика распространения изданий, как продажа по частям – отдельными отгисками статей. 3 июня 1917 г. из г. Верного (ныне г. Алматы в Казахстане) от начальника изысканий по орошению Северного Семиречья отдела земельных улучшений Главного управления землеустройства и земледелия поступил запрос о высылке заказной бандеролью отдельного отгиска статьи И. К. Вислоуха «Лес. Его значение и происхождение» (1915), опубликованной во втором выпуске 51-го тома «Известий»¹³.

ИРГО занималось комиссионной продажей изданий и своих провинциальных филиалов¹⁴, а те, в свою очередь, продавали через собственные книжные склады издания центрального общества. Открытие собственных книготорговых предприятий – книжных складов, функционировавших преимущественно при библиотеках, было характерной чертой для отделов ИРГО. Имели место факты, когда книжные склады провинциальных филиалов ИРГО становились первыми книготорговыми организациями в регионе. Так,

¹⁰ АРГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23 (1914–1917). Л. 67.

¹¹ Там же. Д. 23 (1914–1917). Л. 223.

¹² Там же. Д. 7 (1915). Л. 111.

¹³ Там же. Л. 167.

¹⁴ До 1917 г. действовало 16 филиалов ИРГО: в Сибири – 6, на Дальнем Востоке – 5, в европейской части России – 3, на Урале и в Средней Азии – по одному.

⁷ АРГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10 (1846). Л. 61.

⁸ Там же. Л. 62–62 об.

⁹ Там же. Л. 63–63 об.

на момент открытия книжного склада при библиотеке Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО в 1896 г. в Забайкальской области не было ни одного книготоргового предприятия, книги приходилось выписывать из Европейской России [2, с. 6].

24 сентября 1915 г. в ИРГО с целью комиссионной продажи Туркестанский отдел отправил свои «Известия» (т. 1–11), причем первый, второй, десятый и одиннадцатый тома были в двух выпусках. Таким образом, в общей сложности поступило 36 книг (12 вып. по 3 экз. каждый). При этом правитель дел Туркестанского отдела ИРГО А. Попков обратился с предложением о присылке в Ташкент для комиссионной продажи изданий ИРГО за 1900–1915 гг. (по 3–5 экз.)¹⁵. В ответ на это предложение в октябре 1915 г. издания ИРГО были направлены в Туркестанский отдел для комиссионной продажи, а также дополнительно высланы отдельные оттиски некоторых статей, касающихся Туркестанского края¹⁶.

Продажа изданий ИРГО осуществлялась не только через книжные магазины, но и наложенным платежом по почте. 14 апреля 1914 г. от начальника хозяйственной части 36-го Сибирского стрелкового полка, дислоцировавшегося в крепости Владивосток на Русском острове, поступило письмо с просьбой выслать наложенным платежом один экземпляр сочинения инженер-генерала П.Ф. Унтербергера «Приамурский край. 1906–1910 гг. Очерк»¹⁷ (СПб., 1912. 428 с.). 10 июля 1915 г. из писчебумажного и книжного магазина М.Ф. Собберей в Ташкенте поступило письмо, где сообщалось, что приобрести первую и вторую части первого тома «Туркестана» И.В. Мушкетова, под редакцией А. Герасимова, через книжных посредников можно будет только через несколько месяцев после выхода из печати, а между тем заинтересованная публика ждет эту книгу уже много лет. М.Ф. Собберей просил А. Герасимова сообщить ему, где непосредственно можно выписать данное издание. На письмо была поставлена резолюция следующего содержания: «Ответить, что можно будет выслать наложенным платежом»¹⁸. Здесь необходимо указать, что труд И.В. Мушкетова «Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г.» (1886–1906) был издан в двух томах, хотя изначально планировалось три. Первый том, из двух частей (СПб., 1886. 743 с.), посвящен истории исследования края. Он был переиздан в 1915 г. со значительными дополнениями более поздних исследователей (в письме М.Ф. Собберей речь идет именно об этом переиздании, которое не утратило своей научной значимости и в настоящее время). Второй том (СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1906. 375 с.) был издан уже после смерти И.В. Мушкетова и содержит только дневники его путешествий без авторской обработки.

Для распространения своих изданий ИРГО использовало нестационарную форму книжной торговли – подписку, при этом заказы адресовались в редакцию, лично авторам, принимались через почтовые конторы, а книготорговые функции выполняла библиотека либо книжный склад. Подписная

цена «Метеорологического вестника» ИРГО за годовой комплект с пересылкой во все города России составляла 5 руб. (без доставки и пересылки 4 руб. 50 коп.), за границу – 6 руб. Наблюдатели метеорологических станций могли приобрести журнал по льготной цене – 3 руб. Допускалась рассрочка оплаты на следующих условиях: при подписке – 2 руб., далее через два месяца – по 1 руб. до покрытия всей суммы. Для наблюдателей станций: при подписке 1 руб. и далее по 1 руб. к 1 апреля и к 1 июля. Денежные суммы, но не более 1 руб., можно было высылать почтовыми марками. В случае изменения адреса подписчик обязан был доплатить сверх указанной суммы еще 20 коп. Претензии по ненадлежащей доставке журнала следовало предъявлять редакции вестника, но не позже получения следующего номера. Полные годовые комплекты за предшествующие годы высылались наложенным платежом, расходы по пересылке также оплачивал подписчик [3, обл.].

На распространении изданий ИРГО по подписке отрицательно сказывались широко развитые книгообменные связи и бесплатная рассылка как сотрудникам ИРГО, так и другим лицам и организациям. Согласно уставу, распространение постоянного печатного органа, каковыми являлись сначала «Записки ИРГО», а затем «Вестник» и продолжившие его «Записки ИРГО» и «Известия», среди членов общества было бесплатным. Нельзя не принимать во внимание и то, что круг читателей научной литературы, к которой относилась подавляющая часть изданий ИРГО, был, естественно, не таким широким, как, например художественной, рассчитанной на массового читателя. Так, в 1850–1860-х гг. наблюдалось снижение числа платных подписчиков на «Вестник», а затем на продолжившие его «Записки ИРГО». Если в 1853–1855 гг. имелось 460 подписчиков, то в 1856–1858 гг. – 280, в 1859–1860 гг. – 175, а в 1861–1864 гг. – 70 [4, с. 460].

Подписку на издания ИРГО могли оформить не только учреждения, но и частные лица. 9 января 1911 г. поступило письмо от учительницы высшего начального училища г. Николаева Херсонской губернии А. П. Федоровой, просившей сообщить годовую подписную цену на «Известия» для лиц, не являющихся членами ИРГО¹⁹.

В целях увеличения объемов продажи книжной продукции ИРГО практиковало обмен объявлениями. Подобные рекламные акции, информирующие широкий круг общественности о выходе в свет изданий, о продаже и подписке на них, были направлены на популяризацию деятельности, и, в конечном счете, на получение прибыли от реализации изданий. 2 января 1914 г. из редакции ежемесячного журнала «Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии», издаваемого в Харбине Маньчжурским сельскохозяйственным обществом и Обществом ветеринарных врачей, в ИРГО поступило предложение об обмене не только изданиями, но и объявлениями (образец объявления прилагался). При этом объявление, поступившее от ИРГО, планировалось напечатать такое же число раз, как и объявление харбинского журнала на страницах изданий Географического общества²⁰.

Другим видом рекламы книжной продукции ИРГО стали книготорговые списки, которые печатались как на стра-

¹⁵ АРГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23 (1914–1917). Л. 98.

¹⁶ Там же. Л. 122.

¹⁷ Там же. Л. 39.

¹⁸ Там же. Л. 90.

¹⁹ АРГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23 (1914–1917). Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 4.

ницах периодических и продолжающихся изданий, так и в виде отдельных оттисков. Зачастую книготорговые списки, равно как и объявления о продаже изданий, публиковались на обложках журналов ИРГО. Подобные книготорговые списки изданий ИРГО позволяют судить о развитии книготорговых отношений.

На страницах ежегодных «Отчетов» ИРГО регулярно печатало «Списки имеющихся в продаже изданий ИРГО». Материал в этих списках группировался по видам изданий с выделением следующих отделов: «Повременные издания общества», «Отдельные издания общества», «Издания отделений», «Труды экспедиций», «Библиографические указатели», «Программы», «Карты». Библиографические записи содержат сведения с указанием: названия документа, года издания, тома или выпуска и обязательно – цены.

Такой вид библиографической продукции, как книготорговые списки, способствовал рекламе печатных изданий ИРГО, расширению книготорговых отношений и, в конечном счете, более активному функционированию изданий ИРГО в обществе.

Несмотря на то, что ИРГО занималось продажей своих трудов, издания общества являлись убыточными. Это было связано с тем, что большая часть трудов распространялась бесплатно, издания продавались по минимальной цене, исходя из себестоимости, а массовая продажа не планировалась. Совет ИРГО считал, что любое научное общество выпускает труды для того, чтобы продвигать науку вперед, и вынуждено печатать те работы, которые приносят больше пользы науке, хотя и не находят широкого круга читателей, а следовательно,

но, и покупателей, и их окупаемость при этом совершенно не принималась в расчет [4, с. 178].

Позитивное влияние на развитие книготорговых связей ИРГО оказали экономическое развитие страны во второй половине XIX – начале XX в., строительство железнодорожных магистралей в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. Издания ИРГО пользовались популярностью и продавались не только на территории Российской империи, но и за рубежом. Отрицательно на книготорговой деятельности сказались военные и революционные события, повлекшие за собой ухудшение экономической конъюнктуры в стране в целом. Первая мировая война, ставшая причиной сильнейшего кризиса в области промышленности и торговли, негативно сказалась как на книжной торговле страны в целом, так и на книготорговой деятельности ИРГО в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указатель к изданиям Императорского Русского географического общества и его отделов с 1846 по 1875 г. СПб., 1886.
2. Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Чита, 1913. Вып. 9.
3. Метеорологический вестник. Год издания 27-й. Пг., 1917. Т. 27, № 1.
4. Семенов-Тянь-Шанский П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества: в 3 т. СПб., 1896. Т. 1.

Статья поступила
в редакцию 29.03.2014

Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол: сб. науч. стат. / отв. редакторы И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2013. 262 с.

В настоящее время признается важная роль музеев в формировании исторического сознания, самосознания личности и социума, однако современные знания о путях и механизмах этого процесса не достаточны для обеспечения его эффективности. В связи с этим актуализируется проведение комплексных историко-культурологических и социологических исследований, направленных на определение новационных форм развития музейного мира в современный период.

Рассматриваемый сборник продолжает серию ежегодных научных изданий, посвященных новациям музейного мира в России и за рубежом. Он подготовлен в рамках научно-исследовательского проекта «Интеграция музеев в региональное социокультурное пространство», осуществляемого Сектором музейной энциклопедии (г. Москва) и Институтом истории, Научным советом по музеям СО РАН (г. Новосибирск).

Концептуальную основу рецензируемого сборника составляет положение о музее как коммуникационном протоколе, выдвинутое известным социологом, профессором Открытого университета Каталонии Мануэлем Кастельсом. Он

поставил вопрос о потенциальных возможностях музея в решении одного из основных противоречий информационного общества, возникающего между глобализацией коммуникации, с одной стороны, и индивидуализацией культурных кодов (мотивированной той же глобализацией коммуникации) – с другой.

Основное внимание авторов статей – ведущих российских и мировых экспертов в области музеологии, сосредоточено на проблемах взаимодействия общества и наследия, в процессе которого основным коммуникационным звеном становится музей. Миссию музея в современном мире, коррелирующуюся с музейной потребностью общества, М.Е. Каулен характеризует посредством стратегии взаимодействия музеев с обществом, нацеленную на осознанное включение социума в процесс сохранения и освоения наследия во всех его формах. Автором предлагается оптимальная для достижения этих целей модель интегрированного средового музея. Чешский музеолог Я. Долак миссию музея, с учетом «благодетельных» и «противоречивых» последствий применения информационных технологий, видит в формировании на основе знания и научного подхода правдивого и достоверного наследия для будущих поколений. На примере выставочной деятельности Государственного Исторического музея Л.И. Скрипкина показывает роль современного музея в актуализации исторической памяти,

значение научной концепции исторических событий, их интерпретации и презентации.

Музейная экспозиция как основное звено музейной коммуникации представлена в сборнике в исторической динамике. В разделе «Научный архив» впервые опубликована статья выдающегося теоретика и практика архитектурно-художественного проектирования музейных экспозиций Е.А. Розенблюма (1919–2000 гг.) «Время и пространство в музейной экспозиции, или Тридцать лет спустя». Мысли художника о подходах к построению музейной экспозиции как основным коммуникационного средства музея остаются актуальными в контексте основной темы рецензируемого издания. Современный оригинальный подход, позволяющий выделить семь уровней информации в процессе восприятия экспоната посетителем, предлагает М.Т. Майстровская и анализирует с этой точки зрения проблему оптимальной организации экспозиционной среды. На примере Городского музея Сансеполькро (Италия) М.-К. Ваннини наглядно показывает существенную разницу между гипотетическими представлениями проектировщиков экспозиции об оптимальном для зрительского восприятия характере экспозиции и реальностью. Этот опыт весьма полезно учитывать при создании новых музеев. В условиях глобализации создается новое коммуникационное поле – музейное интернет-пространство, которое, исходя из опыта работы сибирских музеев, обобщенного О.Н. Шелегиной, может успешно использоваться для социально-ориентированного диалога музея с цифровой аудиторией.

Результаты пилотного комплексного социологического исследования музейной аудитории в двух регионах Российской Федерации – Рязанской и Новосибирской областях, отражены в ряде статей сборника (О.Н. Астафьевой, О.А. Ефановой, М.Е. Каулен, И.В. Чувиловой), а также в разделе «Методический кабинет» (рекомендации для специалистов по перспективам внедрения в практику результатов исследования «Музей и посетитель–2012»). Это позволяет определить приоритетные направления в социокультурной практике, способствующие выполнению музеем миссии коммуникационного протокола. О.Н. Астафьева анализирует место музея в структуре культурных потребностей населения, рассматривая музей как ресурс социокультурного проектирования, фактор преобразования региональной среды, и формулирует актуальные положения региональной культурной политики в стратегиях социокультурного проектирования инновационной деятельности музеев. Статья И.В. Чувиловой «Проблемы музейной коммуникации, или Почему люди все еще ходят в музей?» базируется на статистических данных проекта «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство» и результатах отечественных и зарубежных исследований музейной аудитории. Автор акцентирует внимание на важности изучения реальной и потенциальной аудиторий, интересов, мотиваций, предпочтений, ожиданий и разочарований музейной публики для выстраивания конструктивного диалога между музеем и обществом. Статья О.А. Ефановой связана с проблемами поиска современных валидных методов социологического исследования музейной аудитории. Это позволяет выявить некоторую специфику исследования музейной аудитории, определить границы и область применения таких социоло-

гических методов, как анкетный опрос, глубинное интервью, фокус-группа, наблюдение, и поставить вопрос о необходимости использования методов музейной психологии.

Психологические методы изучения посетителя активно используются в зарубежной музейной практике. В связи с этим особый интерес вызывает статья канадского музеолога К. Дюфрен-Тассе об исследовании психологии восприятия музейной экспозиции взрослой аудиторией. Рассматривая образовательную функцию как одну из важнейших социальных функций музея, К. Дюфрен-Тассе утверждает, что оптимальное личностное развитие посетителя музея зависит от той внутренней работы, которая происходит в его сознании при осмотре экспозиции и заключается в интенсивном и разнообразном смысловторчестве. Автор описывает новый метод изучения этой работы и формулирует принципы проектирования выставок, оптимально влияющих на психологическое развитие личности посетителя. Подходы к изучению восприятия посетителями музейной экспозиции рассматриваются и в статье С.Э. Габидулиной. Она анализирует комплекс современных методов изучения психологии восприятия, формулирует категории, описывающие этот процесс, и выделяет основные этапы восприятия в музее.

Для сравнительно-исторических проектов и использования новационных методов музейной работы в практике значимы статьи о состоянии и развитии музеологии в Германии. Б. Граф указывает на необходимость и эффективность взаимодействия музеев с научно-исследовательскими учреждениями, в частности с Институтом музейных исследований в Берлине. Центром изучения посетителей музеев Земли Баден в Карлсруэ проводилось сравнительное исследование аудитории в музеях под открытым небом Глендлэйттен и Амеранг (музея крестьянского быта). В ходе работы впервые была предпринята попытка познакомиться с потенциальными посетителями: выяснить, почему они не ходят в музей, знакомы ли они с музеем и в какой степени, что они думают о музее, каков имидж музея в их глазах. Анализ итогов этого масштабного исследования развернут в статье Х.И. Кляйн, М. Кания-Шютц, Н. Вегнер. Он содержит сведения (о мотивации посещения и сферах интересов посетителей, используемых информационных каналах, формах поведения на музейной территории, восприятии предлагаемых музейных услуг), которые могут быть использованы для сопоставления с результатами изучения аудитории музеев-заповедников Рязанской области в рамках проекта «Интеграция музеев в региональное социокультурное пространство», которому посвящен сборник.

Структура сборника, обусловленная актуальными научными задачами, сочетание в большинстве статей аспектов теоретического и прикладного музееведения позволяют оценить эффективность воздействия на посетителей новационных форм презентации историко-культурного наследия: практики применения интерактивных и информационных, научно-образовательных, проектных технологий, интеграции науки, культуры, образования в деятельности музеев разных стран и регионов России. Развернутая концепция музея как коммуникационного протокола, обобщение опыта деятельности музеев России, Чехии, Германии, Италии, Канады, разработанные и апробированные формы и методы изучения и работы с музейной аудиторией в современных

условиях представленные в рецензируемом издании, имеют несомненную научную и практическую ценность. Они могут послужить базой для будущих полномасштабных междисциплинарных исследований, для разработки комплексных программ, направленных на повышение эффективности взаимодействия музея и общества, реализации воспитательно-образовательной функции музея, усиление роли музеев и наследия в целом в обеспечении стабильного поступательного развития России, мирового музейного сообщества.

Сборник, позиционирующий музей как исторически выработанную форму хранения социального опыта, отражающей динамику музейной потребности и миссии музея в современном обществе, результаты исследования музей-

ной аудитории адекватными методами гуманитарных наук, может быть рекомендован для использования в научно-образовательной и управленческой сферах, а также в сфере массовых коммуникаций. Книга адресована прежде всего историкам науки и культуры, культурологам, социологам, музееведам, преподавателям гуманитарных специальностей высших учебных заведений.

С.Б. Орлов,
д-р социол. наук,
Бийский технологический институт
Алтайского технического университета,
г. Бийск

Сливовская Виктория.
Побеги из Сибири. СПб.: Але-
тейя, 2014. 536 с.

В русском переводе вышла монография проф. Виктории Сливовской (Институт истории Польской академии наук), увидевшая свет в Польше в 2005 г. Для специалистов по истории сибирской ссылки, особенно XIX в., эта работа имеет огромное значение. Можно с уверенностью сказать, что «Побеги из Сибири» не только знакомят читателей-специалистов с достижениями и уровнем современной польской историографии по данной проблематике, но издание вносит существенный вклад в освещение проблемы. Это тот случай, когда работа польского историка призвана дать импульс для развития нашей научной литературы и способствовать восстановлению общей историографической традиции.

Сегодня проф. Виктория Сливовская является одним из ведущих представителей польской академической науки, занимающихся проблемами общественно-политической истории XIX в., в том числе исследованием польской ссылки в Сибирь первой половины и середины XIX в. Проф. В. Сливовская – автор таких крупных научных монографий, как «Дело петрашевцев» (1963), «Николай I и его эпоха (1825–1855)» (1965), «Александр Герцен. Жизнь и творчество» (1973, в соавторстве с Р. Сливовским), «Сибирь в жизни и памяти Гейшторов – ссыльных после Январского восстания» (2000). Кроме того, она подготовила к печати массу документов по истории польско-российских отношений, польско-российских общественных и революционных связей, постоянно входила в состав советско-польского академического авторского коллектива, выпускавшего в 1960–1980-е гг. фундаментальные документальные монографии по истории освободительного движения XIX в.

Нельзя не упомянуть и о фундаментальном труде проф. В. Сливовской – биографическом словаре «Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века» (1998, 836 с.), включающем 2 674 биографии.

Работа с биографическим материалом привела проф. В. Сливовскую к замыслу монографии по интереснейшей проблеме, которая, как правило, не ставится иссле-

дователями в качестве отдельной темы. Так появилась книга «Побеги из Сибири». Монография построена на солидной источниковой базе, включающей материалы российских и польских архивохранилищ, а также польскую мемуаристику, практически неизвестную в России. Российские архивы представлены не только центральными собраниями (ГАРФ, РГИА и др.), но и местными, прежде всего сибирскими. Естественно, в исследовании широко задействованы малодоступные или пока вовсе не востребуемые российскими учеными польские источники – документы делопроизводства и другие материалы официального характера, а также документы личного происхождения, как опубликованные, так и неопубликованные. В этом заключается еще одно значение монографии В. Сливовской – она знакомит российских исследователей с новыми для них комплексами документов о сибирской ссылке, а многие из них впервые вводятся в России в научный оборот.

Композиционно книга делится на две части, хронологически и идейно структурируя исследование. Часть первая – «Сосланные после Ноябрьского восстания», часть вторая – «Сосланные после Январского восстания». Основной части предшествует введение (с. 7–46), имеющее теоретическое значение и знакомящее читателя с основным видением проблем польской ссылки в Сибирь, сложившимся в современной польской историографии. Прежде всего хочется выделить два момента, актуальных для российского читателя. Во-первых, обратим особое внимание на понятие «Сибирь», закрепившееся не только в литературной традиции и общественном сознании Польши, но и ставшее определенной категорией научного мышления. На этом, в частности, особо ставит акцент проф. Сливовская. Итак, Сибирь – это все то, что ассоциируется со ссылкой, это глубоко смешанное понятие. Урал, Казахстан, Оренбуржье и даже Кавказ – все это огромная «Сибирь», нередко туда попадают даже Тверь и Саратов, если речь идет о ссылке. Применительно к польской историографии стоит учитывать данный момент. Именно поэтому проф. Сливовская пишет в своей книге и о событиях на Оренбургской оборонительной линии, и об астраханских доносах 1833–

1834 г. (глава II, с. 81–83). Как побег из Сибири рассматривается и побег Ярослава Домбровского, приговоренного к 15-летней каторге и сбежавшего с московского этапа (глава VII). Во-вторых, проф. Сливовская приводит очень важные для российской историографии количественные данные о польской ссылке в Сибирь.

Интересна с позиций методологии постановка самой проблемы исследования. Проф. В. Сливовская активно использует здесь среди прочих антропологический подход, классический для польской историографии и актуальный сегодня для нашей (с. 29). Подчеркивая, что явление побегов из Сибири никогда не носило массового характера, автор выделяет три характерные позиции польских «сибиряков» – «активное приспособление», созерцательно-философскую и «бунт», «несогласие с судьбой». Именно последняя жизненная установка и толкала ссыльного на побег, при этом представители первых двух групп высказывали к ней «явное неодобрение» (с. 37–39). Особое внимание привлекает также данный В. Сливовской во введении общий очерк сибирской ссылки – специалистам будет интересно сравнить его с современными разработками и концепциями отечественной историографии.

Монографию открывает глава, посвященная трагической странице сибирской истории – «Омскому делу» 1833 г., участники которого были обвинены в подготовке вооруженного восстания, а в случае неудачи – коллективного побега. «Омский заговор» широко известен в нашей литературе благодаря исследованиям В.А. Дьякова и А.С. Нагаева, но, как убедительно показывает В. Сливовская, эта тема далеко не закрыта. На базе малоизвестных российским специалистам материалов следствия на польском языке, а также польских воспоминаний и писем автор приводит подробную картину подготовки заговора с многочисленными фактическими деталями, создавая собственную яркую и логически обоснованную концепцию. Другой важный сюжет, к которому обращается проф. Сливовская, – неудачный побег из Александровска в 1835 г. П. Высоцкого и его товарищей. При этом подчеркивается, что, вопреки мнению польских и российских историков, это была единственная попытка бегства с каторги руководителя Ноябрьского восстания (глава III). Особого внимания достойно созданное автором новое видение побега Мигурских и объективное прочтение «легенды» (глава IV). Завершает первую часть монографии увлекательное описание «идеального побега» Р. Пиотровского, со времени которого, как подчеркивает В. Сливовская, окончательно утвердилось преимущество идеи индивидуального побега над коллективным (с. 205; последняя значительная попытка коллективного побега описана в главе X о Кругобайкальском восстании). Отдельное внимание уделя-

ется истории создания и публикации мемуаров Р. Пиотровского – интереснейшего источника по истории Сибири первой половины XIX в.

Во второй части книги в первую очередь выделяется сюжет об известном Станиславе Крупском, которого проф. Сливовская называет «трижды беглецом» из Сибири. В объемной главе IX создается очерк о жизни человека с «бурной биографией», «почти любой факт» из которой «непрерывно вызывает вопрос» (с. 269). Тем не менее автор, работая с чрезвычайно сложной источниковой базой, придерживается основной задачи своего исследования – описать побег С. Крупского из Сибири, предлагая читателю самому сделать выводы относительно личности героя – кем он на самом деле являлся: провокатором, агентом полиции, австрийским шпионом или кем-то еще. Совсем иначе представляет В. Сливовская материал о Я. Котоне, называя его мемуары о сибирском бегстве фальшивкой и убедительно доказывая это; тем самым ставится окончательная «жирная точка» в спорах историков и филологов (глава XI). Как показывает проф. Сливовская, на рубеже XIX–XX вв. тема побега становится необычайно востребованной в польской мемуарной литературе о Сибири, эта тенденция коснулась и наследия Ш. Токажевского, поставив проблему «копийности» в его посмертных изданиях (с. 410, 418–421).

Помимо громких и резонансных историй, в монографии приводится значительный фактический материал о побегах малоизвестных или вовсе неизвестных, о которых мы узнаем впервые благодаря внимательным и кропотливым архивным поискам автора (глава V «Забытые беглецы из Восточной Сибири», а также фрагменты глав II, VIII, X, XIII). Значение этого пласта исследования трудно переоценить, хочется лишь выразить надежду, что он не останется незамеченным российскими исследователями и поднятые темы получат разработку в их трудах. В этом плане очень интересна поставленная проф. Сливовской проблема отношения местных властей к индивидуальным побегам польских ссыльных в период массовых ссылок, особенно после Январского восстания (глава VIII).

Книга написана живым и образным языком, увлекательное повествование часто заставляет забыть о том, что перед нами научная монография, строго построенная на источниковом материале. Без сомнения, помимо специалистов, изданная на русском языке книга Виктории Сливовской привлечет и массового читателя.

Е.Н. Туманик,
канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. (серия «Азиатская Россия», вып. 10) 503 с.

В последние годы активно ведется изучение истории управления в дореволюционной России. При этом исследовательский интерес перемещается из столиц в регионы, все яснее становится, насколько важным было происшедшее именно здесь. Другое, не менее активно и успешно разрабатываемое в последние годы направление – изучение «этнической истории», сложных взаимоотношений имперской центральной и региональной власти с этносами и национальными элитами.

Авторам монографии удалось соединить эти два плодотворных подхода, обратившись к истории местного самоуправления бурят, основанного на сочетании этнических и социальных принципов, его функционирования в полиэтничном сибирском социуме. Они сумели показать положение органов местного самоуправления бурят внутри аппарата власти с присущими ему внутренними противоречиями, а также проанализировать различные факторы, определявшие основные направления и особенности деятельности этих органов.

Рецензируемая монография является хорошим дополнением и своеобразным продолжением той большой работы, итоги которой были подведены в фундаментальной трехтомной «Истории Бурятии», опубликованной в 2011 г. под редакцией члена-корреспондента РАН Б.В. Банзарова.

Работу Л.М. Дамешека, Б.Ц. Жалсановой и Л.В. Кураса можно признать удачной, и эта удача не случайна. Давно известен интерес иркутских и улан-удэнских историков к обозначенным темам, их успехи и достижения. Только в серии «Азиатская Россия», издающейся в Иркутске с 2007 г. и насчитывающей уже 10 выпусков, было издано несколько серьезных монографий, посвященных управлению и самоуправлению, взаимоотношениям власти и общества, «инородческому» вопросу и попыткам его решения¹.

Структура рецензируемой книги логична, она позволила полно и убедительно раскрыть тему. Отдельные главы посвящены анализу законодательства и его эволюции, региональных особенностей формирования и развития, административной, хозяйственной и социальной деятельности органов местного самоуправления бурят.

Представлен обширный и профессиональный историографический и источниковедческий обзор, подготов-

ленный на высоком профессиональном уровне. Подкупает не часто встречающийся в последнее время подлинно исторический подход к работам предшественников, умение увидеть то ценное и полезное, что было сделано историками советской эпохи в нелегких идейно-политических и цензурных условиях. Впечатляют обширность и разнообразие источниковой базы исследования. При этом следует отметить, что обозначив основные виды использованных источников, авторы проявили непоследовательность. К сожалению, к хранящимся в архивах делопроизводственным документам приравнены неопубликованные публицистические и научные труды Н.М. Ядринцева и И.И. Серебренникова (с. 36–37). Их можно, с особыми оговорками, использовать в качестве источников, но, разумеется, это другой вид источников. Трудно согласиться с формулировкой: «важными источниками... стали фонды» (с. 34). Вместе с тем дан глубокий анализ использованных источников – и нормативных актов, и статистических материалов, и мемуаристики, и особенно делопроизводственных документов, прежде всего отложившихся в фондах самих органов местного самоуправления. В научный оборот введено множество новых источников, в том числе созданных внутри или при участии низовых органов самоуправления. Благодаря этому услышан голос рядовых бурят-«улульников» – того самого «молчаливого большинства», чье мнение так редко удается узнать.

К несомненным достоинствам монографии относится комплексное (в лучшем смысле слова) изучение законодательства и практики, как административной, так и судебной. Авторы сумели достаточно объективно подойти к анализу предмета своего исследования, показав не только сильные, но и слабые стороны системы и функционирования органов самоуправления и деятельности их руководителей.

Авторам удалось получить серьезные научные результаты, в том числе существенно обогащающие историческую науку. Подчеркнуто значение пограничного фактора – желания «России сохранить свои государственные границы, развивать в Монголии торговые интересы, восстановить и закрепить свое... положение на Дальнем Востоке» – для политики государства в отношении бурят и тунгусов. С этим приходилось считаться, при всей концентрации властных полномочий в руках центра допускалось и развитие самоуправления, и учет национальных традиций и особенностей. Можно согласиться с авторами в том, что такого рода уступки зависели от степени интеграции пограничных территорий в пространство империи. Показано изменение ситуации в деятельности органов самоуправления: «до середины XIX в. степные думы, инородные управы и родовые управления... эффективно осуществляли свою деятельность», опираясь и на нормы обычного права, и на российское законодательство. Со второй половины столетия «наблюдается кризис административно-хозяйственной системы, основанной на родовом принципе», а к концу столетия государство использует форму самоуправления, сначала фактически, а затем и формально ликвидировав его по сути. Та же тенденция прослежена и в судебной сфере. Подчеркивая приоритет политического подхода в своем исследовании, авторы уда-

¹ Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск, 2007 (серия «Азиатская Россия»); Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Сенина Е.А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Иркутск, 2007 (серия «Азиатская Россия»); Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Даниленко А.В. Региональная власть и общественность Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 2007 (серия «Азиатская Россия»); Дамешек Л.М., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822 – 1917 гг.). Иркутск, 2009 (серия «Азиатская Россия»).

ляют немало внимания и решению хозяйственных, а также социально-культурных вопросов. Убедительно показано значение хозяйственного и социального аспектов деятельности органов местного самоуправления, а также обычного права бурят в административной практике и социальной жизни. Обилие приведенных в систему конкретно-исторических сведений делает рецензируемое издание еще и полезным справочником.

Карпов В. П. Анатомия подвига: человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2014. – 184 с.

Героики и драматизм создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, превратившего патриархальную Тюменскую область в крупнейший индустриальный центр, отмечают многие участники и летописцы нефтегазовой сибиряды. В представленной книге автор попытался ответить на вопросы: почему стал возможен тюменский подвиг, какова его гуманитарная цена?

Актуальность обращения к советскому историческому опыту возрастает по мере того, как становится все более очевидной необходимость смены социально-экономической парадигмы, в которой вот уже более двух десятилетий существует современная Россия. Востребованность вектора развития, связанного с завершением индустриальных процессов, отказом от модели «олигархического капитализма» в пользу социально-ориентированного государства, осознание национальных интересов, не столько на уровне деклараций, сколько в плане конкретной реализации больших и малых проектов – настоятельно требуют поиска консенсуса по отношению к нашему недавнему общему прошлому. Тюменский индустриальный «взрыв», один из впечатляющих советских мегапроектов, мощные последствия которого до сих пор обеспечивают суверенное существование Российской Федерации, не раз становился объектом и предметом внимания исследователей. Появление книги В.П. Карпова резонирует с поисками, ведущимися в современной политической и когнитивной ситуации, когда представители политической элиты и экспертного сообщества вновь заговорили о необходимости новой «мобилизации» для преодоления демодернизационных процессов двух последних десятилетий.

Особенность рецензируемой книги состоит в том, что написана она известным тюменским историком В.П. Карповым, который на протяжении многих лет стремится в диапазоне от макро- до микросюжетов разобраться в сущности масштабных модернизационных и урбанизационных процессов, происходивших на Тюменском Севере в 1960–1980-х гг. В своей очередной работе автор постарался дать ответ на важнейшие вопросы: как формулировались и чем задавались программные установки создания мировых промышленных гигантов в Сибири? На какие количественные и качественные параметры ориентировались разработчи-

В заключение остается выразить традиционное сожаление о том, что серьезная и ценная книга издана крохотным тиражом.

Н.П. Матханова,
д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

ки проектов? Какие средства и механизмы использовались для достижения поставленных целей, насколько они были эффективны? Что ценного может дать предыдущий опыт практике XXI в.?

В книге последовательно раскрывается история освоения Тюменского Севера, проанализированы причины, обусловившие открытие нефтяных и газовых месторождений, раскрываются механизмы мобилизации советского общества на решение общенациональной задачи, показаны социокультурные процессы, происходившие в районах нового промышленного освоения. Значительное внимание уделено поиску ответа на вопрос: чем «триумф» промышленного освоения Севера обернулся для региона и его жителей. На всем протяжении повествования сохраняется полемическая заостренность с весомой аргументацией авторской позиции.

В.П. Карпов обращает внимание на то, что задачу создания нефтяной и газовой промышленности на территории Западной Сибири нельзя рассматривать только как региональную проблему. Большая нефть придала новый мощный импульс развитию Тюменского Севера, но задача создания новой крупной топливной базы на востоке СССР была национальной по своим масштабам: страна крайне нуждалась в новых источниках энергии, а «открытие века» в Западной Сибири позволяло достойно ответить на новые вызовы времени, появился важнейший ресурс для ускорения социально-экономического роста СССР.

Обратим внимание и на мысль В.П. Карпова о том, что по мере развития советского общества менялись ценностные приоритеты людей, их образование и общая культура, отношение к коммунистической идее. В 1970–80-е гг. настроения и поведение как старожилов Севера, так и его новоселов становились все более прагматичным. По мере нарастания системного кризиса в СССР более критичной становилась оценка происходивших в регионе событий. Сомнению подвергалась целесообразность столь высоких темпов развития нефте- и газодобычи в условиях нарастающего отставания социальных и производственных тылов ЗСНГК. Если в 1950–1960-е гг. первопроходцы тюменской нефтегазовой целины, многие из которых были людьми военного поколения и хорошо понимали, что такое приказ и дисциплина, были готовы к лишениям и трудностям, то поколение, пришедшее им на смену, было не готово действовать столь же самоотверженно и находчиво, осознавая себя не столько героями, сколько заложниками процесса освоения.

Автор приходит к выводу о том, что оценивать эффективность мобилизационной модели экономики следует с учетом трансформации советской системы и общества, конкретной исторической обстановки и задач, которые из нее вытекали. Если в 1960-е – первой половине 1970-х гг. Советский Союз продемонстрировал возможности экономики мобилизационного типа в решении масштабной общегосударственной задачи, то в условиях кризиса системы, ставшего очевидным с середины 1970-х гг., советское руководство не сделало правильных выводов и своевременно не перестроило свой курс, что в совокупности с внутренней эрозией советской власти привело к краху мобилизационной экономики и социалистического государства в целом.

На наш взгляд, одним из несомненных достоинств книги является баланс фактической составляющей с кон-

цептуальным подходом, основанным на стремлении понять и объяснить всю сложность, неоднозначность, многомерность происходивших на Тюменском севере событий и процессов. Автор не стремился обвинить или апологизировать недавнюю историю и ее действующих лиц. Хорошее знание исторического контекста, привлечение широкого круга исторических и историографических источников, точная стилистическая подача делают книгу полезной для профессиональных историков и превращают чтение в комфортное занятие для любого заинтересованного читателя.

А.В. Трофимов,
д-р ист. наук, профессор,
Уральский государственный
экономический университет,
г. Екатеринбург

SUMMARY

Timoshenko A. I. The Concept of “Siberian Rear» (Late XIX – Early XX Centuries)

The article addresses a problem of identifying the meaning of the notion “Siberian rear», its origin and development; analyzes governmental plans to form the rear areas as an element of geopolitical and military-defence strategy of the Russian state. The concept of “Siberian rear» is treated as a project reflected in the ideas and plans which sooner or later were implemented in practice as a result of objective necessity. The author focuses on the fact that in the late XIX-early XX centuries the semantic value of the notion “Siberian rear» was determined. It led to creation of the image of the territory as central parts of the state relatively protected from the border intrusions. During this period the “Siberian rear» in the latitudinal direction was geographically identified in the area from the Eastern spurs of the middle Ural to the area between the Irtysh and Ob Rivers. Natural resources were estimated from a perspective of colonization and further socioeconomic development with agricultural and industrial production. From the officials and entrepreneurs’ point of view the development of mining and metallurgical industries was of particular interest.

In the problem field of the article the concept of “Siberian rear» is linked with its spatial and geographic characteristics. The concept’s historical role in the geopolitical strategy of the Russian state is also shown. The author notes that the need to create the rear industrial areas became more clear when the First World War began. During this period, the railway construction was for Siberia of primary importance in terms of self-organization of the territory, its settlement and economic development. The first and most effective step was the Trans-Siberian railroad construction, which initiated the construction of other railroads and laid down the foundations of the future economic development of the region.

Key words: Siberian rear, spatial and geographical factors, geopolitical strategy, economic reserves, natural resources, military-industrial production.

Porshneva O.S. State, Society and Nationwide Mobilization in Russia during the First World War, 1914 – 1917

The article deals with the problems of state-society relations in Russia during the First World War (1914 – February 1917) in the context of nationwide mobilization processes. The term “nationwide mobilization” is used in a broader sense which means engagement of the belligerent nation in the governmental war efforts. The author discusses the ways of spiritual mobilization of the Russian nation by means of patriotic propaganda, rituals, symbolic actions and civil activity. The author describes the powerful upsurge of patriotic sentiments sweeping across all regions and social social classes at the beginning of the War;

characterizes general moods and their evolution as well as specifics of different social groups’ attitudes toward the War; shows the forms of state-society collaboration and civil activity, practices of social self-organization of the population under wartime conditions in the context of relations between the government and the society. The article evaluates activities of the All-Russian Zemstvo Union, All-Russian Union of Towns, War-Industrial Committees and other organizations engaged in mobilization of the rear areas and solving social problems of combatants and civilian population. The author stresses the significance of the Russian army’s defeats in the spring and summer of 1915, the “great retreat”, which vividly demonstrated the enormous oversights in the country’s preparations for war, organization of the army’s supply with weapons, ammunition, and clothing, as well as consequences of insufficient coordination and incompetence of the military and civilian authorities. The role of political crisis, confrontation between the authorities and society which had grown since the middle of 1915, the mutual power-society distrust in the outlet of national mobilization project is discussed. The article reveals several factors of the evolution of state-society relations which determined the general crisis of national mobilization process.

Key words: First World War, power, Russian society, national mobilization, civil activity, crisis, confrontation

Mariskin O.I. The Taxation of the Population of Russia during World War I (by the Materials of the Middle Volga Region)

The article analyzes transformation of the taxation of population in Russia during the World War I. The author researches regional practice and productivity of the taxation, including income tax in the territory of Middle Volga region.

At the beginning of the XX century the main feature of the imperial budget was the insignificant share of direct taxes in the revenues of the state treasury. Fiscal value of wine monopoly was exceptionally great.

The World War started in 1914 and significantly changed the nature of the financial system and organization of the taxation sphere in Russia. Sharp reduction of profitability of the ordinary budget was caused by a ban on vodka sale in the first days of war, replacement of the commercial transport by the free military transportation, essential reduction of volume of foreign trade. While not having a powerful financial basis in the country the government was compelled to wage the war without tax increase. It only increased external and domestic debt and caused full disorder of monetary circulation (emission of money).

The government tried to compensate budget losses by increasing rates of practically all main direct and indirect taxes as well as introducing the new types of taxation (indirect and direct). In 1917 when the war was not over yet the government

introduced the income tax – with great difficulty and in an incredibly archaic form. The tax revenue was insignificant and in the context of general naturalization of the economy it played only a secondary role. Indirect taxes remained the main basis for the budget which inevitably led to social tensions.

As a result, when the Provisional government's taxes and normal budget revenues largely lost their fiscal value the forthcoming financial catastrophe became more and more apparent. Emission of unsecured government credit notes and treasury signs for extraordinary expenses led to hyperinflation and financial catastrophe that to some extent caused rapid change of the political regime and social system.

Key words: The Taxation, World War I, Middle Volga Region, Emission, financial catastrophe.

Shilovskiy M.V. Administrative Authorities and Municipal Self-Government Bodies in Asiatic Russia during the First World War (August, 1914 – February, 1917)

The period under consideration was not marked by any significant changes in formation and functioning of the governorate officialdom. Heads of governorates and districts, with rare exceptions, had considerable experience in the sphere of public service. During the war they worked “flat out” within the scope of their competence defined by law. Their administrative methods and styles of work varied. Their methods of adaptation to the war-time conditions were also different. In their everyday activities they rest on the relatively small governorate (district) offices suffering from the lack of staff. On the level of uyezd administration this period was marked by lower quality of employees. Later this new generation of uyezd officials joined the Soviet administrative apparatus. During the war administrative burdens of local police agencies and municipal self-government bodies increased. Along with their main duties the latter were responsible for troop housing, accommodation for refugees and prisoners of war, combating high prices etc. All this led to formation of a new type of officials along with the traditional bureaucracy. The new bureaucracy had some distinctive features: service to the people (society) and not to the Emperor; staff turnover on the basis of election (as opposed to appointment); the requirement of just elementary education for filling administrative positions. One of the most important consequences of the war was the municipal self-government bodies' growing role in the socioeconomic and sociopolitical life of Russia and Siberia.

Key words: Siberia, general-governor, governor, municipality, World War I.

Surzhikova N.V. Prisoners of World War I Census in Russia: Causes, Conditions, Results (On the Materials of the Perm Province)

The paper deals with the problem of registration of the prisoners of World War I in Russia and the 1917 census (on the materials of the Perm province). The author asserts that the census was conducted on a nation-wide scale not only because of the «defects» in prisoners registration. The vagueness of quantitative characteristics of the Russian captivity was above all due to its polycentric nature. Rapid integration of captives in production processes led to the fact that in 1915 the captured enemy soldiers were sent to 891 sites, of which 317 were considered as «places

of permanent settlement» and only 68 as camps. In the camps registration was conducted in one way or another but it was lacking in those places where forced labor was used. Captives often arrived at such places bypassing the points of permanent settlement and while being there they could be removed from one production site to another. However, all this was only the beginning. Since 1916 accurate prisoners registration as well as their categorization by age, national, ethnic, confessional and other criteria had been turned into unachievable goal. Its realization was blocked by fierce «battle for prisoners» between Russia's industry and agriculture. As a result, by the middle of 1917 any available registers of captive foreigners in Russia reflected neither their total numbers nor composition nor actual captivity geography. The solution of this problem was seen in conducting the prisoners census for which a set of documents was developed. However it created another problem since the military authorities had been overzealous and made perspective system of the prisoners registration so unwieldy that it turned out absolutely unpromising. For all that even if the All-Russian census of captives had been held successfully, the collected data would have required certain time to be processed, which was impossible in the context of political developments of 1917. The late 1917 census campaign failed to produce reasonable statistics and confirmed once again that the pattern of Russian captivity was initially too complex to retain its transparency.

Key words: World War I, prisoners of war, captivity geography, registration, census, Perm province

Belova I.B. Refugees of the First World War in Soviet Russia. 1918-1919

The article deals with the problem of World War refugees repatriation (natives of the western territories cut off from Russia in compliance with the Brest-Litovsk peace treaty) on the example of central provinces of European Russia in 1918 - 1919.

The article reflects the Bolshevik government's policy towards both the old social welfare organizations (left from the pre-revolutionary period and dealing with refugees) and the new organizations that were established on democratic principles during the Soviet period and resumed to provide social care to refugees. The article also highlights the process of creation of the Soviet evacuation bodies, which assumed control over the refugees.

The article examines efficiency of the Central Board for prisoners and refugees (Tsentroplenbezh) activities on re-evacuation of refugees. It presents comparative data on the refugees who were sent home free by the Tsentroplenbezh and on those who left European Russia on their own or remained there till the beginning of 1920. The author shows the extent of refugees' spontaneous movement to their homeland, the Central Board's attitude towards this process as well as the attitudes of local authorities and local boards who considered prisoners and refugees an intolerable burden amid hunger and destitution.

The author assesses the Central Government's attitude to the numerous problems of refugees who remained in the Russian Republic waiting for re-evacuation, including the declarative nature of Council of People's Commissars decree dated January 28, 1919 «On the responsibility of the Central board of prisoners and refugees towards refugees subject to re-evacuation». The

author shows how the refugees were involved in military service for the Red Army and in forced labor.

Key words: refugees of World War I, Central Board for prisoners and refugees, central provinces of European Russia, Councils of refugees, legal re-evacuation, spontaneous refugee movement, blocking detachments, refugee rations, forced labor, mobilization of the Red Army, Civil War, hunger, epidemics.

Rynkov V.M. Social Mobility during World War I: Specific Features of Asian Russia.

When Russia entered an extremely large-scale war, it faced the necessity not only to mobilize the economy and people to withstand the military adversary but also to work out a set of measures aimed at addressing the consequences of suddenly increased social mobility. During the second half of 1914-1915 special institutions for solving this task were created. In 1916 when the living standards of working population essentially fell, none of the counter-measures could stop the process of marginalization of the large groups of people and consequent radicalization of political consciousness.

The aim of the article is to analyze the processes of social mobility in the eastern regions of Russia, to reveal all-Russian tendencies and macroregional specifics of this phenomenon. The efficiency of the state social policy in Siberia and Far East was negatively affected by the absence of territorial authorities, underestimation of Siberian and Far-Eastern specificity by the government, allocation of funds for social transfers covering expenses less than the Russia average.

Citizens – members of the families called up for military service faced extreme difficulties since the first days of the year, and refugees – since summer 1915. Unbalanced measures in the field of social policy led to inclusion of these groups into a kind of underclass suffering from the severe psychological disadaptation. During 1915 even broader layers of population suffered from the gradual deterioration of social situation. In 1916 marked aggravation of commodity shortage and the rouble's decline led to qualitative impoverishment of a considerable part of Siberian and Far-Eastern population. Decrease of social status of public servants was clearly indicated. However, the employment growth in the industrial sector of economy under the war conditions was a deterrent factor of descending social mobility.

Key words: World War I, Asian Russia, Siberia, Far East, institutions, clusters and social mobility factors, descending social mobility, marginalization, social policy, social transfers, non-governmental organizations, charity.

Guryanova N.S. The Old-Believers and the Manuscript Heritage of Early Russia

The article discusses the question of the use of the manuscript heritage of the Early Russia by the Old-Believers. The analysis of two collections composed in 1710 and 1711 shows how the Old-Believers, refuting the official church hierarchy's argument, managed to appeal to the exact version of Velikie Chetii Minei (Great Menaion Reader) which had been referred by the author of Uvet Duhovny ("Spiritual Homily"). The article emphasizes that the Old-Believers gave a more complete description of the manuscript and adopted a scientific approach to the analysis of its content. First of all the authors copied verbatim the fragments of the preface in which Makarios the

Metropolitan wrote about possible penetration of "false words" into VCM and asked to exclude them. Those fragments are followed by the information that Philaret the Patriarch excluded the apocryphal Skazanie Afroditiiana (Aphroditian's Tale) from VCM in order to comply with metropolitan Makarios' request. The article shows compilers' way to argue Uvet Duhovny which stated that Ukaz o tregubaya hallelujah is present in the June and August books of the VCM copy in question. The Old-Believers began with the analysis of the content of the August Minei and explained that the Ukaz had been excluded from the book as well as Skazanie Aphroditiana from the December book and that the text is preserved in the June book by mistake. The article concludes that the Old-Believers managed to provide a convincing comprehensive logically arranged argumentation against one of the proofs referred to by the hierarchy of the official church in order to prove their point. The analysis of the collections reveals a remarkable fact which serves as an evidence of the highest level of the Old-Believers' book culture.

Key words: Old-Believers, Makarios the Metropolitan, Velikie Chetii Minei, Philaret the Patriarch Uvet Duhovny, manuscript collections.

Zhurova L.I. Metropolitan Daniel's "Sobornik" ("Collected Writings") and Preaching Culture in Muscovite Rus in the XVI Century (On the Problem Statement)

The collection of 16 author's Words (Speeches) is the most important manuscript in Metropolitan Daniel's heritage. Its appearance was due to the moral and educational state of the Russian society in the first half of the XVI century. Daniel's Words were intended to educate the Orthodox Christians by the means of enlightenment and didactics.

It is proven that church writers' sermons were based on the principle that one should not express his opinion but teach on the behalf of the Holy Writ and in accordance with it. That is why the Scriptures play such a significant role in Daniel's Words. His writings have a three-part structure which was considered incoherent by the researchers in the XIX century. The second part comprising up to 88 per cent of the whole text contains quotations from the Bible and Fathers of the Church. The researchers of the XIX century considered it unnecessary to study and publish those quotations.

The article draws attention to the need to revise the existing views on Daniel's practice of writing. The elements creating the integrity of the content and the composition of several writings from the "Sobornik" ("Collected writings"). These elements allow determining the logic of the Words' structure. The "Sobornik" ("Collected writings") concerns the issues of theological doctrines and worldly life such as false prophets and true preceptors, the sign of the cross and Calvary, the Holy Tradition, the incarnation of the God, relationships between church and secular authorities, human morality. Prophetia, pastoral pathos and uniformity of the Words' design served as unifying elements.

V. Zhmakin regarded Daniel's writings as the genre of treatise. The article suggests that the genre is syncretical and has a compilation structure. Large narrative forms were the general trend of the book-publishing development in the XVI century. Daniel thought it was most important for a person not to seek

the truth by himself but to follow a theologian's interpretation of the holy texts. This position determined the architectonics of the Words.

Key words: Daniel the Metropolitan, "Sobornik" ("Collected writings"), didactic literature, sermon, manuscript, book tradition, church writer, XVI century.

Shipilov I.A. Sources on the History of Geographic Research of Western Siberia and Yakutia in the Late XVIII Century (M. Sauer's Materials)

The article deals with the materials of Martin Sauer, a secretary and interpreter in the North-Eastern Geographic and Astronomical Expedition (1785–1795) under I.I. Billings and G.A. Sarychev's command. These sources are introduced and studied for the first time in historiography. Martin Sauer's materials concerning physical geography of Western Siberia and Yakutia were included in his book published in Great Britain, Germany, France, Italy and other European countries but never in Russia. They fill up the gaps in scientific works written by the expedition commanders and participants. The analysis of Sauer's geographical information has shown that the traveler observed, collected and recorded the new data concerning the topsoil, the topography, the water bodies, the climate, the wildlife, and other components of natural complexes in various regions of Western Siberia and Yakutia. Having summarised the collected data he proposed physiographic regionalization of the regions. Using the method of regionalization, one of the main methods in physical geography, Sauer determined location of natural zones of the researched regions with good accuracy and ascertained the influence of terrain relief on the nature of the region (altitudinal zonality). This leads to a conclusion that Sauer's scientific work is an actual source on the history of geographical research in Siberia and on the history of development of physical geography as a science. The article also describes M. Sauer's book as the main source of information about Billings and Sarychev's expedition in Europe, shows its geopolitical significance for Russia.

Key words: history of geographical explorations, North-Eastern Geographic and Astronomical Expedition, Martin Sauer, Western Siberia, Yakutia, natural zones, altitudinal zonality, physical geography.

Mangileva A.V. Book Culture of the Provincial Clergy in the Second Half of the XIX - Early XX Century. : History the Library of Archpriest EA Popov.

The clergy was one of the most educated social groups in Russia. However, the book culture of the clergy has been poorly studied, that is why searching for information about the libraries of the clergy can be of considerable interest. The article is devoted to the personal library of the Perm Archpriest Evgeny Popov. A few years after the owner's death the library was acquired by the rural dean from the Solikamsk district Jacob Shestakov, who took it as a basis for organizing a district library. The library passed through the hands of two priests who shared common interests (missionary, educational and charitable activities) and a common fate. During the period of Great Reforms a new type of Orthodox cleric was formed. The clergy became engaged in social activities, actively cooperated with the laity in the field of social service, culture and science, while never forgetting their own special status. The library of E.A. Popov discloses first of

all the professional interests of an educated cleric in the second half of the XIX century. Since the directions of the clergy's inter-church and social activities in the late XIX - early XX centuries did not change, the private library could serve as the basis for a public library. Analysis of the library holdings allows to define more clearly the circle of reading of the parish clergy at the turn of the century. At the same time the early XX century witnessed the reduction in the number of deanery libraries which suggests an idea that the attempt to improve the clergy's professional level and book culture by means of libraries failed due to both objective and subjective reasons.

Key words: church reforms of Alexander II, the social activities of the clergy, the book culture of the clergy, church libraries, history of the Orthodox Church in the Urals, E.A. Popov, I.V.Shestakov.

Lyutov S.N., Panchenko A.M. Creation of Polygraphic Base for the Scientific Book Publishing in Siberia (1957-1971)

In the historical and bibliological studies on the scientific book publishing in Siberia its printing component has been studied very fragmentary. Until the mid-XX century in the region there were no specialized printing enterprises for production of scientific journals and monographs. In 1957 when the Siberian Branch of the Academy of Sciences (SB AS) of the USSR was established the then existing practice of publishing scientific literature in various printing houses of the Siberian cities did not meet the new development goals of science.

The paper presents information from the documents dating to the 1950s-1960s, memoirs of the participants in the events that allow assessing the problems and difficulties associated with the creation of polygraphic base for the regional academic publishing during the formative period the Siberian branch history. Increased research activities, the need for prompt publication of their results forced the administration of the Siberian branch to take steps in order to create a temporary printing house and to place orders in the printing houses of Moscow and Siberian cities. Correspondence between the heads of the Siberian branch with the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR and the Soviet Government demonstrates that the former were very persistent in getting permission to construct in Novosibirsk a specialized polygraphic enterprise that would meet the requirements of scientific book publishing being provided with the same equipment as the printing houses belonging to the "Nauka" Press in Moscow.

The author introduces into scientific use the new archival documents and memoirs demonstrating difficulties faced by the constructors of the new printing house and describing how these difficulties were overcome. The leadership of the Siberian branch managed to defend its position during the confrontation with the local authorities, who tried to leave the printing house at their disposal. However under the conditions of centralized management of the publishing industry the right of ownership of the printing house after construction was transferred to the Publishing house "Nauka", along with vesting the Siberian branch with a right to reconcile its production plans for scientific publications.

Key words: the Siberian branch of the Academy of Sciences, scientific book publishing, polygraphic base, printing-houses of the "Nauka" Press.

Zolnikova N.D. The Tuvian Chernoriztsy (Monastic Old-Believers) of the XX century in the Atheistic Literature and Old-Believers' Uralo-Sibirsky Paterik ("Ural and Siberian Collected Patristic Writings")

The post-revolution history of the Chasovennye Old-Believers in Tuva is analyzed in the light of two different cultural systems. One system is antireligious literature. It was usually produced on the instructions of the relevant authority; its super-task was to counteract the religious views and to introduce "the Soviet way of thinking". It was based upon a scheme which regarded the Old-Believers and especially the monastic Old-Believers as enemies to the Soviet government. They were considered to be in league with anti-Soviet gangs, to oppose to the Collectivization and to induce resistance to authorities among ignorant peasants. It was also considered that authorities have never persecuted them. The information gathered both from the secret files of the archives of the Ministry of the State Security and from residents' interviews was interpreted and sometimes even modified according to the scheme.

The system of Old-Believers' culture is represented as Old-Believers' literature, in this instance by Uralo-sibirsky paterik ("Ural and Siberian collected patristic writings") created by the Chasovennye Old-Believers of the Lower Yenisei in hermitages and neighboring villages in the 1940s – 1990s. The Dopolnenie (annex) to the Paterik (1991) contains a number of hagiographic biographies of the Tuvian monastic Old-Believers and the laity Chasovennye. It also uses the data from A.F. Emel'yanov's antireligious book of feature stories "Ot mira ne uiti" ("No escape from the world") based on the documents of crime investigations of 1920 – 1940s and the Tuvian monastic and laity Chasovennye Old-Believers' personal interviews. The compiler of the Annex to the Paterik ignores A.F. Emel'yanov's conception entirely; he chooses separate facts, deprives them from the context and introduces them in the course of the hagiographic biographies. The facts are used in such a way as to create the images of hermits usually in accordance with the system of toposes of saints or righteous laity Christians. The negative facts from the "foreign" source are interpreted as positive ones. Supplemented with evidences of the miracles performed by those hagiographical heroes (who are portrayed by Emel'yanov as being rather unattractive) and with descriptions of their ascetic deeds etc. these blocks of facts acquired a new cultural meaning different from the original source.

Key words: Old-Believers, antireligious policies, "alien", peasants, monastic Old-Believers (chernoriztsy).

Zverev V.A. The Modern Historiography of the Process of Reproduction of the Rural Population in Siberia in the Late Imperial Period

The paper examines recent (post-Soviet) research on reproduction of agricultural population of Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. The author considers the reproduction of population as a complex process of physical, social and cultural renewal of generations. That is why his historiographic research is based on the studies in historical demography as well as in social history, ethnography, pedagogic history. The author describes how the theme has been studied over time and summarizes results of research on conditions and factors, social forms and technical content, stages and results

of reproduction of the rural population within the territorial borders of the Tobolsk, Tomsk, Yenisei and Irkutsk provinces, Akmolinsky and Transbaikalian areas in 1861–1917. The author emphasized the great impact of some pioneering fundamental works on the problem. The writings by a demographer A.G. Vishnevsky, social historian B.N. Mironov, ethnologists M.M. Gromyko and S.L. Pushkarevoy are among them. The author insists on vitality of historical and demographic issues in the context of contemporary demographic crisis in Russia. Contrary to the dominant views the author argues that the demographic and sociocultural modernization and the leap in reproduction in Siberia began at the turn of centuries, almost simultaneously with European Russia. He also emphasizes the significant impact the Church and Religion had on the demographic process; presents the results of his long-term research on reproduction of the population of Asiatic Russia during the second half of the XIX – early XX centuries. He had been inspired by the idea to reveal demographic situation, characterize specific patterns of demographic (matrimonial, reproductive, migrational and vital) behavior and socialization of Siberian dwellers that in fact provided mechanisms of fixation and transformation of the Siberian population's qualitative and quantitative characteristics.

Key words: Siberia, historiography, Siberian village, interdisciplinary approach, historical demography, reproduction of population, demographic transition.

Zaporozhchenko G. M. Urban Consumers' Co-operation in Siberia At the Beginning of the XX Century: Source Studies Aspect

The article analyzes the information potential of the sources on the history of pre-revolutionary urban consumer cooperation. The author analyzes such historical sources as legislative acts, office and secretarial documents of the government and cooperative organizations, reports of cooperative conventions, notes and essays of cooperative societies' functionaries, statistical publications. These materials are contained in the central and local state archives and periodicals. This refers to the administrative documentation of municipal authorities, reports of police ranks, petitions, protocols of general meetings, charters and reports of cooperative organizations. Taken together they depict the legal and socio-economic conditions of commercial and cultural activities of cooperatives, the nature and evolution of their relations with the authorities, contribution to overcoming the food crisis. Office documents are accurate in fixing the facts. Reference and statistical sources are important for systematization of information about cooperation. Proceedings of the co-operative congresses, essays and notes of the functionaries of Siberian co-operation provide rich material for the study of questions of co-operative ideology and practice.

Materials from periodicals significantly expand and elaborate on the existing views on the urban consumer cooperation of Siberia. They are of particular importance for studying the consumer cooperatives within the framework of the concept of civil society, allowing retrieving from the contemporaries' observations the set of certain values, motivations and mental attitudes, ways of thinking and patterns of behavior typical for the initiative and ordinary participants of the co-operative movement in the cities and villages.

The author concludes that fragmented and piecemeal nature of the source base of the research suggests the need for complex use of the information potential of all types of sources.

Key words: historical source, legislative acts, office documents, periodicals, civil society, consumer cooperation, Siberia.

Ostrovskij L. K. Repatriation of Optants, Refugees and Prisoners of War from Siberia to Poland in 1921 – 1924

The article deals with peculiarities of repatriation of refugees, optants and prisoners of war after signing a Peace Treaty between the Soviet Russia and the Ukrainian Soviet Socialist Republic on the one part and Poland on the other part in Riga in 1921. The topic of repatriation of Poles from Siberia is poorly covered both by Russian and Polish historiography. The aim of the paper is to characterize the concrete historical circumstances of repatriation of refugees, optants and prisoners of war from Siberia to Poland. Archival fond of the Central Office for Evacuations of the People's Commissariat for Internal Affairs of RSFSR provides the number of Polish refugees and prisoners of war in Siberia and contains data on their repatriation to Poland. The author analyzes social and national groups of returners, their financial standing and the activities of the Polish Office for Refugees based on the new archival documents, including applications found at the Department for Optants of the Polish Office in Novonikolayevsk. Optants were mainly represented by peasants. Ethnic structure of optants was rather diverse. The article reveals the influence of economic devastation on repatriation of Poles from Siberia. Analysis of various written sources shows that repatriates suffered from hunger, cold and diseases. Rail disruption in Russia slowed down the process of repatriation. According to references, peasant rebellions caused by the policy of "war communism" also slowed down the process of repatriation. The author concludes that repatriation of Poles was necessitated by the political interests of Bolsheviks' and their Polish allies. Archives make it possible to determine the political aims of Bolsheviks and Polish Communists who tried to turn repatriates hostile towards the revolution into their supporters.

Key words: repatriation, refugees, optants, prisoners of war, Polish Office for Refugees, mixed commission, Siberia.

Suleymanov A. A. The Yukaghir Complex Expedition of 1959

Based on the archival data and published sources the paper reconstructs the history of the Yukaghir complex expedition – the most important academic initiative in the history of Yukaghir studies. Researchers from the Institute of Ethnography, the Institute of Linguistics and the Institute of Language, Literature and History of the Yakut affiliate of the Siberian branch of the Academy of Sciences of the USSR took part in this expedition. The author characterizes the expeditionary research methods which included the archaeological reconnaissance and excavations, interviews with local people; observation of contemporary household practices, collection and analysis of archival, somatological and serological materials. The basic directions, results and geography of the research, covering a large part of the North-Eastern areas of Yakutia and Magadan region are defined and illustrated. Research made by the expedition members contributed a lot to identification and

study of archaeological sites and monuments of the area under consideration. They helped to obtain information about the traditional occupations and lifestyles of ancient Yukaghirs, bio-anthropological characteristics of the Yukaghir ethnos, folklore, language and its dialectological features. They also helped to study the modern linguistic and ethno-cultural situation, economic activities and ethnic processes. The author stresses the significance of the research for the formation of the modern scientific knowledge about Yukaghirs and training of qualified scientific personnel were noted.

Key words: Arctic, Yakutia, The Academy of Sciences of the USSR, Yukaghirs, indigenous peoples of the North, academic expeditions.

Dolgolyuk A.A. Capital Building in Siberia in Foreign Historiography

The article evaluates the current situation in the foreign historiography of the development of Siberian construction industry. The author considers 30 publications dealing with this topic; reveals main problems that caught the researchers' attention. Foreign historians traced how the capital construction was connected with implementation of economic state policy aimed at realization of nationwide programs. They demonstrated how narrow departmental interests hampered the investment process in Siberia. Among the major factors in the development of the region's productive forces scholars determined the military-strategic and export interests, the country's aspiration to obtain the missing raw materials and finished goods. Foreign researchers paid much attention to the creation of West Siberian oil and gas complex, duly appreciated its significance for Russia and world economy. Another important issue attracting the researchers' attention is a large-scale energy construction on the Yenisei and Angara Rivers. These authors traced the relationship between the construction of hydroelectric power plants and creation of large industrial hubs and regional industrial complexes. Foreign specialists also considered the extent of use of forced labor of prisoners, migrants, prisoners of war and internees. The most commonly use forms of manpower recruitment were organized recruitment, appeal to the public, sending college and vocational schools graduates to the trusts.

Key words: foreign historiography, capital construction, forms of recruitment, builders, Siberia

Vorontsova E.A. Museums as an Element of the Information Support System for the Historical Science: Theoretical and Methodological Aspects

The author aims to draw special attention to theoretical and methodological issues, which will help us to understand the museums role in the information support system of the historical science. These issues include analysis of museums as one of the basic elements of information infrastructure of historical science; structuring and systematizing museum funds for the needs of science; collections of literary museums as a source of information for the historian of literature and culture; using information technologies with due regard to the specifics of communications between scientific and museum communities; representation of information potential of museums.

Information support is considered in terms of technology and content. Museum and science are viewed as partners

involved in the information process in their own way. They help each other to obtain, maintain and present information. Historical science needs information resources of museums, their expositions (as platforms for translating knowledge to the society), especially information resources of historical museums. Museums need historical knowledge as scientific justification for the principles underlying acquisition, systematization and cataloguing of museum holdings; in order to increase information output of museum collections as well as to create displays and exhibitions meeting the requirements for representativeness.

The author defines the number of issues dealing with the theory and methodology of history and museum science (museology). These issues are key for improvement of information support both for the historical science and museum activities. The author states that historical science and museums have underused the potential for reciprocal usefulness to each other. In the context of information society the information support has become a more significant factor in the development of historical science. The increased role of communication and representation of information makes the museums to facilitate access to the collections for historians using both the traditional and innovative methods.

Key words: historical science, information support, information resource, museum, historical museums, museology, historical source, museum object, representation, scientific communications.

Kiselev A.V. The Role of the XVIII Century Academic Expeditions in the Development of Local Studies in Russia

The importance of local history studies for preservation and reproduction of socio-cultural values actualizes the problem field of methodological and historiographical reflections on studying the native land.

Russian local history studies have been thoroughly reviewed in historiography, however the formative stage of the local lore research in Russia and its epistemological foundations remain understudied.

On the basis of geo-historical approach the paper analyzes the role of the XVIII century academic expeditions in the development of local history studies in Russia. It also considers ontologically-cognitive strategy of local history research during that period.

The need for a comprehensive study of the country impelled the reformer's genius of Peter the Great to create the St. Petersburg Academy of Sciences, which became a basis for the new Russian science. Formation of the local history studies in Russia took place in the framework of the principle research project of the academic community – drawing up a general map of the country. The natural history research was focused on the eastern regions (Siberia) to which the Kamchatka expeditions were sent. Monadology of G.V. Leibniz and logical-mathematical principles of Ch. Wolff epistemology presented theoretical and methodological basis of the expeditionary research that implemented the concept of geo-historical study of a particular area, i.e. local history research, in the Eastern peripheral territories.

Local geo-historical aspect acquired academic status and nationwide scale due to the second Kamchatka expedition and

was manifested in the most complete form in local history studies by G.F. Miller and S.P. Krasheninnikov.

Born in the “bowels” of St. Petersburg academic community, the practice of local history research inherited classical scientific and organizational principles of the supreme scientific institution of Russia.

Key words: Local history studies, Academy of Sciences, methodology, logical-mathematical model, monadology, the school of erudites, the Second Kamchatka expedition.

Posadskov A. L. “Osvedkazak” and Its Chief Colonel F.I. Porotikov: On the History of Publishing in the White Army of Siberia (1919-1920)

Documents restoring the structure and functioning of the Intelligence Department of the Siberian Cossack troops (Osvedkazaka), selected by its chief Cossack colonel F.I. Porotikov, were found in the State Archive of the Trans-Baikal region. These materials were used to acquit F.I. Porotikov in the military court.

The documents demonstrate that Osvedkazak was established on August 5, 1919 but began to function on June 22, 1919, when the first issue of the newspaper “The Siberian Cossack” was published. The staff of Osvedkazak totaled 107 employees. Its operating area included West Siberia which was divided into 26 districts each headed by the Cossack officer having an experience in military propaganda. F.I. Porotikov's chief, the Ataman of the Siberian Cossack Forces P.P. Ivanov-Rinov recommended the leader of Osvedkazak as a “talented officer and passionate patriot”, “bright incorruptible public figure”.

Osvedkazak published and disseminated anti-Bolshevik literature in Cossack troops on the battle- and home fronts. It widely used informants – women, nurses, priests in order to promote literature.

Osvedkazak's structure consisted of five divisions: publishing, information (verbal propaganda), belles-letters, newspaper (“The Siberian Cossack” editorial board) and financial.

Preparing for evacuation to the East Porotikov took 2 million rubles for the verbal propaganda aims. Having arrived at Chita F.I. Porotikov by order of Ataman G.M. Semenov used the Osvedkazak's employees for performing Ataman's secret tasks. On March 8, 1920 Osvedkazak was liquidated.

Earlier, in January 1920, the former chief of the General office for Cossack troops at the A.V. Kolchak's headquarters B.V. Horoshkhin started persecution and prosecution against the chief of Osvedkazak, accusing him of misappropriate use of these 2 million rubles. Porotikov was supported by the Chief General P.P. Ivanov-Rinov. As a result the law-suit against F.I. Porotikov was closed.

Key words: press, propaganda, Siberian Cossack troops, the White Army, Siberia, intelligence departments of the White movement.

Ivanov V.G. Archive of the Poet E.P. Iordanskiy as a Source on the History of Literary Movement and “Samizdat” Publishing in Siberia in the 1960s-1980s

The paper deals with a significant source on the history of uncensored press and poetry of Siberia – the archive of E.P.

Iordanskiy who was a poet and activist of “samizdat” publishing in Novosibirsk. The author analyzes archival documents, describes the history of its publishing in relation to the activities of Sokur group of poets, the “Left Siberia” group and to the creative work of a famous Russian underground poet A. V. Makovskiy. The first book of Makovskiy’s poems was based on manuscripts from Iordanskiy’s archive. E.P. Iordanskiy is still following Makovskiy’s principles of evaluation of poetry. He has always demonstrated individual approach to the young poets, which was very important in the “novitiate” period. The main element in such approach was his search for novelty which could not be substituted with clichés and stock phrases. This sense of novelty in poetry is always connected with perception of the life itself. The presence of novelty meant for Makovskiy the denial of routine. After all Makovskiy appreciated the original primitive state of every phenomenon. However he himself was well known in the “underground” circles of Russia being a significant figure of uncensored poetry. To this extent the “Sokur school” and “Left Siberia” group were not absolutely isolated and historically could be included in the tradition of development of the similar groups such as the famous “Lianozovo school”, “Helenukt group” and others. Despite the fact that these groups differed in styles and approaches to working with words one can determine points where they were coming together as well as points of their repulsion. However the certain “remoteness” of the Sokur school makes difficulties for further publication of the archival materials of this archive due to the fact that publishers of Makovskiy’s poetry and his heirs use different systems of selection and evaluation of his poems. In this case contradictory views on publishing are very explicit, as they are caused by the program principles of Makovskiy’s poetry along with Iordanskiy’s desire to preserve these principles which can eventually result in conservation of this archive.

Key words: poetry, underground, samizdat, Siberia, personal archive, E.P. Iordanskiy, A. V. Makovskiy, literary movement of 1960s 0 1980s, poetry groups.

Bazyleva E. A. Bookselling Activities of the Imperial Russian Geographical Society

The article describes the Imperial Russian Geographical Society’s activities in the field of book trade; considers how the IRGS books were sold – on a commission basis, by subscription, on demand, or based on the non-store retailing when books were shipped via mail. The IRGS distributed periodicals and proceedings, part issues and cartographical editions. It is noted that multivolume works were on sale both as separate volumes and as complete sets. The printed editions could be also distributed in parts – as separate offprints. The IRGS sold not only its own editions but also books published by its provincial branches. The author describes specifics of the IRGS book trade that was based on opening its own book-selling enterprises – book warehouses.

The IRGS growing involvement into the book trade is proven by its activities in the field of book advertisement. In order to increase the total volume of book sales the IRGS practiced an exchange of announcements informing the reading public about the recently released books, how they could be bought or subscribed to. Book-selling lists became another type of advertising its book production. The author comes to an important conclusion that the IRGS book production enjoyed popularity and was distributed both in Russian Empire and abroad.

The author states that the economic upturn in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries had positive impact on the IRGS book-selling activities while the military and revolutionary events led to deterioration of economic situation and negatively affected this sector of book trade.

Key words: Imperial Russian Geographical Society, history of Russia, book trade, book culture.